

Дина
Игдиева

ДОРОГАМИ ДОЖДНЫХ СОЛНЦ

Я — дочь российского дипломата, жена индийского аристократа и... беглянка, которую одержимо ищут. Ещё у меня есть деньги, влиятельные друзья и умение влипнуть в неприятности, из которых потом приходится выпутываться. И, будто всего этого недостаточно, однажды в мою дверь постучал ОН. Думаете, Судьба? Нет, скорее Злой Рок, сделавший мне предложение, от которого я не смею отказаться. Ситуация — тупиковая, и первый раз в жизни я не знаю, как с ней справиться. Да и как справишься с тем, что тебя вынуждают помочь в совершении преступления?! Попытаться перехитрить всех и снова сбежать? Если бы всё было так легко! Беда редко приходит одна. А если к бедам ещё и примешивается любовь...

Глава 1

Посмотрев на тёмное окно, я решительно закрыла ноутбук и вышла из кабинета. Спускаясь по лестнице, услышала голос моей помощницы Бетти — она что-то говорила о голубом периоде Пикассо, а мужской голос отвечал ей. Запоздавший клиент? Нацепив на лицо улыбку, я спустилась вниз, но, когда обогнула колонну, скрывавшую Бетти и её собеседника, улыбка испарилась. Беседовавший с моей помощницей тип совершенно не походил на клиентов, обычно заглядывавших в нашу галерею. Он скорее смахивал на одного из персонажей фильмов Гая Ричи. Чёрная кожаная куртка, такого же цвета майка и джинсы, на лице — лёгкая небритость, и во всём облике что-то неуловимое, настораживающее, от чего хочется держаться подальше.

— Добрый вечер, — приветствовала его я. — Рада, что вас заинтересовали работы, выставленные в нашей галерее, но, к сожалению, мы уже закрываемся. Можете зайти завтра. Любоваться картинами лучше при дневном освещении.

— Да, я об этом слышал, — согласился незнакомец. — Но пришёл в галерею не ради картин, а ради вас... мисс Шейх, верно?

Сердце ухнуло куда-то вниз. Мой муж... нашёл меня. Этот тип наверняка послан им. Первой мыслью было — шарахнуть его сумочкой и бежать. Но я быстро взяла себя в руки. Даярам не стал бы посылать за мной какого-то наёмника. Узнав о моём местонахождении, супруг явился бы сам. Этот персонаж здесь по другой причине. И что-то подсказывало, день, который начался так удачно, только что перестал быть таковым.

— Бетти, — обратилась я к помощнице. — Можешь идти домой. Увидимся завтра.

Девушка бросила тревожный взгляд на незнакомца, неуверенно направилась к выходу, но у порога остановилась.

— Я позвоню вам через десять минут, мисс Шейх. Если вы не ответите, я вызову полицию, — и юркнула за дверь.

Незнакомец проводил её насмешливым взглядом и повернулся ко мне.

— Преданная помощница, готовая спасти босса в беде. Но мне хватит и пяти минут. Миссис Варма.

Как ни старалась владеть собой, всё же едва заметно вздрогнула, услышав фамилию супруга. От незнакомца это наверняка не укрылось.

— Смена климата, смена причёски, смена имени, — снова заговорил он. — Вы знаете, что муж вас ищет? И ищет очень усердно.

Из внутреннего кармана он достал и протянул мне конверт. Я молча открыла его и

усмехнулась. Фотографии Даярама, сидящего в машине с каким-то субъектом. Вот он передаёт субъекту деньги и конверт вроде того, что держала в руках я.

— Это частный детектив и неплохой, надо сказать, — пояснил мой «гость» и вытащил из заднего кармана джинсов мобильник. — А это запись телефонного разговора вашего супруга с детективом...

— Я знаю, что он меня ищет, — оборвала его я. — Дальше?

Тип спрятал мобильный и спокойно заявил:

— Услуга за услугу. Мне нужна ваша помощь, вернее, ваша связь с одним джентльменом. Поможете мне — я исчезну, и больше вы никогда обо мне не услышите. А ваш муж — о вас.

Двумя месяцами ранее...

Шутки, смех, весёлые голоса. В Индии любят праздники и отмечают их с размахом. Особенно, если речь идёт о таком важном событии, как годовщина свадьбы. Чуть повернув голову, я посмотрела на моего красавца-мужа. Гордый профиль, густая шевелюра, пронзительный взгляд тёмно-карих глаз — истинный раджпут. А, кроме того, наследник одной из самых богатых и уважаемых семей в Дели, успешный бизнесмен и вообще мечта любой женщины. Поймав мой взгляд, «мечта» просияла нежнейшей улыбкой. Смуглая рука, сверкнув обручальным кольцом, потянулась к моей, и я в последний момент удержалась, чтобы не отдёрнуться.

— Ты счастлива, джан[1]? — его пальцы переплелись с моими. — Этот праздник — в твою честь.

Я тоже выдавила улыбку, а супруг, поцеловав мою ладонь, поднял стоявший перед ним бокал. Сейчас будет речь, которыми так славится мой сладкоречивый свами[2]. Гости прервали разговоры, свёкор и свекровь благоговейно замерли, ожидая от единственного обожаемого сына чуть ли не божественного откровения. И он заговорил:

— Около двух лет назад на одной скучной вечеринке я увидел восхитительный и очень редкий цветок, — нежный взгляд на меня, тихие вздохи гостей, растроганные улыбки. — Околдованный удивительной красотой этого чуда, я долго добивался его внимания, и наконец цветок распустил передо мной свои лепестки, а год назад пришёл в мой дом и стал моей горячо любимой...

Тихий дребезжащий звук — смартфон супруга, лежавший на столе между нашими тарелками, «ожил», но я не успела рассмотреть, кто звонит. Выпустив мою руку, Даярам молниеносно подхватил смартфон, сбросил звонок и переложил по другую сторону тарелки экраном вниз.

— ...моей горячо любимой женой, — как ни в чём не бывало прозвучал его обволакивающий голос. — Я благодарен Судьбе и Небесам за то, что послали мне...

Снова вибрация смартфона и мерцание перевернутого экрана, практически незаметное в свете свечей, щедро расставленных на роскошном праздничном столе. Я скользнула взглядом по мгновенно напрягшимся лицам свёкров, недоумевающе-неловким — наших друзей.

— За то, что послали мне тебя, любимая! — патетично объявил супруг. — Ты — моё самое дорогое сокровище.

Не отрывая глаз от смолкшего и тут же снова завибрировавшего смартфона, я чувствовала, как Даярам наклоняется ко мне, но даже не повернулась и, вместо губ, он поцеловал меня в висок, горячо шепнув:

— Люблю тебя, джан.

А в следующее мгновение осторожно, словно карту на партии в покер, приподнял смартфон. Звонок от «Офис доб. номер».

— Помню вашу свадьбу, будто она была вчера! — мечтательно протянула Рати. — Столько свечей и...

Но мой благоверный уже подскочил со своего места и обворожительно улыбнулся:

— Прошу прощения, это не займёт много времени, — и ходко затрусил в соседнюю комнату.

— Ещё вина? — любезно предложил мой свёкор растерявшейся Рати.

Та с готовностью закивала.

— Попробуйте креветки, — потчевала кого-то свекровь. — Они великолепны! Наш повар...

Я слышала конец фразы, но смысл прошёл мимо сознания. Мысли устремились в соседнюю комнату, в которой мой муж отвечал на звонок, настолько важный, что ради него стоило бросить наших гостей и меня, «самое дорогое сокровище», за столом, накрытым в честь первой годовщины нашей свадьбы. Обида, едкая, как кислота, медленно заполняла меня, причиняя физическую боль. Для себя я уже всё решила, почти всё подготовила и собиралась сделать это тихо — без драмы и хлопанья дверью. Но эта выходка моего дорогого супруга, став последней горькой каплей, перевесила все доводы рассудка. Он не смог удержаться даже сегодня, в нашу годовщину, и позволить мне почувствовать себя единственной хотя бы эти несколько часов... Тихий звук шагов. Если бы не прислушивалась, не различила бы их среди болтовни и смеха наших друзей. Даярам вернулся за стол и, приобняв, чмокнул меня в висок. Было время, когда я считала подобные жесты проявлением нежности, а не вины, и тут же расцветала от счастья. Но не сейчас. Я демонстративно поставила на стол бокал с вином, который держала в руке, и ледяным тоном поинтересовалась:

— Кто звонил?

Разговоры тут же смолкли. Свёкор напрягся, в глазах свекрови мелькнула тревога, на лицах гостей — неловкость. Но супруг беззаботно махнул рукой.

— С работы. Никак не могут...

— Вот как? Значит, Ситара работает теперь у тебя?

Беззаботность Даярама мгновенно улетучилась, взгляд стал острым.

— Звонили с работы, джан, — понизив голос, проговорил он, попытался взять меня за руку, но я её отдернула.

— Правда? Что ж, тогда передай «работе», что твой отпуск с женой только что закончился. Теперь можешь проводить в офисе на «добавочном номере» все дни и ночи.

Резко поднявшись, я швырнула салфетку, которой прикрывала колени, ему в лицо и, цокая каблуками по мраморному полу, удалилась. Волшебное красивое алое сари, заказанное специально для этого вечера, развевалось за спиной, словно шлейф... Наверное, нужно было сдержаться. Наверное, нужно было подождать, пока всё будет готово. Но единственное, о чём я могла думать сейчас: как можно скорее уйти из-за стола и от этого мужчины, так больно и так незаслуженно меня ранившего.

Наша спальня, гардеробная, чемодан. Раскрыв, я бросила его на кровать, и двинулась в гардеробную. В этот момент дверь в спальню распахнулась. В воздухе едва уловимо почувствовался запах жасмина, муската и кедра — любимый одеколон моего мужа.

— Ты совсем сошла... — грозно начал он, но тут увидел чемодан, в который я ухнула первую партию вещей, и лицо из яростного стало растерянным. — Джан... ты... что ты делаешь?!

— А на что похоже? — я оттолкнула его руки, когда он попытался меня удержать, и снова направилась в гардеробную.

— Джан! — Даярам понёсся следом, попытался отобрать у меня вешалки. — Остановись! Пожалуйста, любимая, послуш... джан, послушай меня, наконец!

Он всё-таки вырвал вешалки у меня из рук и отшвырнул их прочь.

— Я не отпущу тебя, джан! Я люблю тебя! Я не... — он судорожно обхватил ладонями моё лицо. — Я не могу без тебя, любимая...

Я рывком отстранилась, но супруг, рухнув на колени, обнял меня за талию и уткнулся лбом мне в живот.

— Не делай этого... Если я чем-то тебя обидел...

— Если?! — я истерично попыталась высвободиться, но он только сильнее стиснул руки. — Чем-то?! Ты поклялся, что всё кончено! Поклялся, что больше близко к ней не подойдёшь!

— Джан, я с ней и не встречал...

— Лжец! — вопль вырвался одновременно с пощёчиной, которой я припечатала супруга, устремившего на меня умоляющий взгляд.

Поднять руку на блистательного Даярама Варму — нечто неслыханное. Благоверный на мгновение оторопел, и мне удалось высвободиться из его объятий — даже успела подхватить вешалки. Но он, наконец, пришёл в себя и, догнав уже возле чемодана, снова попытался в меня вцепиться.

— Я не виделся с ней, джан!

— Не ври! — шарахнув вещи в чемодан, я в бешенстве оттолкнула его руки. — Я видела вас в окне её дома! Видела! И сделала фотографии! У меня есть доказательства!

Это было ложью — никогда бы не опустилась до слезки. По крайней мере, никогда бы не стала делать это сама. Мои слова были блефом, и где-то очень глубоко я надеялась, что супруг их опровергнет. Но его всегда излучавшее уверенность лицо стало совсем потерянным, в глазах снова промелькнуло умоляющее выражение.

— Прошу тебя, джан... Ситуация и правда слишком усложнилась, но мы всё преодолеем! Только не уходи... Я люблю тебя...

— Ты клялся, что больше её не увидишь, и продолжаешь тайком бегать в её дом, стоит мне отвернуться! — я в очередной раз оттолкнула его руки. — Оставляешь меня за столом одну, в нашу годовщину, лишь бы ответить на её звонок! И это ты называешь любовью?!

— Джан...

— Думаешь, женившись, сделал мне одолжение? Думаешь, мне нужны все эти побрякушки, которыми ты одаривал меня, лишь бы я молчала, а ты мог бы делать всё, что вздумается?! И ради этой роскоши, которой ты меня окружаешь, я буду терпеть от тебя всё?! Я выросла в семье российского дипломата и...

— Да при чём здесь это?! — Даярам стиснул мои плечи. — Вообще не понимаю, о чём ты! Я женился на тебе, потому что люблю тебя! Дарю подарки, потому что хочу, чтобы ты

была счастлива!

— И потому же спишь с моей так называемой подругой?

— Я совершил ошибку, хорошо? Я это признаю! И больше...

— Отпусти меня!

Я рванулась прочь, Даярам — за мной. Но мой каблук запутался в ткани валявшейся на полу блузки, и, не удержавшись, я полетела на пол, увлекая супруга за собой. Он тут же обвился вокруг меня, губы горячо прижались к моим. Мгновение — и его ладони нырнули под сари, освобождая моё тело от слоёв шёлка... и меня охватило бешенство. Вспомнила все ночи, когда супруг являлся «из офиса» под утро и со страдальческим стоном «Ну и день, валюсь с ног!» падал в кровать и засыпал. А также ночи после вечеринок, когда, заметив, что кто-то слишком пристально на меня посмотрел или — не дай Бог! — сделал мне комплимент, он бросался на меня, как одержимый, исступлённо сжимая в объятиях. И вот сейчас, растоптав наш брак у меня на глазах, он считает, что всё можно исправить, стоит лишь...

— Я люблю тебя, джан... И никогда, никогда не отпущу... ты — моя жена, слышишь? Моя, и так будет всегда... любимая...

Ярость внезапно улеглась, на смену ей пришла решимость. Обхватив ладонями лицо мужа, я удержала его, когда он снова попытался меня поцеловать.

— Это правда, Даярам?

— Конечно! Я ошибся. И... знаю, что уже обещал больше её не видеть, но теперь — поклянусь, чем хочешь! Джан... ты мне веришь?

Полувывсвободившись из его объятий, я села на полу. Даярам приподнялся следом, с нежностью погладил меня по щеке.

— Я заслужу твоё прощение, вот увидишь. Только не... — он нервно оглянулся на чемодан. — Пришлю Камалу, чтобы забрала его. Он тебе не понадобится.

— Может, ещё и запрёшь меня в спальне?

— Нет, джан, — уже обеими ладонями он гладил меня по лицу и волосам. — Конечно, нет. Но ты ведь и не попытаешься уйти?

Я выдержала паузу. Потом молча поднялась и подошла к кровати. Вытащив вещи из чемодана, закрыла его и, спустив на пол, толкнула к наблюдавшему за мной супругу.

— Можешь забрать. Он мне действительно не нужен.

Даярам просиял облегчённой улыбкой и, не глянув на чемодан, подскочил ко мне.

— Значит, прощаешь?

Руки тянущиеся к моему лицу, губы, пытающиеся поймать мои. Я отстранилась и, не глядя на него, проговорила:

— Забирай чемодан и уходи. Мне нужно побыть одной.

Он вздохнул.

— Да, нам обоим нужно успокоиться. Я приду утром, и мы поговорим, хорошо?

— Хорошо.

Прижав к себе, он поцеловал меня в макушку и направился к двери, не забыв прихватить чемодан. На пороге остановился и, одарив меня нежным взглядом, проворковал:

— Я очень-очень тебя люблю, джан.

Пустым взглядом я смотрела, как дверь закрывается за ним, слышала звук удаляющихся шагов и гудящий звук от колёсиков чемодана... а потом, взяв несколько вешалок с кровати, медленно поковыляла в гардеробную. Развесив вещи, выскользнула из сари и невольно

глянула в зеркало. Какой же встрёпанный и жалкий вид у супруги уважаемого Даярама Вармы! Единственное, что соответствует сейчас этому громкому «титулу» — роскошное ожерелье-воротник, подаренное свёкрами на годовщину нашей свадьбы. Несколько рядов бриллиантов и рубинов, крупный изумруд посередине и не менее крупная спускающаяся на грудь грушевидная жемчужина. Целое состояние, уместяющееся в небольшом футляре. Я посмотрела на шкафчик, в котором хранились мои украшения. Что-что, а мелочным Даярама никак не назовёшь. Украшения одно роскошнее другого сыпались на меня неиссякаемым потоком. За время знакомства и год супружества их скопилось немало — и уж точно хватит, чтобы начать безбедную новую жизнь вдаль от... всего. Вытащив небольшую дорожную сумку, я начала складывать в неё футляры. Последним сняла и забросила туда же ожерелье. Потом переделалась в джинсы и худи, выключила свет и, опустившись в кресло, стала ждать.

Движение в огромном доме постепенно затихало. Даярам наверняка придумал для гостей какую-нибудь историю — изобретать байки ему всегда удавалось. И, хотя наши друзья знают о несчастном «любовном треугольнике», конечно, сделают вид, что поверили его словам. Усмехнувшись, я смахнула набежавшую слезу. Как всё-таки болезненно сознавать собственную наивность и доверчивость. Глядя в большие бархатистые глаза супруга, я верила, что живу в сказке, в которой принцесса и её принц будут счастливы друг с другом до конца дней. И до недавнего времени всё действительно было похоже на сказку. Мой отец был послом в Индии. У моего дяди с семьёй Варма — давние деловые отношения. Казалось бы наша встреча с Даярамом была давно predetermined. Но встретились мы, можно сказать, в последний момент: в посольстве на банкете по случаю окончания срока службы моего отца в Индии. Даярам только вернулся после учёбы в Англии, уже занял ждавшее его место в компании отца... и был вынужден присутствовать на «скучнейшей вечеринке, на которую его когда-либо затаскивали». Когда нас представили друг другу, и наши взгляды встретились, я, по-моему, перестала дышать. И только сморгнув раз-другой, поняла, что нечто подобное происходит и с Даярамом. А потом... фантастические свидания, жаркие признания, потоки подарков... и наконец, предложение, звучавшее скорее, как мольба: «Будь моей женой!». Я согласилась, не раздумывая. Не помня себя от счастья, позволила надеть на палец обручальное кольцо, сиявшее блеском бриллиантов так, что больно смотреть... Какое безмятежное начало! И сейчас, сидя в темноте нашей спальни и готовясь оставить всё в прошлом навсегда, я вспоминала свадьбу... но не мою — друга Даярама из Нигерии, с которым он познакомился во время учёбы в Англии. Яркие, граничащие с вульгарностью наряды гостей, обилие золота, впечатлившее даже меня, привыкшую к чрезмерному количеству этого металла на праздниках в Индии, и тихий уголок возле искусственного водопада, куда я забрела в поисках моего исчезнувшего супруга. Там его и нашла, воркующим по телефону с моей подругой, которую я считала одной из самых близких здесь, в Дели... Тихий стук рассеял дымку воспоминаний. Вздрогнув, я уставилась на дверь, ожидая, что она откроется. Но за стуком лишь последовал голос векрови:

— Ты уже спишь, дочь?

Подскочив с кресла, я сдёрнула с кровати покрывало и, завернувшись в него, бросилась к двери. Чуть-чуть приоткрыв, прищурилась от ударившего в глаза света.

— Хотела спросить, как ты, — протянув руку, она ласково взяла меня за подбородок. — Даярам ещё молод. И красив, и успешен. Вокруг него всегда будут кружить женщины. Но его жена — ты. Мой сын выбрал тебя. Со временем он научится не поддаваться соблазнам.

Я молчала, опустив глаза.

— Он очень тебя любит, — тихо добавила свекровь. — Ситара — всего лишь увлечение. Скоро он о ней забудет.

— Спасибо, ма, — пробормотала я.

Свекровь погладила меня по волосам.

— Отдохни, дочь. Всё будет хорошо. Уже завтра ты увидишь это совсем другими глазами.

Я кивнула, и свекровь, поцеловав меня в щёку, удалилась. Расшитое золотом сари горчичного цвета тихо шелестело, когда она шла по коридору. Господин и госпожа Варма приняли меня не сразу — видимо, шок от того, что единственный сын женится на иностранке, был слишком велик. Но Даярам был непреклонен, и свадьба состоялась. Я пришла в их дом, хотя могла настоять, чтобы мы с мужем жили отдельно. И, как потом рассказал Даярам, именно это заставило их присмотреться ко мне внимательнее. А, узнав лучше, они поменяли своё первоначальное мнение, что я недостойна их блестящего сына. Когда же я узнала о неверности мужа, в этот самый непростой период моей жизни поддержали меня именно они, а не мои родители, отношения с которыми никогда не отличались особой теплотой. И сейчас я мысленно извинилась перед свёкрами за то, что собираюсь сделать. Закрыв дверь, вытащила мобильный, который приобрела недавно втайне ото всех, и набрала номер. Гудок, ещё гудок. Потом щелчок и женский голосок:

— Gabacha?[3] Qué es?[4]

— Я ухожу сегодня.

— Почему? Что случилось? — в голосе мгновенно перешедшей на английский подруги — замешательство.

— Так вышло. Когда сможешь всё подготовить?

Вздых на другом конце.

— Через час. Машина заберёт тебя в переулке, как договаривались.

— Спасибо, Изабелла.

Ещё один вздох.

— Ты знаешь, для тебя я сделаю всё, gabacha.

Я попросила Изабеллу о помощи, как только поняла, что Даярам продолжает интрижку, которую клялся немедленно закончить. Проревела всю ночь прежде, чем приняла единственное приемлемое для меня решение: я должна его оставить. Но в стране, где каких-то двадцать лет назад слово «развод» было ругательством, развестись, если один из супругов против, и сейчас не просто. А Даярам был бы против, это я знаю точно. Могла бы, конечно, уличить его в измене, тогда развод возможен и без согласия обеих сторон. Но подобного скандала для всеми уважаемой семьи моего благоверного я тоже не хотела. Оставалось одно: уйти тайком и подать документы на развод уже находясь далеко от Даярама. Уйти я собиралась на следующей неделе, когда он будет в Джайпуре на встрече с иностранными инвесторами... или же в постели с Ситарой. Теперь и не берусь судить, сколько из объявленных им командировок были таковыми на самом деле. В любом случае, вещи я думала вывезти заранее, а, дождавшись его отъезда, спокойно вышла бы через главный вход. Но, поддавшись сегодня эмоциям, чуть не сорвала весь план ещё до начала его воплощения. Теперь придётся прихватить только украшения, выбраться через вход для прислуги и дождаться обещанной Изабеллой машины. Из переулка в сотне метров от дома Варма меня отвезут прямиком в аэропорт, где будет ждать частный джет, организованный Изабеллой. Я улыбнулась, подумав о ней. Мы познакомились во время учёбы в Бостоне, я изучала историю

искусства, она — управление бизнесом. Подружились не сразу, но крепко. А потом я узнала, что Изабелла Хуарес, дочь уважаемого губернатора штата Дуранго, на самом деле — наркопринцесса, и её семья контролирует один из крупнейших картелей в Мексике... Тихая вибрация телефона, я поднесла его к уху.

— Gabacha, — голос Изабеллы. — Только что узнавала: твои паспорта ещё не готовы. Может, пока пересидишь у меня?

— Это — первое место, где он будет меня искать.

— Я не говорю о Дуранго. У моего дяди поместье в Масатлане — о нём никто не знает. Пляж, солнце, покой и огромное количество текилы — как раз то, что нужно для разбитого сердца, sí?

— Órale[5], — согласилась я.

— Дам соответствующие указания пилоту. Очень рада, что тебя увижу!

— И я.

Секундная пауза на другом конце и снова голос Изабеллы:

— Не думала, что когда-нибудь буду помогать тебе скрыться от твоего мужа, как однажды ты помогла мне скрыться от моего. Мне правда очень жаль, gabacha.

Действительно насмешка судьбы. Изабеллу выдали замуж против воли — «династический брак», такие нередки и в Индии. Но здесь супруги довольно часто учатся сосуществовать друг с другом или даже проникаются взаимной симпатией, если не любовью. Благоверный же подруги, сын наркобарона из Синалоа, оказался отморожком, а его отец попытался прибрать к рукам картель Хуаресов. В результате родители Изабеллы погибли, а сама она бежала ко мне в Индию — это было ещё до моего замужества — и оставалась в Дели до тех пор, пока её дядя не отвоевал семейный бизнес, в процессе сделав подругу вдовой. Теперь он — глава картеля Хуаресов, Изабелла — его правая рука. Подруга, долгое время не желавшая ничего слышать о наркобизнесе, изменила своё отношение ко многому после тех трагических событий. Последний раз мы виделись на моей свадьбе, и я с горечью отметила, что жизнерадостной беспечной девочки, которую когда-то знала, больше нет. Но дружбу мы сохранили. А ещё Изабелла очень серьёзно отнеслась к тому, что я помогла ей в трудную минуту, заявив, что теперь она у меня в долгу. Кто бы мог подумать, что отдавать его придётся именно так: помогать мне в том же, в чём помогла ей я. Конечно, мой супруг — не наркобарон, готовый прикончить меня ради прибыльного бизнеса, но на самом деле я не знаю, на что способен Даярам, чтобы удержать меня и не допустить связанного с его именем скандала. Моё насмешливое предположение, что он запрёт меня в спальне, не было просто издёвкой. У семейства Варма — длинная история, и далеко не все действия её членов по отношению друг к другу можно назвать безобидными. А реакция супруга на мою попытку собрать чемодан была гораздо более бурной, чем я ожидала... Вздохнув, я посмотрела на часы. Пора. Надев ботинки на толстой подошве и чёрную кожаную куртку, крадучись подошла к двери, осторожно приоткрыла её и прислушалась. Тишина. Всё-таки неправильно уходить вот так, не попрощавшись, прихватив украшения. И, хотя драгоценности принадлежат мне по всем индийским законам, всё равно чувствую себя воришкой, замирающим от звука собственного дыхания. И даже одета подходяще! Но тут я вспомнила о всех ночах, проведённых в одиночестве, всю ложь моего благоверного и недавнее унижение за праздничным столом... Даярам вёл себя, как устраивало его: потакая замашкам махараджи, устроил себе гарем. А я, уходя вот так, делаю, как лучше для меня. Перед лестницей, ведущей вниз, в холл, я остановилась, окинула прощальным взглядом

оставшийся за спиной этаж, где провела столько счастливых и столько горьких минут. Но в темноте не смогла разглядеть даже знакомые портреты на стенах. И тогда, вскинув голову, нырнула во тьму лестницы.

Глава 2

— Ваш чай, Мисс Шейх.

От ноутбука я подняла глаза на девушку, поставившую на столик рядом со мной фарфоровый чайничек и чашечку.

— Сасибо, Бетти.

Она улыбнулась и засеменила к двери. А я плеснула в чашечку приятно пахнущую жидкость, вдохнула аромат и, довольно щурясь, посмотрела в окно. Лучи осеннего солнца пробивались сквозь тюлевые занавеси. Солнечные зайчики гонялись друг за другом по полу. Погожий день в это время года — явление в Лондоне довольно редкое, и само по себе способно поднять настроение. Но у меня были и более ощутимые причины для радости. Я неплохо обжилась в Лондоне, поселившись в пентхаусе на Итон-Сквер и открыв небольшую художественную галерею неподалёку. Денег, вырученных от продажи украшений, вероятно, хватило бы на всё, но Изабелла настояла на том, чтобы просто дать мне необходимую сумму.

— Как ты собираешься продавать их, *gabacha*? — она взяла в руки одно из ожерелий. — Они сразу приведут Даярама к тебе.

— Поэтому я надеялась, ты поможешь мне, *miñequita*[6], — сделав глаза, как у Бэмби, я взмахнула ресницами. — По твоим каналам.

— Сохрани их пока, *mija*[7]. Я сказала, что помогу тебе. Считай это частью пакета с надписью «помощь».

— Ценю её, очень ценю, — попыталась возразить я. — Но это то, что могу сделать я сама. Точнее, тоже с твоей помощью, но хотя бы «сырьё» — моё.

Изабелла рассмеялась, шлёпнула меня по колену... и продолжила настаивать на своём. Под конец мы сошлись на том, что украшения я отдаю ей, а она уже делает с ними, что хочет. Себе я оставила только ожерелье — подарок свёкров на годовщину, подходящие к нему кольцо с крупным изумрудом и серьги.

— Может, возьмёшь и это? — Изабелла протянула мне волшебное красивое ожерелье из бирюзы и маленьких бриллиантиков, соединённых в сложную вязь. — Удивительно подходит к твоим глазам.

Но я только покачала головой. Это было ожерелье, подаренное Даярамом, когда он впервые признался мне в любви. Изабелла не стала настаивать, просто улыбнулась и проронила:

— *Òrale*. Будет дожидаться тебя здесь — пока не передумаешь.

— Не передумаю, — заверила я, тут же пообещав себе, что деньги в обмен на драгоценности — последняя услуга, которую приняла от подруги.

Когда были готовы паспорта — Изабелла убедила меня в необходимости нескольких — я вылетела в Лондон под именем Сурэйи Шейх, наследницы успешного бизнесмена из Эмиратов. Отец работал в Дубае несколько лет, прежде чем его перевели в Дели, и я неплохо говорила по-арабски. Подкреплённая соответствующей историей, личность Сурэйи была вполне жизнеспособной, несмотря на мою совсем не арабскую внешность. В Лондоне всё сложилось удачно — просто чудо, сколько дверей открывает фраза «Цена не имеет значения!». И вот я, Сурэйя Шейх — владелица пока что маленькой, но уже довольно

успешной художественной галереи, специализирующейся на выставке и продаже работ талантливых молодых художников. «Бесполезная», с точки зрения моего отца, учёба в Бостоне всё же принесла свои плоды. Омрачало моё скромное вновь приобретённое счастье лишь одно. Я продолжала оставаться женой Даярама. Более того, женой-беглянкой, которую он вознамерился найти во что бы то ни стало. До сих пор становилось не по себе, когда вспоминала наш последний разговор. Это было сразу после моего бегства, я ещё была в Масатлане у Изабеллы и, посчитав, что должна поговорить с ним хотя бы по телефону, набрала его номер. Разговор превзошёл самые худшие опасения, и я впервые ощутила что-то очень похожее на страх перед моим беснующимся свами. Сначала само спокойствие, почти холодность, он спросил, когда я собираюсь вернуться домой, но, услышав мой ответ, обезумел. Мольбы вперемешку с угрозами обрушились на меня, как тропический ливень — я не могла вставить ни слова. Уже собиралась отключиться, когда он, наверное, выдохшись, жалобно всхлипнул в трубку:

— Вернись ко мне, джан... прошу тебя. Давай всё забудем и начём сначала. Я люблю тебя, моя патни[8]. Люблю с момента, как увидел, и буду любить всегда. Вернись ко мне...

Несколько секунд я молчала, глотая слёзы и собираясь с силами, а потом произнесла слово, услышать которое мой некогда горячо любимый муж явно не ожидал: развод. Скорее всего, Даярам думал, я решила его проучить, исчезнув на какое-то время. А потом выплачусь, успокоюсь, услышу от него признания в любви, клятвы в верности и вернусь. Но это слово подвело последнюю черту. Голос, когда супруг заговорил снова, был словно не его:

— Этого не будет. Я совершил ошибку, и ты меня наказала. Но теперь довольно. Ты возвращаешься, и мы больше об этом не говорим. Жду тебя через...

— Я не вернусь, Даярам, — с трудом заставила голос звучать спокойно. — Уже никогда не смогу доверять тебе, а без доверия счастливых супружеств не бывает. Не хочу, чтобы мы расстались врагами, поэтому...

— Мы не расстанемся. Я не позволю. И, пока всё не зашло слишком далеко, прошу: не делай то, о чём можешь потом пожалеть.

— Пока всё не зашло слишком далеко? Ты это серьёзно? Всё уже перешло мыслимые и немыслимые границы!

Усмешка на другом конце и обещание, от которого по спине пробежал холодок:

— Ничего ещё даже не началось, джан. Но начнётся, если ты не вернёшься. Я сделаю всё, чтобы ты снова была со мной, и никакие границы меня не остановят. Не доводи до этого.

— Твой прапрадед Джаотиш, — едва слышно пробормотала я. — Хочешь сказать, и ты способен на подобное?

— На подобное и на большее, джан. Вернись ко мне сама. Пожалуйста...

Стук в дверь заставил меня вздрогнуть и расплескать чай, я быстро отогнала воспоминания. В кабинет заглянула Бетти — девушка, помогавшая мне в галерее. Обладающая несомненным организаторским талантом, но очень стеснительная, она, несмотря на моё предложение обращаться друг к другу по имени, неизменно называла меня «мисс Шейх».

— Прошу прощения, что помешала, — извинилась она, увидев выражение моего лица. — Но внизу ждёт мистер Рэй...

— О Небо, — простонала я. — Мы ещё даже не открылись.

— Я попыталась это сказать, но он...

— ...проявил завидную настойчивость, как всегда, — вздохнула я. — Что ж, сейчас спущусь.

Мистер Эндрю Рэй, стареющий донжуан, ненормально богатый и явно привыкший покупать всех и вся, с недавнего времени стал моим личным призраком. Мы познакомились на выставке картин современных импрессионистов, куда я забрела, чтобы поглубже окунуться в «стихию», в которой собиралась плавать. Потом он явился на открытие моей галереи, вручил огромный букет лиловых роз, скупил половину картин и пригласил на ужин. Я с милой улыбкой отказалась, сославшись на сумасшедшую занятость, он проявил понимание. Но с тех пор его возрастающее внимание ко мне начало сильно смахивать на навязчивое преследование. Букеты цветов всех оттенков радуги, частые визиты, подарки, которые я вежливо отклоняла. В конце концов, я всё же приняла приглашение на обед и чуть не опрокинула на себя бокал с вином, услышав, что его предки пришли в Англию... из Агры. Индия никак не хотела меня отпускать, а судьба наверняка хохотала, подослав назойливого поклонника, внешность которого ничем не выдавала его происхождения из той же страны, откуда я бежала, скрываясь от неверного мужа.

— А вам приходилось путешествовать по Индии, моя дорогая? — тут же поинтересовался мой почитатель, накрыв мою ладонь своей.

— Всего раз, когда была ребёнком, — я мягко высвободила руку. — Очень мало что помню.

— Как жаль. Это — восхитительная страна, когда узнаешь её получше. У меня есть небольшое поместье в Агре, и я стараюсь регулярно посещать его. Может, однажды вы составите мне компанию? Я мог бы многое вам показать и, уверен, вы полюбили бы Индию так же, как люблю её я.

— Не сомневаюсь, — я с трудом подавила усмешку. — Слышала, и люди там очень... отзывчивые.

— Очень, — с чувством подтвердил он, конечно, не поняв, что под «отзывчивостью» я имела в виду навязчивость.

Впрочем, его навязчивость за рамки пока не выходила, и, не находя повода пресечь ухаживания, я просто продолжала выбранную линию поведения: отстранённо-вежливую. Увидев меня сейчас, донжуан расплылся в счастливой улыбке.

— Моя дорогая! Вы становитесь прекраснее день ото дня!

— А вы — любезнее, мистер Рэй, — мурлыкнула я.

— Прошу вас, Эндрю, кажется, мы уже договорились, — поцеловав мне руку, он не торопился её отпускать. — А для меня вы с этого дня — Сурэйя, если позволите.

Я ответила ничего не выражающей улыбкой.

— Прости за этот ранний визит, — тут же деловым тоном продолжил он. — У меня бизнес-встреча в Нью-Йорке, я вылетаю через час. Но прежде хотел лично пригласить тебя на суаре в моём особняке. Решение — довольно спонтанное, вечеринка будет скромной — только самые близкие друзья.

— Спасибо за приглашение, но я...

— Ещё ведь даже не сказал, когда, — он сделал лукавое лицо. — Если сейчас откажешься, не поверю, что действительно занята.

— Дел и правда очень много, — я наконец высвободила ладонь. — Галерея...

— ...тоже от этого выиграет. Мои друзья — все любители искусства. И,

познакомившись с очаровательной владелицей одной из самых перспективных галерей в Лондоне...

Он многозначительно замолчал и, прежде чем я успела ответить, снова прижал тыльную сторону моей ладони к губам.

— Вечеринка послезавтра. Я не требую ответа сейчас. Но пришлю за тобой водителя в восемь.

— Удачи на встрече в Нью-Йорке, — пожелала я, и мой поклонник, просияв улыбкой в очередной раз, потрусил к выходу.

А я повернулась к Бетти, застывшей возле картины с изображением заросшего кувшинками пруда.

— Что ж, день начался удачно. Будем надеяться и завершится так же.

Бетти раз-другой моргнула, видимо, силясь понять, шучу я или говорю серьёзно, и неуверенно проговорила:

— Сегодня у вас встреча с мистером Боггартти.

— Помню, — улыбнулась я. — Это ли не удача?

Девушка едва заметно передёрнула плечами.

— Он переносил встречу трижды.

— Он отказывался от встречи трижды, — поправила я её. — И всякий раз потом звонил и переназначал её. Наша галерея его заинтересовала, но врождённая или приобретённая заносчивость не позволяет признать это сразу. Он будет наш — вот увидишь!

Бетти явно не разделяла моего оптимизма. Квентин Боггартти — восходящая звезда абстракционизма, в отличие от многих своих коллег добившийся признания ещё при жизни, недавно со скандалом ушёл из «Воппе Chance», одной из крупнейших галерей Лондона. Теперь многие старались заманить его к себе. Но начало сотрудничества осложнилось одним обстоятельством: ужасным характером мистера Боггартти. Бетти, до моей галереи занимавшаяся организацией художественных выставок, уже имела «счастье» испытать это на себе. Не знаю, что именно произошло, но при одном упоминании имени сварливого абстракциониста у неё кривились губы. Незадолго до высочайшего визита я предложила ей сходить на ланч, но девушка упрямо качнула головой.

— Не думаю, что хочу оставлять вас наедине с этим субъектом, мисс Шейх.

— Хорошо. Если почувствую, что не справляюсь, сделаю вот так, — я приложила ладонь ко лбу. — Это будет сигналом, что тебе официально позволено уронить на него чайник со свежесваренным чаем.

Бетти улыбнулась и с готовностью кивнула:

— С удовольствием, мисс Шейх.

Конечно, я шутила насчёт чая, но после первых же минут общения со звёздным гостем шутка начала настойчиво перерастать в намерение. Абстракционист явился почти на час позже оговоренного времени. Просто ввалился в галерею, окинул её пренебрежительным взглядом и бросил:

— У меня встреча с мисс Шейк.

— Шейх, — с милой улыбкой поправила я. — Добрый день, мистер Боггартти.

— Утро, — небрежно отмахнулся он.

— Сейчас уже полдень, — медовым голосом возразила я.

С раздражением покосившись на меня, он посмотрел на свои наручные часы и припечатал:

— Одинадцать.

— Значит, ваши часы всё же показывают правильное время?

Художник смерил меня откровенно недружелюбным взглядом. А я, продолжая улыбаться, смотрела на него. Сильно вытянутое лицо, выдающиеся вперёд зубы, бесцветные глаза — типичный английский gringo, как сказала бы Изабелла. Но держался этот gringo, как Ричард Львиное Сердце.

— Это что должно означать? — грубовато поинтересовался он.

— Что опаздывать на деловую встречу — невежливо. Не предупредить об опоздании — дурной тон. Потенциальные партнёры должны относиться друг к другу с бóльшим уважением.

— Потенциальные партнёры? — он громко фыркнул. — Я пришёл просто из любопытства!

— Разумеется, партнёрами так быстро не становятся. Мы ещё толком не познакомились, и ни один из нас не знает, хочет ли работать с другим.

— Вот как? — хмыкнул он. — Пригласили меня вы. Для чего тогда?

— Мне тоже не чуждо любопытство. И, раз уж вы здесь, хотя и с опозданием, — я приглашающе махнула рукой. — Добро пожаловать в мою галерею.

Мистер Боггарт сузил глаза и сложил на груди руки, видимо, обдумывая свои дальнейшие действия: уйти, хлопнув дверью, или всё же остаться. Но я старательно наводила о нём справки, прежде чем выбрать эту линию поведения: отсутствие очевидного интереса к сотрудничеству, вежливость без раболепства, к которому художник явно привык, и лёгкая насмешливость в ответ на его грубость. Выбор оказался верным. Руки мистера Боггарти переместились с груди в карманы брюк, взгляд, буравивший меня, скользнул по холстам на стенах.

— У вашей галереи странное название. «Swift». Как Джонатан или «Стремительная»?

— Как «Стриж», — качнула я головой. — Мои любимые птицы. Могу я предложить вам что-нибудь выпить? Нет? Тогда следуйте за мной.

Картины в галерею я выбирала очень тщательно. Не все бы повесила у себя в гостиной, но каждая из выбранных задевала какую-то струнку, и, судя по растущим доходам от продаж, не только во мне. Водя гостя от одного холста к другому, я рассказывала, почему выбрала именно эту картину, говорила об уже проданных полотнах и о том, что привлекло в них покупателей. И с удовлетворением отметила, что Боггарт, поначалу, перебивавший меня после первых же фраз и нетерпеливо переходивший к следующей картине, постепенно втягивался в «экскурсию» и уже задерживался у некоторых работ. Особенно привлекла его одна — с изображением девушки, танцующей с соломенной куклой, одетой, как джентльмен времён Джейн Остин. Сюжет сам по себе довольно странный, но по-настоящему неуютно становилось при взгляде на безвольно висящие руки, подгибающиеся ноги соломенного джентльмена и его неживое лицо — белую маску с чётко прорисованными бровями и яркими пятнами щёк и губ. Рядом с ним абсолютно счастливое раскрасневшееся лицо девушки смотрелось гротескно и немного жутко. Об этой картине я не сказала ни слова — просто молча стояла рядом с Боггарти, наблюдая за его реакцией.

— Дэниэл Клоуз? — наконец повернулся он ко мне. — Как вам удалось договориться с этим депрессивным психопатом?

— Очень просто — он сам позвонил мне. До мистера Клоуза дошёл слух, что я не боюсь экспериментировать, и готова выставлять у себя работы, которые более классически

настроенные галереи сочли бы неуместными.

— Тогда вы сразу подписали приговор и себе, и вашей галерее, — Боггартти снова посмотрел на картину. — Я видел некоторые «неклассические» работы этого так называемого «гения». Выставив их здесь, вы прослывете потокающей безумию.

— Это вряд ли. Условием сотрудничества с моей стороны было, что каждая из выставленных здесь работ Клоуза должна нравиться лично мне. А я не причисляю себя к безумцам.

По узким губам Боггартти пробежала усмешка.

— Ни один из психопатов не причисляет себя к таковым, верно? И теперь вы ожидаете, что я тут же ухвачусь за возможность стать в один ряд... со всем этим? — он пренебрежительно махнул рукой.

— Я ничего не ожидаю, мистер Боггартти. Но мне кажется, «всё это» произвело на вас большее впечатление, чем вы пытаетесь показать, и в душе вы уже немного жалеете, что начали наше знакомство не с той ноги. Моя галерея пока не зарекомендовала себя на рынке изобразительного искусства, но я считаю, у нас с ней очень неплохие шансы. Вопрос лишь, хотите вы участвовать в этом или нет.

— И что, если я скажу нет?

— Ничего, — я пожала плечами. — Я лишь сравню вас с Брайаном Коксом, отказавшимся «ухватиться за возможность» сняться в тогда ещё неизвестном сериале и впоследствии горько об этом пожалевшем.

— Брайан Кокс? — малопривекательное лицо художника недоумённо сморщилось. — В каком сериале?

— «Игра Престолов».

Боггартти растерянно хлопнул глазами и вдруг рассмеялся странным немного хрюкающим смехом. Но почти сразу оборвал его и протянул мне руку.

— Можешь называть меня Квинт.

— Сурэйя, — пожав слегка влажную ладонь, я повернулась к письменному столу возле окна, за которым, подобно статуе, застыла Бетти. — Позволь представить тебе мою помощницу, Элизабет Ортон.

Художник просканировал тотчас двинувшуюся к нам Бетти изучающим взглядом и, прежде чем она успела протянуть ему руку, снова посмотрел на меня.

— Обсудим всё за ланчем на следующей неделе? В выходные я улетаю на Мальту, но... — он задумался. — Вторник?

Я кивнула.

— Мой агент свяжется с тобой насчёт точного времени, он будет на ланче, — Боггартти вопросительно покосился на Бетти.

— Мисс Ортон — тоже, — улыбнулась я. — Выбор места — за мной.

— Не возражаю, — ухмыльнулся он.

Снова прошёлся взглядом по Бетти, по картине Клоуза и, махнув на прощанье мне, направился к выходу. Когда за ним закрылась дверь, Бетти отмерла.

— Он не узнал меня... — она развела руками. — Из-за него меня чуть не уволили, а он... смотрел, словно видел меня впервые!

— И не просто смотрел. По-моему, ты произвела на него впечатление. Но, надеюсь, ты не против присутствия на этом ланче? Если нет, я...

— Конечно, не против, просто... — запнувшись, она дёрнула плечами. — Удивлена, что

вам удалось так быстро найти к нему подход, и... надеюсь, он не изменит решения.

— Если изменит — его упущение. До вторника побудем оптимистками. Видишь, день всё же оказался удачным! — и, направившись к лестнице, ведущей наверх, в мой кабинет, бросила. — Собираюсь на ланч. Хочешь со мной?

И до сих пор всегда отказывавшаяся Бетти согласилась. Мы пообедали в кафе неподалёку, и обычно избегавшая говорить о себе девушка разговорилась, рассказав о конфликте с нашим потенциальным партнёром, едва не стоившим ей работы. Вообще, история довольно тривиальная: заносчивая и не вполне трезвая в тот момент знаменитость, срывающая плохое настроение на первой попавшейся «жертве». Удивило меня другое: насколько глубоко Бетти переживала из-за этого инцидента. Но она сама ответила на мой не заданный вслух вопрос:

— Я очень восхищалась работами мистера Боггарты. Он был для меня чем-то вроде кумира. И я так ждала этой выставки, зная, что у меня будет шанс познакомиться с ним лично. И вот знакомство произошло... Когда твой идол разрушает сам себя у тебя на глазах, это... действует очень отвращающе.

— Да, — согласилась я. — Прозрение часто болезненно. Но благодаря этому ты учишься по-другому смотреть на вещи, а это — не всегда плохо.

Не могла в тот момент не подумать о Даяраме. Меня так больно ранила его измена, но, не случись этого, я бы так и осталась госпожой Варма до конца моих дней и никогда не «узнала» бы Сурэйю Шейх, которая нравится мне гораздо больше. Да, я потеряла любовь, беззаботно-размеренную жизнь и веру в брак, но теперь у меня есть моя галерея и столько планов, как добиться успеха на выбранном поприще! С ланча я вернулась в приподнятом настроении, и в продолжение дня оно только улучшилось. Я продала две картины, получила приглашение участвовать в венской художественной выставке Vienna Contemporary — большой шаг на международную арену, и решила что жизнь в Лондоне не просто налаживается, а ещё и начинает доставлять удовольствие. Но тут же себя одёрнула — похожую эйфорию испытывала и на нигерийской свадьбе, когда узнала о неверности Даярама. Хотя... что может случиться сейчас? Разве только Боггарты откажется от сотрудничества. Но это вряд ли. Я улыбнулась, вспомив разговор с ним и его взгляд, брошенный на Бетти. Потом посмотрела на часы, на тёмное окно и решительно закрыла ноутбук. Спускаясь по лестнице, услышала голос Бетти — она что-то говорила о голубом периоде Пикассо, а мужской голос отвечал ей. Запоздавший клиент? Нацепив на лицо улыбку, я спустилась вниз, но, когда обогнула колонну, скрывавшую Бетти и её собеседника, улыбка испарилась. Беседовавший с моей помощницей тип совершенно не походил на клиентов, обычно заглядывавших в галерею. Он скорее смахивал на одного из персонажей фильмов Гая Ричи. Чёрная кожаная куртка, такого же цвета майка и джинсы, на лице — лёгкая небритость, и во всём облике что-то неуловимое, настораживающее, от чего хочется держаться подальше.

— Добрый вечер, — приветствовала его я. — Рада, что вас заинтересовали работы, выставленные в нашей галерее, но, к сожалению, мы уже закрываемся. Можете зайти завтра. Любоваться картинами лучше при дневном освещении.

— Да, я об этом слышал, — согласился незнакомец. — Но пришёл в галерею не ради картин, а ради вас... мисс Шейх, верно?

Сердце ухнуло куда-то вниз. Даярам... Он нашёл меня. Этот тип наверняка послан им. Первой мыслью было — шарахнуть его сумочкой и бежать. Но я быстро взяла себя в руки, и

сознание прояснилось. Даярам не стал бы посылать за мной какого-то наёмника. Узнав о моём местонахождении, супруг явился бы сам. Этот персонаж здесь по другой причине. И что-то подсказывало, день, который я считала удачным, только что перестал быть таковым.

— Бетти, — обратилась к помощнице. — Можешь идти домой. Увидимся завтра.

Девушка бросила тревожный взгляд на незнакомца.

— Я... подожду вас, мисс Шейх, если вы не возражаете.

— Не стоит, — улыбнулась я. — Всё хорошо, до завтра.

Бетти кивнула и направилась к выходу, но у порога остановилась.

— Я позвоню вам через десять минут, мисс Шейх. Если вы не ответите, я вызову полицию, — и юркнула за дверь.

Незнакомец проводил её насмешливым взглядом и повернулся ко мне.

— Преданная помощница, готовая спасти босса в беде. Но мне хватит и пяти минут. Миссис Варма.

Как ни старалась владеть собой, всё же едва заметно вздрогнула, услышав фамилию супруга. От незнакомца это наверняка не укрылось.

— Смена климата, смена причёски, смена имени, — снова заговорил он. — Вы знаете, что муж вас ищет? И ищет очень усердно.

Из внутреннего кармана он достал и протянул мне конверт. Я молча открыла его и усмехнулась. Фотографии Даярама, сидящего в машине с каким-то субъектом. Вот он передаёт субъекту деньги и конверт вроде того, что держала в руках я.

— Это частный детектив и неплохой, надо сказать, — пояснил мой «гость» и вытащил из заднего кармана джинсов мобильник. — А это запись телефонного разговора вашего супруга с детективом...

— Я знаю, что он меня ищет, — оборвала его я. — Дальше?

Тип спрятал мобильный и спокойно заявил:

— Услуга за услугу. Мне нужна ваша помощь, вернее, ваша связь с одним джентльменом. Поможете мне — я исчезну, и больше вы никогда обо мне не услышите. А ваш муж — о вас.

— А не помогу — вы сообщите ему, где меня искать? — предположила я. — О каком джентльмене речь?

— Эндрю Рэй.

— У меня нет с ним связи.

Тип вздохнул и покачал головой.

— Нужны фотографии, подтверждающие, что связь есть?

— Мы знакомы, — отрезала я. — Это — не связь.

— Приглашение на суаре в особняк, охраняемый лучше, чем Бельмарш[9] — больше, чем знакомство.

— Откуда... — начала я и, замолчав, метнулась взглядом по стенам. — Жучки? На самом деле?

Он, не мигая смотрел на меня. А я — на него, только сейчас рассмотрев по-настоящему. Тёмно-русые волосы, немного близко посаженные светло-карие глаза, поджарое мускулистое тело. Далеко не красавец, но и не совсем безнадёжен. И наверняка опасен.

— Кто ты? — спросила просто так, не надеясь на искренний ответ.

— Меня зовут Джеймс. В особняке мистера Рэя есть одна ценная картина, которую я хочу украсть. До сих пор пробраться в этот дом-крепость не представлялось возможным. С

твоей помощью я сделаю то, что не удалось ещё никому.

— Определишь в Бельмарш меня?

— Это уже зависит от тебя, Сурэйя, — имя он произнёс с издёвкой. — У меня нет такой цели, но если поведёшь себя глупо... — он развёл руками.

— Тогда поведу себя умно, — повернувшись к нему спиной, я поплыла к выходу и, остановившись у порога, приоткрыла дверь. — Спокойной ночи, мистер Джеймс.

Тип даже не двинулся. Снова вытащив мобильный, неторопливо набрал номер и включил громкую связь. Гудок, ещё гудок...

— Что... — начала я, но тут же осеклась, услышав раздавшийся в трубке голос.

— Мистер Варма? — уточнил мой гость. — Вы меня не знаете, но я знаю вашу жену. И знаю, где она.

Кажется, я перестала дышать — просто забыла, что это нужно делать. Сердце застучало так гулко, что я с трудом расслышала мгновенно напрягшийся голос мужа:

— Что хотите за информацию? — прирождённый бизнесмен, сразу переходящий к делу.

Немигающий взгляд Джеймса впился в меня, но я уже овладела собой и, сложив руки на груди, с вызовом уставилась на него.

— Мне ничего не нужно, мистер Варма, — светло-карие, теперь казавшиеся медовыми глаза продолжали буравить меня. — Я — всего лишь католик, почитающий священные узы брака и считающий, что место жены — рядом с мужем. О местонахождении миссис Варма вы узнаете завтра в полдень.

— Нет, почему... — взволнованно начал Даярам, но Джеймс уже отключился.

— Никогда не доверяла католикам, — хмыкнула я.

— Вообще, я — атеист.

— Этим — ещё меньше. Если у человека нет ничего святого, можно ли считать его человеком?

— Думаю, это каждый решает для себя, — Джеймс неторопливо направился к приглашающе приоткрытой двери и, проходя мимо меня, добавил:

— А тебе придётся решить, насколько ты не хочешь возвращаться к мужу.

— И времени на решение — до полудня?

Он только ухмыльнулся и шагнул за порог.

— Спокойной ночи, мистер Джеймс, — снова пожелала я уже ему в спину. — Знаешь, откуда эта фраза?

Он обернулся.

— Из одного фантастического рассказа, — пояснила я. — Клон учёного узнаёт, что он — всего лишь клон, созданный для выполнения определённой задачи, и уничтожает учёного, чтобы занять его место. Но не знает, что, когда его создавали, в кровь впрыснули яд, который медленно убьёт его в течение двадцати четырёх часов.

— И какое отношение это имеет к ситуации? — усмехнулся Джеймс. — Хочешь сказать, ты — клон, созданный для определённой цели?

— Нет, я — скорее яд. Можешь попытаться использовать меня в своих махинациях, но рано или поздно тебя постигнет участь того клона, — и захлопнула дверь.

На словах грозить легко, а на деле... я, что называется, влипла! И не столько из-за замужества с Даярамом, сколько из-за знакомства с «одним джентльменом». Джеймсу нужен доступ к «сокровищнице» донжуана, и моё старательно созданное икогнито буквально предложило себя в качестве средства давления. Но, не будь Даярама, Джеймс

наверняка нашёл бы другой рычаг воздействия. И, если я откажусь сейчас, вероятно, будет его искать, пока не найдёт то, что заставит меня согласиться. Разоблачения завтра в полдень можно не опасаться — шантажисту оно не выгодно. Следует опасаться того, что последует вместо разоблачения. Я подумала о моей галерее, о только-только наладившейся жизни в Лондоне. Всё это такое хрупкое, так легко разрушимое... И, если я позволю всё это сломать... опять бежать за помощью к Изабелле? Или, может, переселиться в Мексику и стать правой рукой подруги? Она предлагала мне место в своей «организации». Невесело рассмеявшись, я тряхнула волосами. Нет. Я приму этот бой. Идти в полицию не имеет смысла. Я не знаю, кто стоит за Джеймсом, действует ли он в одиночку или как часть большого целого, скупившего половину Скотленд-Ярда. И, если разозлить его сейчас, последствия могут быть гораздо более серьёзными, чем звонок Даяраму. Нет, лучше притвориться, что я согласна, а потом... Основная проблема — моя «связь» с Эндрью. И, пожалуй, наступил момент её разорвать. Но разорвать так, чтобы придрататься было не к чему. Окинув галерею нежным взглядом, я погасила свет и шагнула за порог.

Глава 3

Будильник зазвонил в 7:30. Тут же его выключив, я поднялась с постели. Ночью заснуть так и не удалось, и чувствовала я себя не слишком бодро. Сделав музыку погромче — привычка осталась со студенческих времён, послонялась по гостиной, заскочила в душ, оделась. Вроде бы продумала всё, что можно, включая мой сегодняшний наряд, и решила, что вполне готова к предстоящему дню и к встрече с Джеймсом. Но сейчас поняла, что на самом деле совершенно ни к чему не готова. Меня вынуждают помочь в совершении преступления... разве можно к этому подготовиться?! А если — и как раньше об этом не подумала?! — от меня просто избавятся, когда стану не нужна?.. Я ведь — свидетель, видевший лицо преступника, а такие такие долго не живут! Мысли лихорадочно заметались в невыспавшемся, измотанном мозгу. Но, уже в который раз за прошедшие сутки, я постаралась взять себя в руки и, сделав несколько вдохов-выдохов, выплыла за дверь. Завернув по дороге в «Drury», мою любимую кофейню, появилась в галерее немного позже обычного. Бетти была на месте и торопливо двинулась мне навстречу. Верная своему обещанию, девушка действительно звонила вчера, когда Джеймс уже ушёл. И, хотя я очень естественно заверила, что всё хорошо, по голосу помощницы поняла: заверение её не убедило.

— Доброе утро, Бетти! — просияла я бодрой улыбкой и легко качнула капхолдером[10] с двумя стаканчиками кофе. — Латте, экстра крепкий, с молоком из макадамии, верно?

— Сп-пасибо, мисс Шейх, — слегка запнулась Бетти. — Не нужно было, но спасибо. Всё... в порядке?

— Абсолютно, — подождав, пока она заберёт кофе, я направилась к лестнице, ведущей к моему кабинету. — Буду у себя. В десять позвонит агент Дэнни Клоуза, хочу подготовиться к разговору.

— Мисс Шейх!

Уже поставив ногу на первую ступеньку, я обернулась.

— Этот... тип, что был здесь вчера... — замявшись, Бетти скользнула глазами по моему наряду. — Он больше не появится?

— Не знаю, — беспечно пожала я плечами. — Почему ты спрашиваешь?

— У него... вид бандита. И то, как он себя вёл... Мне это показалось очень

подозрительным.

— Мне тоже. Поначалу. Но речь шла о пустяке. Больше о нём не думай.

Ободряюще улыбнувшись, я возобновила «восхождение» к кабинету, с трудом заставив себя шагать неторопливо. Хотя прыгать через две ступеньки, как мне хотелось, всё равно бы не получилось из-за слишком облегающей юбки. Бетти недаром таращилась на мой наряд — он был более чем вызывающим. Кроме повторяющейся каждый изгиб тела юбки-миди, очень лёгкая, мало что скрывающая блузка. Даярам не позволил бы в таком виде принимать гостей, не говоря о том, чтобы выйти на улицу. И вдруг улыбнулась этой мысли. Как всё-таки хорошо ни от кого не зависеть! Ради того, чтобы это сохранить, можно пойти на... многое. Утвердившись в этом решении, я открыла ноутбук, и привычно суматошный рабочий день начался.

Консультация с юристом о нескольких пунктах договора с Дэниэлом Клоузом — гениальным «депрессивным психопатом», как окрестил его Боггартти. Долгая дискуссия с агентом «психопата», пожелавшим организовать в галерее выставку работ своего подопечного. Видео-чат с коллекционером из Брюсселя, собиравшимся в Лондон на следующей неделе, чтобы заглянуть в несколько галерей, включая мою... Напряжённый график, ставший рутиной в последние несколько недель, вытеснил все тревожные мысли. Я даже забыла о приближающемся «свидании» с Джеймсом и чуть не поперхнулась уже остывшим так и не допитым кофе, увидев на часах 11:45. Всего пятнадцать минут... Торопливо подхватив мобильный, набрала номер помощницы.

— Бетти, совсем забыла предупредить: мне нужно будет уйти в час. Когда вернусь, не знаю. Тебе следует сделать перерыв на ланч сейчас.

— Хорошо, мисс Шейх, — с лёгкой заминкой отозвалась девушка. — Я потороплюсь.

— Спасибо, Бетти.

Лучше, если её в галерее не будет, когда заявится Джеймс. А ему скажу, чтобы больше не смел здесь показываться! И тут же невесело усмехнулась: как будто могу на самом деле как-то на него повлиять. В ожидании неприятного визита делового настроения — как не бывало. Бодрости — тоже. Бесцельно покружив по кабинету, я снова села за ноутбук. Но сосредоточиться на работе уже не могла. Просто сидела и таращилась на экран, делая вид, что читаю сообщения. Может, позвонить Изабелле? Не для того, чтобы всё рассказать, а просто... поговорить с кем-то, кому ты не безразлична. Здесь, в Лондоне, я ещё не успела обзавестись друзьями. Те, что были в Дели, для меня потеряны. А родители, которым обычно звонят в трудную минуту, никогда особо не интересовались моей жизнью. Я даже не позвонила им после бегства от Даярама. Но сейчас, наверное, была не в себе больше, чем думала — ни с того, ни с сего начала набирать номер матери. Опомившись, тут же его сбросила. Но, помедлив секунды две, набрала вновь. Несколько гудков, потом — беззаботный голос матери:

— Да?

— Ма... — я запнулась и, прежде чем успела продолжить, услышала на другом конце театральный вздох.

— Блудная жена отыскалась! Как ты, детка?

— Соответственно обстоятельствам. Ты... знаешь, что я ушла от Даярама?

— Спроси, кто об этом не знает. Твой индийский красавец только что объявления «Пропала жена, вернувшему — большое вознаграждение» на всех столбах не развесил. Даже отцу твоему звонил — умолял сообщить, если узнаем, где ты.

— И что сказал папа?

— Сама как думаешь? Посоветовал лучше следить за женой. Или вообще не жениться, тем более на дочери российского дипломата, если не знает, как себя с ней вести.

Я не удержалась от улыбки.

— Папа верен себе.

— Так что всё-таки произошло? Твой ненаглядный молился на воздух, которым ты дышала. Не могу представить, чтобы поднял на тебя руку.

— Нет, не поднял. Просто периодически соскальзывал с широкого супружеского ложа в постель одной из моих подруг. А, может, и не одной — кто их теперь будет считать?

— И поэтому ты ушла? — снова вздох на другом конце. — Детка, если бы после каждой интрижки на стороне я уходила от твоего отца, тебя бы на свете не было.

— От моего... что? — опешила я.

— Ты ведь не настолько наивна, — так и представила, как мама возводит к небу глаза необычного бирюзового цвета, который я унаследовала от неё. — Если всё же настолько, значит, я совершенно ничему тебя не научила.

— Научила... — пробормотала я. — Подозревала, что вы — не Ромео с Джульеттой, но... ты так спокойно об этом говоришь.

— Я тоже не скучала в одиночестве на... как ты сказала? — широком супружеском ложе, так что обо мне не заботься. А вот что ты ушла от мужа, который носил тебя на руках, меня беспокоит.

— Неужели? — усмехнулась я. — Вы ведь даже не попытались меня найти, спросить, как у меня дела. Не нужна ли мне помощь...

— Девочка моя, — в голосе матери — поучительные нотки. — Мы дали тебе блестящее образование и воспитание, о каком большинство твоих сверстников могут только мечтать. Ты унаследовала ум твоего отца, настолько пронырливый — до сих пор задаюсь вопросом, от Бога он у него или от дьявола, и мои красоту, очарование и безупречный стиль. Чем ещё мы можем тебе помочь?

Я только приложила ладонь ко лбу и промолчала.

— Подумай, что ты теряешь, — продолжала мама. — Вернись ты сейчас к мужу и сделай всё правильно, могла бы обматывать его вокруг себя, как сари. Чувство вины, испытываемое мужчиной, — очень серьёзное оружие в руках женщины. А, судя по действиям твоего красавца, его чувство вины зашкаливает. Будь у меня такое «оружие» против твоего отца, давно бы довела его до помешательства. А ты выбрасываешь своё под ноги этой потаскушке, переманившей твоего мужа в свою постель.

— Спасибо за совет, ма, — вздохнув, я посмотрела на часы. — Мне пора.

— Звони в любое время, детка. Особенно, если всё же решишь вернуться к супругу и попортить ему кровь. Пока-пока! — и отключилась.

А я, отложив мобильный, устало откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Вот и вся помощь. Хотя... мама права. У меня на самом деле есть всё, чтобы вытащить себя из практически любой тупиковой ситуации. Просто до сих пор мне не приходилось в такие попадать. Что ж, теперь пришлось.

Выпрямившись, я посмотрела на часы: 11:59. Странно, что Джеймс до сих пор не появился. Ждёт последней секунды, чтобы «выход» получился эффектнее? Поднявшись из-за стола, я подхватила мобильный и вышла в коридор. Ни звука. Слышала, как закрылась входная дверь, когда Бетти ушла на ланч, но с тех пор — тишина. Ненавижу ожидание. Тем

более когда ожидаемое — встреча с шантажистом. Немного постояв на месте, я начала неторопливо спускаться вниз. Погуляю среди картин — всё же лучше, чем бессмысленно глазеть в экран ноутбука. Но, когда была где-то на середине лестницы, тишину нарушил дребезжащий звук. Я остановилась, не понимая, что может быть его источником. Дребезжание прекратилось. Но, только я продолжила спуск, раздалось вновь, и до меня наконец дошло: это — вибрация мобильного! Не моего, который в руках, а другого... И гудит он где-то совсем рядом. Рискую вывихнуть ноги в узкой юбке и на шпильках, я буквально скатилась в холл и бросилась к кашпо с карамболой, «звёздным фруктом» — нашей с Бетти гордости, придававшей галерее немного экзотический вид. Да, звук действительно доносится оттуда — из ветвей деревца я вытащила вибрирующий мобильник. Звонок от анонимного абонента... в личности которого я ничуть не сомневалась. Нажав на зелёную кнопку, поднесла мобильник к уху и, вместо приветствия, хмыкнула:

— Сотовый в карамболе? Серьёзно?

— Звоню в третий раз. Ты ехала к нему через весь город и застряла в пробке? — не остался в долгу мой новый знакомый.

— Нет, долго искала среди плодов и листьев!

— Встретимся сегодня вечером, — прервал он дальнейшую дискуссию. — Обсудим подробности.

Самонадеянный ублюдок и не сомневался, что соглашусь на его «предложение»! С трудом удержавшись, чтобы не хватить «карамболовым» мобильником об пол, я холодно проговорила:

— Называй адрес.

— Бейкер-стрит 221б, какой ещё...

— Послушай, Шерлок, — оборвала я очевидную издёвку. — Сейчас я в шаге о того, чтобы сделать тебя кормом для собаки Баскервилей! Сомневаюсь, что мне в доме моего мужа будет хуже, чем тебе в британской тюрьме!

На другом конце — короткая пауза, потом — спокойный голос:

— За тобой приедут. Блэк кэб. Будь готова к шести и не задерживайся «в пробке», как сейчас, — и отключился.

А я стиснула мобильник так, что побелели костяшки пальцев. Но тут же постаралась успокоиться — ярость не лучший советчик. Лучше запастись терпением, ознакомиться с тем, что мне предложат, и уж потом решить, как из этого выкрутиться.

Остаток дня прошёл, как во сне. Чтобы не разрушать легенду, рассказанную Бетти, я действительно ушла в час, пообедала в маленьком ресторанчике неподалёку. Вернувшись, попыталась сосредоточиться на работе, но удавалось это с трудом. Когда в разговоре с заглянувшей в галерею молодой парой, присматривавшей картины для новой квартиры, назвала сюрреализм импрессионизмом, решила, что сегодня от меня больше вреда, чем пользы и после ухода пары уединилась в кабинете. Бетти заглядывала ко мне раз или два и, стараясь не обращать внимания на подозрительные взгляды помощницы, я отправила её домой в начале шестого.

— Мисс Шейх... — она замялась. — Хотела сказать... если у вас какие-то неприятности...

— Почему ты так решила? — от ноутбука, в которой уставилась, изображая занятость, я подняла глаза на неё.

Девушка неопределённо пожалала плечами и выдала:

— Мой кузен Льюис — детектив Скотленд-Ярда. Если вам понадобится помощь, я могу поговорить с ним.

Полицейский в семье — вот откуда у неё такой острый взгляд на вещи, которые большинство людей оставили бы без внимания. Пожалуй, информация — не лишняя, но пользоваться ею пока рано.

— Спасибо, Бетти, — я выдавила улыбку. — Но почему ты думаешь, мне может понадобиться помощь полицейских?

— Я проверила записи с камер наблюдения за вчерашний вечер. В них — помехи. Тот тип... его лица не видно ни на одной.

Загрызла бы собака Баскевилей этого Джеймса! Я думала о записях, собираясь использовать их, как возможный компромат — на всякий случай. Но подобное замечание следов — лишнее доказательство, что я была права, не побежав в полицию. Недооценивать шантажиста в самом деле нельзя. Но вида не подала и только махнула рукой.

— Может, совпадение? Этот «тип», как ты его называешь, говорил о каком-то диллере в Нидерландах, предлагавшем сотрудничество с нашей галереей. Но мне он тоже показался странным, и я отказалась.

Бетти улыбнулась. Кивнув, направилась к двери, но у порога остановилась.

— Вы сказали «наша галерея», мисс Шейх. Мне это очень приятно. Вы знаете, «Стриж» — для меня не первое место работы. Но именно здесь я чувствую себя, как дома. Просто хочу, чтобы вы знали: я верю, что у нашей галереи — блестящее будущее. И сделаю для этого всё возможное. Приятного вечера, — и юркнула за дверь.

Что ж, будет на кого оставить моё детище, если «общение» с Джеймсом доведёт меня до решетки! Вздохнув, я посмотрела на часы и попыталась хотя бы рассортировать мэйлы. Удавалось это с переменным успехом, я то и дело смотрела на часы и мысленно возблагодарила Небо, когда они, наконец, показали 17:55. Подскочив, будто за мной гналось всё семейство Варма, я захлопнула ноутбук, забросила его в сумочку и вылетела из кабинета. Но перед входной дверью замедлила шаг и неторопливо переступила через порог, когда колокол церкви Святого Петра, расположенной неподалёку, ударил в третий раз. Обещанный Джеймсом блэк кэб увидела сразу — наверное, подъехал уже после первого удара колокола. Стараясь казаться невозмутимой, я неторопливо подплыла к нему, открыла дверцу со стороны пассажирского сидения и невольно поморщилась, увидев за рулём моего нового знакомого.

— Неужели заехал за мной лично?

— Неужели вышла вовремя? — парировал он.

— Конечно. Это же не свидание, а деловая встреча. Опаздывать в таких случаях — дурной тон.

Собралась сесть рядом, но Джеймс мотнул головой на заднее сидение, и я снова не удержалась от ехидства:

— Думаешь, со спины смотришься лучше? На самом деле так и есть. С самого момента нашей встречи мечтаю увидеть твою спину. Твою удаляющуюся спину.

Джеймс подождал, пока я заберусь в машину и, полуобернувшись, небрежно бросил:

— Исполнение этой мечты — в твоих руках, — и надавил на газ.

Я снова хотела съязвить, но забыла, что хотела сказать, едва глянула в окно и не увидела... ничего. Окна были непрозрачными.

— Мы знаем, где ты живёшь, но необязательно, чтобы и ты знала, где живём мы, —

словно прочитал мои мысли Джеймс. — Приятной дороги!

Прежде чем я успела съехидничать в ответ, он поднял перегородку, полностью отделившую меня от внешнего мира, и путешествие в никуда началось. Мы ехали ровно сорок одну минуту — я следила за временем по сотовому. Но, думаю, Джеймс просто петлял по городу, чтобы окончательно сбить меня с толку, и это удлинит поездку. Когда машина, наконец, остановилась, и я вышла на Свет Божий, уже совсем стемнело. Я стояла перед ничем, кроме мрачности и лёгкой обшарпанности, непримечательным особняком, немного смахивавшим на фамильный дом Блэков в «Гарри Поттере».

— Здесь мы встречаемся с остальными членами «Ордена Феникса»? — повернулась к выбравшемуся следом Джеймсу. — Если что, я сижу рядом с Дамблдором!

— Его в этот раз не пригласили, — не моргнув глазом, ответил он и кивнул на мою сумку. — Оставь здесь. Вместе с сотовым.

— Может, ещё и обещешь? — не удержалась я. — Вдруг успела побывать в Скотленд-Ярде и теперь обвита проводами?

Он смерил меня насмешливым взглядом, задержавшись глазами на мало что скрывающей блузке.

— Думаешь, я бы их не увидел?

— Думаю, нет. Потому что смотришь сейчас не туда.

Джеймс только усмехнулся, небрежно бросил мою сумку на заднее сидение, захлопнул дверцу и направился ко входу. Внутри особняк был уютнее, чем снаружи, но толком осмотреться я не успела. Войдя вслед за Джеймсом в гостиную, невольно замедлила шаг. Просторная комната, у стены — большой экран, мало вписывающийся в обстановку. А перед экраном — пожилой мужчина и рыжая девица, одновременно повернувшие головы. При виде девицы Джеймс помрачнел и резковато бросил пожилому:

— Зачем она здесь?

— Как зачем? — пропела девица и, покачивая бёдрами, направилась к нам. — Хочу проследить за папиными инвестициями. Или ты против, Джимми?

— Будто для тебя это новость, «мышка», — отрезал Джеймс.

— Так меня называет только папа! — в голубых глазках девицы сверкнула молния. — Для тебя я...

— Может, выясните отношения потом? — подала я голос. — Сейчас меня интересует, для чего здесь я, если в вашей постановке уже есть претендентка на женскую роль? Упомянутый вами джентльмен весьма восприимчив к женским чарам. Так почему не послать её выведать у него все секреты?

Девица, словно только меня увидела, отвернулась от Джеймса и елеино улыбнулась.

— Потому что я не какая-то дешёвка с улицы, которую можно...

— Пробовали — не получилось, — оборвал её Джеймс. — Она возбудила его подозрение, а не интерес.

— Откуда мне знать, какое ухо отрезал себе этот голландский псих! — неожиданно взвизгнула девица.

Я даже вздрогнула и с удивлением уставилась на неё.

— Ты подсылал Поппи к Эндрю Рэю? — поднялся с кресла пожилой поделщик. — С ума сошёл, Джеймс?

— Стоило попытаться, — отмахнулся тот. — Но она начала импровизировать, разрушила созданную нами легенду и прокололась больше, чем один раз — ухо Ван Гога

здесь ни при чём. Сурэйя подходит лучше. Кстати, познакомься, — небрежный кивок на меня. — Сурэйя — Чарльз, Чарльз — Сурэйя. Ты, — поворот головы к рыжеволосой девице. — Убирайся. Или можешь передать своему папе, что сорвала всю операцию.

— Я останусь! — девица демонстративно рухнула в кресло и закинула ногу на ногу. — А ты не смей так со мной разговаривать, Джимми!

— Пожалуйся папе?

— Довольно, — пожилой тип поднял руки, голос только что не резал воздух. — Джеймс, промолчи хотя бы раз. Поппи, эта встреча произойдёт без твоего участия. Когда твой отец связался с нами, условием была полная свобода наших действий и решений при проведении этой операции. Я прошу тебя уйти.

Девица фыркнула, но поднялась с кресла и неторопливо прошествовала из гостиной. На мгновение задержавшись возле меня, смерила весьма недружелюбным взглядом и, усмехнувшись, зашагала дальше.

— Крайне неприятная особа, — проговорил старик, когда за «особой» захлопнулась дверь.

— Опасная психопатка, — уточнил Джеймс.

— Но больше вам не придётся с ней сталкиваться, мисс Шейх.

— Как не пришлось сейчас? — хмыкнул Джеймс. — Зачем вообще позволил ей войти?

— Не хотел истерики за пределами этого дома, — взгляд холодных голубых глаз впился в Джеймса, а через мгновение их обладатель уже просиял улыбкой мне. — Мисс Шейх, позвольте представиться лично. Моё имя Чарльз. Очень рад нашему знакомству.

— Не могу ответить тем же, — отрезала я. — Не хочу здесь задерживаться, поэтому скажите, что от меня требуется, и покончим с этим.

— Мне нравится ваш подход, — снова улыбнулся он. — А ты говорил, с ней невозможно общаться, Джеймс! Прежде всего, мне жаль, что пришлось втянуть вас в это, мисс Шейх.

— Сомневаюсь, что жаль. Дальше?

Не реагируя на мой тон, старик направился к экрану и, включив, повернулся ко мне.

— Главное вы уже сделали — вошли в доверие к мистеру Рэю и получили приглашение в его особняк. Вы связаны с искусством — ведёте галерею, и показать вам свои сокровища будет его естественным порывом. Всё, что нужно — передать вид изнутри особняка сюда, — он указал на экран, на котором выстраивались трёхмерные изображения каких-то строений.

— И как? Фотографировать всё, что вижу?

— В какой-то мере, — Чарльз снова проигнорировал шпильку. — С помощью этого.

Он протянул мне футлярчик вроде тех, в которых хранят наушники Apple. Только в этом были не наушники, а...

— Контактные линзы? — я подняла на Чарльза недоумевающий взгляд.

— Не просто линзы. Их невозможно обнаружить никакими детекторами. И всё, что будете видеть вы, увидим и мы, — он снова махнул на экран, — здесь. Всё будет переработано и сложено в план здания в трёхмерном изображении.

— Наличие плана здания, охраняемого лучше, чем Тауэр, вряд ли так уж приблизит вас к цели.

— Приблизит. Особенно если вы ещё укажете, где расположена нужная нам картина, и перескажете, что мистер Рэй говорил о системе охраны.

— Допустим, я это делаю. На этом моя роль окончена, и каждый идёт своей дорогой?

— И да, и нет, — уклончиво проговорил Чарльз. — Ваша роль останется исключительно наблюдательной до конца. Но, может, нам понадобится дополнительная информация, и вам нужно будет вернуться в особняк мистера Рэя...

— ...притворившись, что не прочь побывать в его постели? — усмехнулась я. — На это не пойду. Можете сразу звонить моему мужу.

— Зачем такие крайности? Звонить вашему мужу я хочу не больше, чем вы — к нему вернуться. Что до постели мистера Рэя, уверен, такая сообразительная девушка, как вы, сможет добиться успеха, не прибегая к крайностям. Как только картина будет у нас, каждый, как вы выразились, пойдёт своей дорогой.

Всё, как я и предполагала. Им нужен доступ к особняку престарелого донжуана, остальное — не в счёт. Я смерила изучающим взглядом Чарльза, не сводившего с меня такого же изучающего взгляда. Невысокий, сухопарый, волосы почти полностью седые, но нет и намёка на облысение. Очки в дорогой оправе делают его чем-то похожим на профессора. Он и держится немного покровительственно, даже по отношению к Джеймсу, которому явно уступает физически. Именно он здесь главный — пожилой джентльмен с обходительными манерами и пронзительным взглядом безжалостного дельца. Он действительно пойдёт на всё, чтобы получить своё. Что ж...

— Хорошо, — я захлопнула коробочку со шпионскими линзами. — Как выглядит эта картина?

Старик едва заметно кивнул и, повернувшись к экрану, нажал на кнопку крошечного пульта, который держал в руке. А я вскинула брови. Слышала об этой картине, но никогда её не видела и сейчас невольно поёжилась.

— Корнелиус Риттер? — повернулась к Чарльзу. — У вашего клиента странный вкус. Но после знакомства с его дочерью меня это не удивляет.

— Мы не обсуждаем вкусы клиентов, — улыбнулся старик. — Они платят за желания, мы воплощаем их в жизнь.

— Неплохой слоган для публичного дома, — съязвила я. — На сегодня всё?

— Джеймс отвезёт вас обратно, — кивнул Чарльз. — И свяжется с вами после вечера у мистера Рэя.

Не говоря ни слова, я развернулась и направилась к выходу, но ещё слышала, как Чарльз вполголоса проронил:

— Она нравится мне даже больше, чем я предполагал, Джеймс. Видишь, я не ошибся на её счёт, — но даже не замедлила шаг.

Джеймс догнал меня уже возле машины, с лёгкой издёвкой открыл передо мной дверцу. Я подхватила сумочку и, пока он обходил машину, чтобы сесть за руль, забралась на пассажирское сидение.

— Не устраивайся здесь... — резко начал он, но я его перебила:

— Я не пересяду. Если не хочешь скандала под окнами вашей штаб-квартиры, которого так боялся твой патрон, садись и вези меня домой молча.

Усмешка — и Джеймс плюхнулся рядом, с издёвкой бросил «Пристегнись!», и блэк кэб с рёвом сорвался с места. Наверняка, чтобы меня позлить, по улицам мой вынужденный водитель нёсся, как камикадзе, но я сидела рядом с непроницаемым лицом и после очередного виражного поворота, небрежно спросила:

— Что имел в виду твой босс, говоря, что не ошибся на мой счёт?

Снова усмешка, секундное молчание, потом — неохотное признание:

— Привлечь тебя — его идея. Я был против.

— Вот как? Вспомнил, что шантажировать — нехорошо?

— Нет, — хмыкнул он. — Посчитал, что изнеженной дочери дипломата — не место в нашем бизнесе.

— Воровстве и продаже краденого — называй вещи своими именами. И я — не изнеженная, мои родители всё для этого сделали. Что касается девицы, которая видела меня и знает теперь о моей причастности к «вашему бизнесу»...

— Воровству и продаже краденого, — язвительно поправил Джеймс. — Её можешь не опасаться. И она, и её отец — не отсюда, покинут Англию, как только получают свой товар.

— Америка? — предположила я, мне показалось, девица говорила с американским акцентом. — Обетованная земля богатых психопатов.

— Ты сбежала не от одного ли такого, живущего не в Америке? — снова съязвил Джеймс.

— Нет, — отрезала я. — Или не знаешь, почему я сбежала? Пересчитал не все скелеты в моём шкафу?

Он ничего не ответил, только резко затормозил, и я узнала мою улицу — быстро же долетели без петляния по городу!

— Мобильный, что я оставил, держи всегда при себе, — напутствовал меня напоследок Джеймс. — Что делать, ты поняла. Линзы вставь перед самым выходом — чем дальше они в работе, тем хуже передают данные. Под линзами в футляре — устройство, позволяющее нам слышать тебя, а тебе — нас. Вставишь его в ухо поглубже — иначе детекторы его засекут. После вечеринки я с тобой свяжусь.

— Какие детекторы? — не поняла я, но Джеймс слегка надавил на газ, и кэб дёрнулся на месте.

— Выходи, если не хочешь поехать обратно, мисс Сурэйя.

подавив желание заехать ему сумкой по невозмутимому лицу, я выбралась из машины, но, не удержавшись, наклонилась в приоткрытую дверцу:

— Спасибо за вечер, я чудесно провела время! Может, как-нибудь и повторим, Джимми.

— Я не против, мышка, — парировал он и сорвался с места прежде, чем я успела захлопнуть дверцу. Я покачала головой, процедила «Псих!» и поплелась к подъезду. Но сюрпризы этого дня ещё не закончились. Поднявшись к себе, я тихо охнула, обнаружив перед дверью целую корзину волшебных-красивых голубых орхидей. К ним прилагалась карточка, в которой было всего несколько слов: «Жду. Скучаю. До завтра.»... Вздохнув, я подняла корзину, отперла дверь и нырнула в полумрак родной квартиры.

Глава 4

— Добрый вечер, мисс Шейх. Я — Томас, водитель мистера Рэя. Прошу, — он вежливо открыл передо мною дверь Bentley антрацитового цвета.

Мой поклонник прислал водителя, как и обещал. И я, приветливо улыбнувшись, села в машину, готовая отправиться на вечеринку, присутствовать на которой не обещала. Но, если всё пойдёт по плану, необходимость терпеть общество мистера Рэя и его друзей окупится сполна.

— Вам удобно, мисс Шейх? — сев за руль, водитель полуобернулся ко мне.

— Слышишь меня, Сурэйя? — раздался в ухе голос Джеймса.

— Да, всё отлично, спасибо, — ответила я обоим, и моя «каjeta» тронулась.

Для суаре, от которого так многое зависело, я выбрала платье из белого шёлка с длинной струящейся юбкой, серьги из бирюзы — под цвет глаз, и массивное кольцо с таким же камнем. Сверху — лёгкий плащ, а в свободно падающих на плечи волосах голубым пятном выделялась орхидея — одна из подаренных моим щедрым поклонником. Он наверняка оценит этот жест. Ничто не должно вызвать его подозрений, иначе все старания напрасны. Я невольно поднесла руку к уху, куда перед выходом всунула шпионскую «игрушку», полученную от Чарльза. Крошечное устройство было из похожего на густое желе материала и практически не ощущалось. Как и линзы, даже ничуть не изменившие оттенок моих глаз. Игра «кто кого перехитрит» началась.

Когда Bentley въехал в неторопливо раскрывшиеся ажурные ворота, в ухе снова раздался голос Джеймса:

— Теперь сосредоточься. Постарайся реже моргать и чаще вертеть головой. Я скажу, куда следует смотреть дольше, если нам понадобится более подробный обзор.

Подавив желание послать «суфлёра» подальше, я восхищённо выдохнула:

— Какой чудесный особняк!

— Да, он производит впечатление, — поддакнул Томас. — Этот особняк — гордость мистера Рэя.

А вот и сам мистер Рэй — возник на пороге, едва шофёр открыл передо мной дверцу машины.

— Моя дорогая! — по забавному совпадению, на поклоннике белый костюм — под стать моему платью. — Я ослеплён!

— Благодарю, мистер...

— Сурэйя, — он с упрёком покачал головой. — Никакого «мистера» здесь нет. Есть только Эндрю, поражённый твоей красотой в самое сердце!

И как с первой встречи не догадалась, что он — земляк моего медоречивого супруга? Фразы, подобные этой, щедро текли и с уст Даярама в начале нашего знакомства. Но если тогда я таяла от них, как воск от солнечных лучей, сейчас только вежливо улыбнулась.

— Ты очень любезен, Эндрю. А это, — слегка повернула голову, чтобы он увидел цветок, — просто чудо! Мне было приятно обнаружить подобный сюрприз после не самого лёгкого дня в галерее.

— Я надеялся, тебе понравится, — он прижал к губам тыльную сторону моей ладони. — А теперь позволь показать мою скромную обитель.

— Такую уж и скромную? — я скрыла насмешку за милой улыбкой.

Никогда не понимала этой фразы: как будто произносящий её не знает, как на самом деле роскошен его дом! Но донжуан не смутился. Загадочно приопустил веки и, легко сжав мою ладонь, увлёк за собой в «обитель». Она была действительно роскошной: смесь яркого испанского стиля и готики. Необычное сочетание, элегантное и полностью лишённое вычурности.

— Очень мило, — улыбнулась я. — А остальные гости?

— Скоро появятся, — мой поклонник сделал хитрое лицо. — Я позвал тебя раньше, чтобы показать мои сокровища, оценить которые могут очень немногие. Ты — одна из них, Сурэйя.

Мои подельники, слушающие сейчас этот разговор, неплохо изучили свою «цель» — Чарльз весьма точно предсказал желание мистера Рэя показать мне свою коллекцию. А что Джеймс имел в виду под «детекторами», я поняла, когда хозяин дома подвёл меня к двери

своей «сокровищницы».

— Теперь, дорогая Сурэйя, приготовься увидеть истинные шедевры, созданные людьми. Но не пугайся — любой входящий сюда, включая меня, проходит проверку на чистоту намерений.

— За дверью сидит сфинкс, задающий каверзные вопросы? — вскинула я брови.

Донжуан рассмеялся и, прижав подушечку большого пальца к сканеру в стене, пробормотал какую-то фразу на хинди. Тактильное и голосовое распознавание. А потом, открыв передо мною дверь, сделал приглашающий жест рукой. Но едва переступила порог, по моему телу светящимися волнами заструились голубоватые лучи, и я в нерешительности остановилась.

— Это — лишь мера предосторожности, — тут же оказавшись рядом, Эндрю сжал мою ладонь.

Лучи струились и по его телу. Но секунда, ещё секунда — и свечение прекратилось.

— Мы прошли проверку? — улыбнулась я.

— И сфинкс пропустил нас к сокровищам, — в тон мне отозвался Эндрю.

— Эти лучи... как именно они работают?

— Проверяют чистоту намерений, я же говорил, — уклончиво ответил донжуан и мягко потянул меня в глубь комнаты.

Очевидно, мой поклонник — не самый открытый человек, даже когда хочет произвести впечатление. И, в какой-то мере, это понятно. Комната, в которую он меня привёл — действительно настоящее хранилище редкостей. Ненавязчиво высвободив ладонь из цепких пальцев хозяина, я, не скрывая восхищения, переходила от одного шедевра к другому. Редкие картины, несколько статуй и даже миниатюры эпохи Великих Моголов.

— Ты — истинный коллекционер, Эндрю, — прошептала я.

— Тебе нравится?

— «Нравится» — слишком слабое слово, чтобы выразить мои ощущения, — и едва слышно выдохнула.

Прямо передо мной был объект вожделений моих вынужденных «партнёров» — картина, из-за которой они втянули меня в эту аферу. Но останавливаться возле неё я не стала — просто пробежала глазами... и слегка вздрогнула, когда ладони Эндрю мягко легли на мои обнажённые плечи.

— Мне очень жаль прерывать экскурсию, моя дорогая, но первые гости уже здесь. Вернёмся сюда позже.

— Непременно, — искренне согласилась я. — Мне кажется, и нескольких часов было бы недостаточно, чтобы полностью насладиться видом этих картин.

— Я знал, ты их оценишь.

— Ты говорил, твои гости тоже любители искусства?

— Может, я немного преувеличил, чтобы заманить тебя сюда. Некоторые из них интересуются живописью, но до твоего восприятия им далеко.

Как дочери дипломата, мне доводилось общаться с самыми разными людьми: аристократами и особами из королевских семей, потомственными магнатами, нуворишами и голливудскими знаменитостями. Среди них встречались и очень образованные, и откровенно глупые и даже вульгарные, но с большинством было довольно скучно. Именно последнего я ожидала от гостей моего поклонника. Но ошиблась: как раз-таки скучать в собравшейся компании не пришлось. Всего гостей, кроме меня, было десять — все богатые,

знаменитые и важные. Приятель Эндрю по колледжу, а теперь успешный лондонский бизнесмен Джо Сандерс, ещё один друг и по совместительству адвокат Эндрю — Оливер Фрикс; член британского парламента Хью Транс, профессор экономики в Лондонском университете Джозеф Флинч, их жёны и один из американских партнёров Эндрю — мультимиллионер Люк Уильямс с подругой. Со мной все держались вежливо, даже дружелюбно. Все, кроме одной особы, супруги парламентария, Элизабет Транс. Одета в чёрное, словно в трауре, с ниткой жемчуга вокруг дряблой шеи — неизменный атрибут псевдо-аристократок а-ля королева Елизавета, дама держалась, как царица Савская. Когда Эндрю представил нас друг другу, она смерила меня бесцветными глазками, дёрнула похжим на клюв носом над вздёрнутой не закрывающей зубы губой и пренебрежительно кивнула. А я мысленно улыбнулась: жертва для воплощения моего плана выбрана. И миссис Транс не разочаровала.

После второй смены блюд разговор зашёл о родине хозяина — Индии. Многие из приглашённых посещали эту «волшебную страну с огненной едой и красивыми женщинами в ярких нарядах», как выразился один из гостей.

— А какие у них украшения! — восхитилась его жена.

— Архитектура — просто кружево из камня, — подхватила жена другого и обратилась к миссис Транс. — Помнишь, Лиз, я рассказывала, какое впечатление на меня произвели их дворцы?

Но Лиз лишь сморщила свой носоклюв, тряхнула жидкими волосами грязно-блондинистого цвета и заявила:

— Конечно, они восхитительны, Шарлотта. Ведь все построены Британской империей, а британские архитекторы не сравнимы ни с какими другими.

Чуть не поперхнувшись водой — как раз поднесла бокал ко рту, я тут же его отставила и невинно поинтересовалась:

— Под Британской империей вы, конечно, подразумеваете кельтские племена, миссис Транс?

Все головы повернулись ко мне. А мадам одарила меня взглядом, словно смотрела на говорящую канарейку.

— Что, простите? — в голосе проскользнули ледяные нотки.

— Индийская цивилизация зародилась где-то в четвёртом тысячелетии до нашей эры, — пояснила я. — Кельтская, правда, немного позже, но только кельты могли начать возводить стены Мохенджо-Даро. А в строительстве Тадж Махала не иначе помогал король Яков.

И без того вытянутое лицо британской патриотки вытянулось ещё больше, но тут вмешался мой поклонник:

— Британская империя внесла свой вклад в историю Индии, — начал он. — Но...

— Конечно, внесла, — перебила его миссис Транс. — Британцы помогли Индии стать тем, чем она является сейчас. Из дикой отсталой страны создали относительно цивилизованное государство!

Лицо мистера Рэя слегка дёрнулось. Гости начали неловко переглядываться.

— Лиз, — вполголоса одёрнул мадам её супруг и неловко рассмеялся. — Индийская цивилизация — действительно одна из древнейших. И за время Британского Раджа Индия оказала на Британию ничуть не меньшее влияние, чем Британия на Индию. Это был взаимное опыление, как сказал бы мой сын-биолог.

Гости рассмеялись, и на этом конфликт себя бы, вероятно, исчерпал, но это не входило в мои планы. Едва смолк смех, я, напустив в голос побольше яда, поинтересовалась:

— Интересно, в каком заведении учат нелепице, которую только что высказала миссис Транс.

Снова неловкие переглядывания. Только американского миллионера ситуация, кажется, начала забавлять. Откинувшись на спинку стула, он сложил на груди руки, вода чуть прищуренными глазами с меня на задёргавшую ноздрями миссис.

— Что ты делаешь? — процедил в уже голос Джеймса. — Продемонстрируешь эрудицию в другой раз!

— Вопрос — не праздный, — ничуть не смутившись, продолжила я. — Никогда не отдам моих детей в то же заведение. Или это — ваше личное убеждение, миссис Транс?

Та чуть вскинула голову.

— Не только моё. Не нужно, Хью, — предупредила она вмешательство своего супруга. — До прихода британцев бóльшая часть Индии была непроходимыми джунглями, полными диких зверей и не менее диких людей — это общеизвестный факт!

— Общеизвестный, судя по всему, в определённых кругах, — усмехнулась я. — И какая же часть не была покрыта джунглями?

— Мне это неизвестно. Может, их столица Тадж Махал и ещё несколько городов, мало чем отличающихся от деревень, — отрезала дама.

Её супруг снова попытался вмешаться, жена профессора университета, восхищавшаяся индийскими дворцами, тихо выдохнула, а я едва подавила улыбку.

— Вот как? Тогда это — большая удача, что наш уважаемый хозяин решил перебраться из этой варварской страны в более цивилизованную Великобританию. Жаль, правда, что всё же не смог поселиться в столице — Тауэре.

Гробовая тишина. Лишь шипение Джеймса, слышное только мне:

— Замолчи, Христа ради!

Миссис Транс деликатно кашлянула и презрительно-покровительственным тоном произнесла:

— Тауэр — не столица Великобритании, моя дорогая. Но вы в нашей стране — недавно, так что...

— Как не столица? — округлила я глаза. — Может — о боги! — скажете, что и Лувр — не столица Франции?!

Снова повисшую тишину нарушил хохот миллионера-американца. За ним даже не расслышала фразу рассвирепевшего Джеймса.

— Это — отличная шутка, — американец хлопнул в ладоши.

— Нет, это — возмутительно, — вступился за супругу парламентарий.

— Возмутительно? — резко поднявшись, я демонстративно бросила салфетку на стол. — По-моему, возмутительно подобное невежество. Особенно, у жены политика. Но, полагаю, жителям крошечного островка, затерявшегося в забытой всеми богами глуши, которым с детства поют песни о былом величии их так называемой державы, построенном на крови невинных, этого не понять. Что ж, я довольно разборчива в выборе компании, и подобное соседство, — небрежно махнула рукой на застывшую с приоткрытым ртом мадам, — меня не устраивает. Желаю всем приятного вечера. А вам, дорогая миссис Транс, посоветовала бы как следует изучить мировой атлас — увидите, мир не ограничивается Британскими островами!

И, вскинув голову, поплыла к выходу, стараясь не прислушиваться к яростному шипению Джеймса. Кажется, всё удалось. После подобного скандала перед влиятельными друзьями мой поклонник вряд ли захочет меня видеть. Не говоря о том, чтобы вновь пригласить в свой дом. Первая часть плана выполнена. Теперь осталось...

— Сурэйя!

Мистер Рэй догнал меня у двери — не ожидала, что отправится следом и бросит гостей. Скрывая растерянность, повернулась, готовая продолжить разыгрывать возмущение. Но он, подскочив, на мгновение остановился, будто в нерешительности, а потом обхватил ладонями моё лицо и жарко прижался губами к моим. Я оторопела настолько, что в первый момент даже не подумала отстраниться, и донжуан с готовностью притиснул меня к себе. Но уже в следующее мгновение резко отдёргнулась и не долго думая залепила горе-поклоннику пощёчину

— Так вот какого вы мнения обо мне, мистер Рэй?! Знала, что не следовало принимать это приглашение! — и, не обращая внимания на вытянувшиеся физиономии донжуана и подоспевшего дворецкого, вылетела за порог.

Кэб уже должен быть на месте — вызвала его ещё до начала вечеринки. Подхватив подол платья, я торопливо семенила на высоких каблуках в направлении ажурных ворот и чуть не застонала, услышав за спиной шаги. Если это снова Эндрю, уже и не знаю, как ещё его отпугнуть — разве что ударить в более чувствительное место, чем лицо. Но это был не мой поклонник, а его водитель.

— Мисс Шейх! — он с трудом дышал от быстрой ходьбы. — Мистер... Рэй... послал меня... Просту вас, остановитесь!

— Ничего не нужно, Томас, спасибо, — отрезала я. — Вызову кэб. Приятного вечера!

— Мисс Шейх... Мистер Рэй велел настоять... отвезти вас...

— Настоять? — я с возмущением обернулась. — Передайте мистеру Рэю, что я больше не желаю его видеть!

И, резко развернувшись, зашагала дальше.

— Спланировала всё с самого начала? — процедил в ухо Джеймс. — С рук тебе это не сойдёт!

Но я никак не отреагировала ни на угрозу невидимого «партнёра», ни на вздохи шофёра. Ворота открылись передо мной, и я, цокая каблуками, зашагала по улице к соседнему переулку. Кэб уже действительно ждал. Проворно забравшись на заднее сидение, я отчётливо скомандовала:

— Набережная Виктории — поближе к мосту, — выудив из уха желеобразное устройство, спрятала его в коробочку и уже споскойно добавила:

— И спасибо, что подождали.

Кэбмен кивнул и завёл мотор, а я перевела дух. Совсем забыла про плащ, а ночь не скажешь, что тёплая. Но это — пустяк. Главное, чтобы удалось остальное. Отвернувшись к окну, я осторожно извлекла линзы и сложила их в коробочку вместе с другим устройством. А потом вытащила из сумочки ещё одну коробочку, очень похожую на первую. Утром обежала несколько магазинов прежде чем нашла, что нужно. Теперь остаётся надеяться, что Джеймс в бешенстве последует за мной на берег Темзы и станет свидетелем заключительной части спектакля. Но, даже если не последует, думаю, убедить его в правдивости моего блефа всё же удастся.

— Мы на месте, мэм, — остановив автомобиль, кэбмэн полуобернулся ко мне.

— Благодарю, — я сунула ему несколько купюр. — Сдачи не нужно.

— Спасибо, мэ, — он замялся. — Вас подождать?

Я только качнула головой. Выбравшись из кэба, решительно двинулась к ближайшему парапету, и зябко передёрнула плечами. Действительно свежо, и близость реки только усиливает чувство холода. Только бы Джеймс появился скорее — пока ещё чувствую пальцы. Подойдя к парапету, я вытащила из сумочки коробочку и огляделась. В этот час здесь пустынно — то, что нужно. Зажав коробочку в ладони, поёжилась от налетевшего порыва ветра. Как же холодно...

— Что собираешься делать?

Не думала, что буду так рада слышать этот равнодушно-насмешливый голос, в котором сейчас сквозили нотки сдерживаемого гнева. Обернувшись, поймала на себе неподвижный взгляд Джеймса, замершего в нескольких метрах от меня.

— Скорее скажу, что делать не собираюсь: во всём этом участвовать!

— Не собираешься? — он медленно двинулся ко мне.

— Ты и твой патрон прекрасно знаете, что единственный способ подобраться к Эндрю достаточно близко — через его постель! По-вашему, я сбежала от одного мерзавца, чтобы тут же оказаться в объятиях другого?!

— Никто от тебя этого не ждёт, — Джеймс чуть ускорился, подбираясь ко мне, я попятилась.

— Даже не знаю, какие у меня шансы остаться в живых после всего! И ты хочешь убедить меня, вам есть дело до моей чести?!

Истерика получилась как настоящая: дрожащие от холода руки и голос очень содействовали правдоподобности.

— Хорошо, успокойся, — Джеймс поднял вверх ладони в примиряющем жесте. — Сядь в машину, спокойно всё обсудим.

— Мне нечего обсуждать с ворами и шантажистами! — выпалила я. — Хочешь позвонить моему мужу, сделай это прямо сейчас! Пусть он запрет меня в одной из комнат своего роскошного дома и опаивает каким-нибудь дурманом, чтобы не сбежала! Но не собираюсь попадать в зависимость от таких, как ты и твой босс! — и, размахнувшись, швырнула зажатую в ладони коробочку в Темзу.

— Ты... — не найдя слов, Джеймс подскочил ко мне и, стиснув плечи, встряхнул так, что перед глазами запрыгали звёздочки.

А после просто подхватил меня в охапку и потащил к машине.

— Отпусти! — взвизгнула я, от души шарахнув его сумочкой. — Никуда с тобой не поеду!

Но он уже зашвырнул меня в машину и пригрозил:

— Не замолчишь, кину на заднее сиденье и буду возить по городу, пока не успокоишься!

Я замолчала, с отвращением глядя на него и выбивая зубами дробь. Джеймс с силой захлопнул дверцу и, через секунду рухнув за руль, в бешенстве надавил на газ. А я часто задышала и, сделав вид, что вытираю слёзы, всхлипнула:

— Куда мы едем?

— Этого ещё не хватало, — процедил Джеймс.

— Чего? — я всхлипнула отчётливее. — Раздражают слёзы, до которых сам же и дошёл?

Он промолчал — только сжал руль так, что тот затрещал, и сильнее надавил на газ. А я, решив окончательно отравить ему поездку, начала ещё и тихонечко подвывать. Видимо, это

совершенно вывело из равновесия «железного Джеймса», как я его про себя окрестила. Коротко глянув на меня, он неожиданно заявил:

— Мне понравилась сцена, которую ты устроила.

— Ч-что? — растерялась я.

— Лиз Транс или как её. Мне понравилось, как ты выставила её на посмешище.

— Не только её. Всех англичан, думающих, как она. Вообще, никогда вас особенно не любила!

— Их, — поправил меня Джеймс. — Я — ирландец, и тоже никогда их особенно не любил.

— Скажи ещё бывший член ИРА, — не удержалась я от шпильки. — Или не бывший?

Они ведь ещё существуют?

— Неофициально. Но я не имею к ним никакого отношения. В отличие от моего деда.

— Час от часу не легче... Грабитель, шантажист, теперь ещё и потомственный террорист. Что дальше? Убийца?

Он только усмехнулся.

— Красноречиво, — буркнула я и отвернулась к окну.

Остаток пути прошёл в молчании, нарушать которое ни мой спутник, ни я не стремились. Но, затормозив возле моего дома, Джеймс, против своего обыкновения унести прежде, чем я закрою за собой дверцу, заглушил мотор и повернулся ко мне.

— Я понимаю, что ты пытаешься сделать, Сурэйя. Ничего не получится. Думаю, и оттолкнуть Рэя тебе не удастся — он слишком влип. Но, даже если сможешь, остаётся ещё наш клиент, помешанный на этой картине чуть ли больше, чем Рэй — на тебе, а также Чарльз и его страх перед нашим клиентом. Ты видела Поппи. Законченная истеричка и психопатка. Её отец — гораздо хуже и опаснее. Я бы никогда не пошёл на сделку с ним, но он предложил за картину баснословную сумму, и Чарльз не устоял. Теперь у нас нет другого выбора, кроме как достать картину любыми средствами.

— Так доставайте! — не выдержала я. — Наверняка дом Эндрю — не первая «неприступная крепость», в которой хранится то, что вам нужно! До сих пор же вы как-то справлялись без меня?

— В каждой операции мы ищем оптимальный подход для её осуществления, — голос Джеймса продолжал оставаться спокойным. — В этой наш подход — ты.

— Всякий раз ищете жертву, которая делает за вас грязную работу? А что потом? Утилизацию тел тех, кто слишком много знал, тоже вписываете в счёт клиенту?

— Ни я, ни Чарльз не причиним тебе вреда, Сурэйя, — серьёзно заверил Джеймс. — Если сможешь достать эту картину, больше никогда о нас не услышишь. Обещаю.

— А если не помогу?

— Жизнь, которую ты наладила в Лондоне рухнет. Ты всё равно выполнишь то, что нам нужно — не имея иного выбора, мы не отступим. Но, когда уйдём, тебе лишь останется собирать осколки того, что можно было сохранить, — наклонившись через меня, он открыл дверцу машины. — Подумай об этом. Я позвоню завтра.

Не произнося ни слова, я выбралась из машины и, не оборачиваясь, направилась к подъезду дома. Слышала, как заревел мотор, и Джеймс укатил прочь. А потом отперла дверь и вошла внутрь.

Птичье чириканье нарушило утреннюю тишину. Вздохнув, я перевела глаза с потолка, в

который тарасилась вот уже несколько часов, на ночной столик, где надрывался будильник. Он был настроен так, чтобы каждый день будить меня разными звуками: музыкой, плеском волн... птичьим чириканьем. Хотя сегодня можно было обойтись без будящих звуков. Полночи я просидела в кресле с бокалом вина, задумчиво глядя на расставленные на столе горящие свечи. Вторую половину провела в постели, терпеливо дожидаясь утра. Мой тщательно продуманный план сработал лишь наполовину. Вернее, он сработал, как и задумывалось, но достигнуть того, к чему стремилась, удалось лишь отчасти. Вчера я разыграла перед Джеймсом спектакль и была уверена, что он повёлся, пока не поняла: он разыгрывает свой спектакль и надеется, что поведусь я. Проникновенный взгляд, «откровенный» разговор, восхищение тем, как я обошлась с английской невеждой — самая настоящая игра в «хорошего копа». Но всё же из нашего псевдо-доверительного разговора я узнала и кое-что полезное, что раньше не учитывала: страх моих «подельников» перед клиентом-психопатом, который, в случае неудачи, выместит разочарование на тех, кто его разочаровал. Можно бы подумать, Джеймс преувеличивает опасность со стороны заказчика, пытаюсь лишний раз на меня надавить. Так бы и решила — если бы речь шла о другой картине. «Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу, кто ты» — известная поговорка. Но я бы сказала это о картинах. Они завораживают нас, затрагивают такие глубины подсознания, в которые мы не пускаем никого, подчас и самих себя. Картины — истинное зеркало души, открывающее все её секреты тем, кто способен разгадать подобные «послания». Я научилась их разгадывать. В университете всерьёз заинтересовалась связью между психикой и восприятием живописи. Даже посвятила этой теме мою мастерскую, углубившись в неё достаточно, чтобы сейчас не сомневаться: человек, помешанный на картине, которую стремятся украсть для него Чарльз и Джеймс — опасен. И это немного всё меняет.

В галерее я появилась почти вовремя. Улыбнувшись выскочившей навстречу Бетти, протянула ей капхолдер со стаканчиками кофе.

— Спасибо, мисс Шейх, — она замялась. — К вам...

— Сурэйя!

Вздвогнув, я чуть не уронила оставшийся стаканчик. Из-за ближайшей колонны вывернул...

— Мистер Рэй... — бросила острый взгляд на Бетти, и девушка, едва заметно кивнув, удалилась.

— Что вы здесь делаете? — холодно посмотрела на незванного гостя.

Донжуан неуверенно улыбнулся и качнул рукой — через локоть был перекинут мой забытый плащ.

— Хочу вернуть хрустальную тувельку, оставшуюся у меня после твоего бегства с бала, — он сделал паузу, явно ожидая от меня какой-то реакции.

Но я молчала, не сводя с него ледяного взгляда, и поклонник вздохнул.

— Не надо так, Сурэйя. Я повёл себя не лучшим образом, но подобное наказание — слишком сурово для моего проступка. Я не скрывал, как к тебе отношусь.

— А я не скрывала, что не ишу таких отношений, мистер Рэй, — отрезала я. — Хотя сомневаюсь, что «отношения» — подходящее слово для того, что, судя по всему, ожидаете от меня вы.

— Ожидаете от... — на холёном лице отразилось негодование. — Мой черёд задать вопрос: так вот какого мнения обо мне ты?

Ничего не ответив, я опустила глаза и, подойдя к нему, протянула руку:

— Спасибо за «туфельку», мистер Рэй.

Он молча перекинул плащ через мой согнутый локоть, но, не успела я отодвинуться, стиснул мою ладонь.

— Не хочу, чтобы всё закончилось так, Сурэйя. Прошлой ночью я был несдержан, но это — единственное, в чём меня можно упрекнуть. Интересуй меня простая интрижка, я вёл бы себя с тобой совершенно иначе: не стал бы показывать мою коллекцию и представлять друзьям, которых очень ценю. Мне жаль, если я напугал тебя, но, надеюсь, ты всё же простишь этот проступок и позволишь доказать, что ошиблась, заподозрив меня в легкомыслии по отношению к тебе, — жестом галантного кавалера он прижал к губам мою ладонь и, выпустив её, направился к двери.

А я вспомнила слова матери «Чувство вины, испытываемое мужчиной, — очень серьёзное оружие в руках женщины». И, мысленно усмехнувшись — сейчас мама бы точно мною гордилась! — произнесла:

— Думаю, мне тоже нужно извиниться — за то, как повела себя с миссис Транс. Вероятно, теперь ты жалеешь, что представил меня «друзьям, которых очень ценишь».

Донжуан обернулся от двери, по губам пробежала улыбка, озарившая его мрачное лицо.

— Вовсе нет, Сурэйя. Наоборот. Теперь я знаю тебя с новой стороны. И она нравится мне чуть ли не больше, чем все остальные. Я позвоню. Надеюсь, ты ответишь, — и шагнул за порог.

Несколько секунд я задумчиво смотрела на закрывшуюся за ним дверь, а потом неторопливо пошла к лестнице, ведущей к моему кабинету. Пожалуй, Джеймс прав: мистер Рэй действительно «влип». И мне это на руку. Теперь я знаю, как выпутаться из ситуации, в которую попала.

Глава 5

Монотонный гул двигателя, шум дождя, падающего на крышу неизменного блэк кэба, и неизменный Джеймс за рулём. Эту поездку в похожий на дом Блэков особняк потребовала я. Внук ирландского борца за независимость был не в восторге от такой настойчивости, но отказать не решился и теперь выражал своё недовольство гробовым молчанием. Когда блэк кэб остановился возле «гостеприимного» особняка, дождь лил, словно начался второй Всемирный потоп, но я, не моргнув глазом, выбралась из машины и направилась ко входу. Однако шпильки — не самая удачная обувь в такую погоду. У двери я поскользнулась на мокрых плитах и точно шарахнулась бы оземь не подхвати меня подоспевший Джеймс.

— Так и думал, дождь собьёт тебя на землю, изнеженный комнатный цветок, — насмешливо хмыкнул он мне в ухо. — В Дели таких дождей не бывает?

— Откуда мне знать? За пределами дома мужа была лишь дважды: в день свадьбы и в день побега, — парировала я и, выдернув локоть из его руки, прошествовала внутрь.

Чарльз ждал в гостиной — как истинный джентльмен, поднялся мне навстречу.

— Не надо формальностей, — отмахнулась я. — Визит — деловой.

— Вы промокли, выпьете чаю?

Он потянулся к стоявшему перед ним на столике фарфоровому чайнику, но я даже не глянула на подвинутую мне чашку. Стянув мокрый плащ, села в кресло и без предисловий начала:

— Надеюсь, информации, которую вы получили через линзы с секретом, достаточно, чтобы понять: пробраться в сокровищницу Эндрю — невозможно.

Чарльз скосил глаза на замершего за моим креслом Джеймса.

— Но так же понимаю, что вы оба скорее обернёте меня в подарочную бумагу и отправите Эндрю в качестве презента на день рождения, чем отступите, — продолжила я. — Поэтому предлагаю вариант, который должен устроить всех. Прежде всего, потому что кражи картины как бы не будет.

Чарльз снова посмотрел на Джеймса, и тот нехотя проронил:

— Заменить оригинал на подделку — я об этом думал. Но, если проникнуть в дом, чтобы подменить картину невозможно, картина должна покинуть дом.

— Да, — согласилась я. — Например, для выставки в галерее.

Взгляд Чарльза стал острым, будто он пытался рассмотреть, что у меня внутри, но я не отвела глаз.

— Подделка должна быть готова через три недели — к тому времени и я организую всё для выставки.

— Три недели, — Чарльз неопределённо качнул головой. — Значит, мистер Рэй уже согласился одолжить вам картину?

— Он ещё об этом не знает, — я проигнорировала насмешливое фырканье Джеймса. — Но согласится, я в этом уверена.

— Может, обсудим детали, когда ваша уверенность станет свершившимся фактом? — с лёгкой иронией осведомился Чарльз.

— Нет, — отрезала я. — Сейчас. Об участии в выставке картин из его коллекции Эндрю узнает в последний момент. Тогда он не успеет подготовиться со всей тщательностью, и у нас будет больше возможностей подменить картину.

— «У нас»? — хмыкнул Джеймс.

— У меня, — не поворачиваясь, отчеканила я. — Вы оба даже не приблизитесь ни к моей галерее, ни к этой картине. Но, если что-то пойдёт не так, я приняла необходимые меры, и у полиции не возникнет сомнений, что я действовала под давлением.

Лицо Чарльза из добродушно-вежливого стало ледяным. Откинувшись на спинку кресла, он сложил пальцы рук в треугольник.

— Также полиции станет известно, кто виновен в моей смерти, если я вдруг исчезну после завершения этой операции, — из сумочки я вытащила футлярчик, похожий на тот, в котором хранились линзы и желеобразное аудио-устройство, и, открыв, положила его на столик.

— Что это? — с футлярчика взгляд Чарльза снова перешёл на меня.

— Наушники Apple. Такие же покоятся на дне Темзы. Устройства, которые получила от вас, отправлены в безопасное место и будут переданы полиции, если со мной что-то случится. Вместе с ними полиция получит и подробное описание того, что здесь произошло, и изображения всех участников, включая Поппи.

— Изображения? — вскинул брови Чарльз.

— Да. Я неплохо рисую. Вам известно, из какой я семьи, так что не сомневайтесь: история получит самую широкую огласку, и усиленный международный розыск вам будет обеспечен.

— Если всё так, — Чарльз закинул ногу на ногу. — Почему бы вам сразу не воспользоваться своими связями? Для чего «подыгрывать» нам?

— Думаю, вы и сами знаете ответ на этот вопрос, — я тоже закинула ногу на ногу, копируя его позу. — Мне не нужна огласка, моей семье не нужен скандал. Если всё

закончится так, как вы обещаете, мы просто разойдёмся, не причинив друг другу вреда, и каждый будет жить своей жизнью дальше. Я лишь хочу удостовериться, что всё так и будет.

Чарльз снова переглянулся с Джеймсом и вдруг расхохотался.

— Я недооценил вас, мисс Шейх. Такое случается редко, — поднявшись, он направился к шкафчику возле стены и вытащил из него бутылку виски. — Не стоило идти на такие крайности. Никто из здесь присутствующих и не собирался вредить вам. Но, думаю, теперь это — настоящее сотрудничество.

Поставив на стол три стакана, он плеснул в них жидкость насыщенного кирпичного цвета и поднял свой.

— Это Macallan 1964 года, один из эксклюзивнейших сортов виски...

— ...розлив которого прекратился в 2002 году, — тоже взяв стакан, я вдохнула немного пряный аромат. — Пахнет фруктами восточного базара и немного — карамелью. У вас неплохой вкус, мистер...

— Чарльз, прошу вас, — махнул он рукой. — Вы разбираетесь в сортах виски?

— Нет, просто слышала об этом, — качнув стаканом в сторону Джеймса, я ехидно проронила:

— Твоё здоровье!

Тот лишь усмехнулся, влил в себя содержимое своего стакана и небрежно бросил:

— Теперь посветишь нас в подробности своего плана?

— Непременно, — улыбнулась я, тоже опустошила свой стакан и поднялась. — Я позвоню.

И, подхватив плащ, направилась к выходу. Дождь уже немного стих. Джеймс с преувеличенной любезностью открыл передо мною дверцу кэба, и я невинно поинтересовалась:

— Может, лучше вызвать такси? Ты вообще-то в состоянии вести машину после Macallan 1964 года?

— Так боишься за свою жизнь?

Забравшись внутрь, я подождала, пока он сядет за руль, и снова съехидничала:

— А ты — нет? Думала, сейчас моя жизнь представляет ценность и для вас.

— Так и есть, — согласился он. — Поэтому дам тебе совет: не искушай судьбу. Думаешь, сейчас ты контролируешь ситуацию, но это не так. И твоё заблуждение — опасно, прежде всего для тебя. Не впутывай во всё это дочь нашего клиента. Он тебе точно не по зубам.

— И не собираюсь пробовать его на зуб, — беспечно отозвалась я. — Мне нужны лишь гарантии.

— Никто, кроме нас с Чарльзом, тебе их не даст. Наш клиент и его дочь — всё равно что высшая каста, табу, неприкасаемые, поняла?

— «Неприкасаемые» — низшая каста, — снисходительно поправила я.

— Ты поняла, о чём я, — не отреагировал на шпильку Джеймс. — Если кому-то, кроме нас с Чарльзом, станет известно, что ты внесла в свой «чёрный список» Поппи, никакие связи тебе не помогут.

— Настолько опасный тип, да? — сузила я глаза. — И всё же вы согласились добыть для него картину, даже зная, что это практически невозможно. Говоришь, Чарльз пошёл на это, соблазнившись деньгами и в обход тебя? Но он не похож на человека, теряющего рассудок из-за жажды наживы. И с дочерью вашего клиента разговаривал, будто знает её чуть ли не с

детства. За всем этим кроется что-то ещё, так?

Джеймс усмехнулся и, уже не глядя на меня, включил зажигание.

— Я тебя предупредил. Остальное — твоё дело.

— Предупредил? — я скосила на него насмешливый взгляд. — Это — скорее, очередная попытка запугать. Но не забывай, откуда я родом, Джимми. Таких, как я, угрозы не пугают, а злят.

Теперь Джеймс скосил на меня взгляд, но мелькнула в нём не насмешливость. Что именно, я не успела рассмотреть — он уже отвернулся и проронил:

— В ту ночь возле моста ты меня разыграла. «Такие, как ты» не впадают в истерику из-за того, что нарушили их личное пространство.

— Ты о поцелуе Эндрю? Ещё как впадают!

— Я проследил за тобой на следующий день, в том числе и к почте, — проигнорировал мою реплику Джеймс.

— И перехватил отправленные мною письма? — вскинула я брови.

— Ещё нет, но это — дело времени.

— Тогда не понимаю, зачем предупреждал о неприкосновенности вашего клиента? — пожала я плечами. — Если информация будет перехвачена, опасаться вам нечего. Или боишься, я выложу всё в Instagram?

— Для этого нужно быть в Instagram, — усмехнулся Джеймс. — И опасаться следует тебе, Сурэйя.

Затормозив — мы уже подъехали к моему дому, он снова повернулся ко мне.

— Если действительно хочешь, чтобы всё закончилось хорошо, не старайся никого перехитрить. Это — не игра «кто кого». Где мобильный, что я тебе дал?

— Дал? Или я нашла в карамболе? — вытащив из сумочки, подала его Джеймсу.

Он ввёл номер и снова протянул мобильник мне.

— Звони в любое время, и... — он немного наклонился ко мне. — Я не стараюсь тебя запугать. Просто сделай всё, что от тебя требуется, и не пытайся изменить правила. Ради собственной безопасности.

Я тоже чуть наклонилась, вглядываясь в его лицо, будто увидела что-то, чего там быть не должно. Джеймс недоумённо нахмурился, едва заметно отодвинувшись, а я тоном, будто открываю невероятную тайну, выдала:

— Твои глаза — не светло-карие, как я думала, а ореховые! — и, улыбнувшись растерянности, тенью отразившейся на его лице, выбралась из машины, через плечо бросив:

— Когда понадобишься, позвоню!

Пока шла к дому, слышала, как он бешено сорвался с места, и вздохнула. Во что же я ввязалась...

— Добрый день, мэм. Готовы сделать заказ?

Я подняла глаза на официанта и улыбнулась.

— Пока только воду, спасибо. Я кое-кого жду.

Официант, кивнув, удалился, а я, сделав вид, что любуюсь обстановкой ресторана, осмотрелась. Эта привычка появилась с вечера, когда Джеймс признался, что следил за мной. Вообще, я не исключала слежку после того, как узнала, что в моей галерее были жучки, и приняла необходимые меры. Письма, отправку которых видел Джеймс, на самом деле были пустышками. Я всего лишь отослала несколько рекламных буклетов

потенциальным посетителям, которые вряд ли даже вскроют конверты. Настоящий компромат ещё был у меня, когда я грозила моим поделщикам всеми карами Интерпола. Оригинал и копию компромата я, спустя несколько дней после встречи в особняке Чарльза, забрала с собой в Бельгию, где встречалась с коллекционером. Теперь оригинал надёжно заперт в банковской ячейке Deutsche Bank в Брюгге, а копия отправлена Изабелле. Конечно, даже после всех этих мер нельзя быть уверенной, что Чарльз и Джеймс действительно исчезнут, когда всё закончится. Но сейчас это — всё, что я могу сделать. Осталось лишь позаботиться о выставке и о том, чтобы картина Эндрю на неё попала. Верный своему обещанию донжуан действительно позвонил на следующий же день после нашей встречи в галерее, предварив звонок огромным букетом сиреневых роз. Я сдержанно его поблагодарила и благосклонно приняла приглашение на «ни к чему не обязывающий» ужин. За ужином поклонник был сама обходительность, а я рассказала, что организую в «Стриже» выставку работ Дэниэля Клоуза. Близится Хэллоуин, и жутковато-мистический ореол Дня Всех Святых будет отличным фоном для своеобразных работ художника. А ещё выставка будет костюмированной — тоже под стать празднику. Эндрю пришёл от идеи в восторг и вызвался оказать любую помощь в организации. Я с милой улыбкой пообещала дать знать, если таковая понадобится. Первый крючок был заброшен. Расстались мы в тот вечер довольно тепло, и донжуан не замедлил заявить о себе снова с «отличными новостями»: он рассказал о выставке нескольким влиятельным друзьям и знакомым, весьма заинтересовавшимся необычной экспозицией, так что мне следует готовиться к приёму большего количества гостей, чем ожидалось. Я рассыпалась в благодарностях и приняла новое приглашение на ужин, а потом на ланч. Эндрю звонил чуть не каждый день, и вот теперь, когда до выставки осталось меньше недели, я решила, что наконец настал момент для следующего шага.

— Сурэйя! — сияющий донжуан подлетел к столику и тут же сокрушённо вздохнул. — Прости, что заставил тебя ждать.

— Полезно иногда поменяться ролями, — улыбнулась я. — До сих пор всегда ждал ты.

— И продолжаю это делать, — наклонившись, он поцеловал меня в щёку — наше общение уже перешло на этот «более близкий» уровень — и занял место напротив.

Сделав вид, что не поняла намёка, я вытащила из сумочки несколько фотографий и, положив их на стол картинкой вниз, подвинула к нему.

— У меня для тебя сюрприз. Ты — первый, кто это видит. Кроме дизайнеров.

Явно заинтригованный Эндрю посмотрел на фотографии и восхищённо улыбнулся.

— Так будет выглядеть «Стриж» во время выставки?

— Не слишком броско? — я чуть подалась вперёд, изображая неуверенность.

Продолжая рассматривать фотографии, он только покачал головой.

— Ты превзошла себя, Сурэйя. Выставка пройдёт с огромным успехом, я в этом уверен!

Я подождала, пока подошедший официант поставит перед нами напитки, и, когда Эндрю с готовностью поднял свой бокал, тяжело вздохнула:

— Хочешь выпить за успех? Я бы пока не стала.

— Дурная примета? — улыбнулся Эндрю.

— В такое я не верю, — снова вздохнула и, будто стараясь разделаться с неприятной повинностью, проговорила:

— Несколько гостей, на которых я очень рассчитывала, и один влиятельный блогер отклонили приглашение, и... — замолчала, услышав смех моего почитателя.

На его лице отразилась растроганность, словно он говорил с ребёнком, сморозившим невероятную глупость.

— Дорогая моя Сурэйя, если бы все выставки терпели неудачу из-за отсутствия «нескольких гостей», пришлось бы совсем отказаться от подобных мероприятий!

— Меня беспокоит не количество отказов, а их причина, — чуть наклонившись к нему, я доверительно понизила голос, — Дэниэл Клоуз. Его агент настаивал на выставке с самого начала нашего сотрудничества. Но стиль Дэниэла... особенный, и я относилась к идее скептически. Хэллоуин показался мне подходящим антуражем, но теперь я снова сомневаюсь, что поступила правильно, выставляя только его работы.

— Клоуз нетривиален, но интересен, — накрыв мою руку своей, Эндрю начал ласково поглаживать тыльную сторону ладони большим пальцем. — Ты напрасно себя изводишь.

Не высвободив руку, я глубоко вздохнула раз-другой... и прикрыла лицо свободной ладонью.

— Кажется, я сделала что-то непоправимое, Эндрю. Или же у меня просто начинается паника. Дэниэл слишком специфичен, меня действительно могут назвать потокающей безумию. Квинт Боггарт об этом предупреждал, но я не прислушалась.

— Сурэйя, дорогая...

Донжуан с готовностью стиснул мою ладонь обеими руками, но я уже решительно потрянула головой.

— Прости, не хотела тебя этим донимать. Давай сделаем заказ. Обещаю, больше ни слова о выставке!

Конечно, мой почитатель рассыпался в заверениях, что разговор о выставке его вовсе не донимает, а, наоборот, очень интересен — как и всё, касающееся меня. Я его мило поблагодарила, перешла было к другой теме, но потом снова вернулась к выставке, «специфическим» картинам Дэниэла Клоуза и опасениям, что половина приглашённых просто не придёт из-за его репутации, а другая половина не оценит его гения. Нужно было «разбавить» его картины другими, подходящими по тематике, но не такими мрачными. И как только сразу об этом не подумала? Теперь уже не договориться ни с одним коллекционером. Да и найти подходящего не так просто — я ведь в этом бизнесе совсем недавно и не успела обзавестись знакомыми... и почувствовала, как сильно забилося сердце, когда Эндрю, взяв меня за руку, прижал кончики пальцев к своим губам и с едва заметным лукавством переспросил:

— Так уж и не успела?

После ужина он отвёз меня домой и, проводив до двери, попросил ни о чём не беспокоиться. Выставку ждёт грандиозный успех — я уже всё для этого сделала, превратив галерею в настоящее хэллоуинское чудо за рекордно короткий срок. Он убеждён, что всё пройдёт великолепно и без лепты с его стороны, но, если мне так спокойнее, одолжит для выставки любые картины из его коллекции. Изображая восторг, я обняла его, и расчувствовавшийся донжуан тут же подтвердил серьёзность своих намерений приглашением в свой особняк на следующий день — чтобы выбрать шедевры, которые «разбавят» мрачность картин Дэниэла Клоуза. Я растроганно вздохнула, поцеловала поклонника в щёку и исчезла за дверью. Но, едва вошла в квартиру, раздражённо поморщилась, услышав вибрацию телефона, звонки с которого вызывали у меня дрожь отвращения. Поднеся мобильник к уху, коротко бросила:

— Что?

— Радушное приветствие, — отозвались на «том конце» голосом Джеймса. —

Растратила всё дружелюбие на Рэя? Он ушёл от твоего порога очень счастливым.

— Откуда ты... — начала я и устало вздохнула. — Ты внизу?

— Не зря Чарльз отмечал твою сообразительность. Открой, я поднимусь.

— Лучше я спущусь, — попыталась возразить, но он меня оборвал:

— Я у двери. Сбрось свои волосы, Рапунцель.

подавив желание вышвырнуть мобильник в окно и попасть в голову непрошенного гостя, я глубоко вдохнула-выдохнула и нажала на кнопку домофона:

— Заходи, злая ведьма.

Шаги на лестнице, и вот уже «ведьма» заходит в мою «башню».

— Довольно мило, — хмыкнул Джеймс, небрежно осмотревшись.

— У тебя не так?

— Я не гонюсь за претенциозностью. Как продвигается подготовка к операции?

— Отлично! Сказала: позвоню, если мне что-то понадобится. Я не звонила. Так за каким бэтменом ты здесь?

— Не ты решаешь, когда выходить на связь, а мы. Копия готова.

— По телефону сообщить было нельзя — информация слишком личная?

— Выставка через пять дней, — проигнорировал шпильку Джеймс. — Самое время рассказать, как собираешься подменить картины.

— Не вам решать, когда это время наступит, а мне, — передразнила его я. — Когда прислать копию, сообщу — по телефону. И, пока не позову, воздержись от визитов — нас не должны видеть вместе.

— Кто? — усмехнулся он.

— Откуда мне знать, кто подглядывает из-за угла, как ты только что?

Джеймс снова не отреагировал на ехидство. Смерил меня снисходительным взглядом и проронил:

— Заеду в галерею завтра в шесть. Будь готова, — и, направившись к двери, бросил:

— Можешь не провожать.

Я швырнула мобильник на диван одновременно со звуком захлопнувшейся двери. Как же будет хорошо, когда всё закончится и больше не придётся общаться с нахальным потомком ирландского террориста! После выставки обязательно уеду куда-нибудь подальше, где много пальм и мало людей. И приглашу Изабеллу! А уже после отпуска решу, как мягче порвать с Эндрю и, наконец, смогу полностью посвятить себя галерее.

Глава 6

— Сурэйя?

Я обернулась на грубоватый голос, донёсшийся из-под жуткой маски в виде черепа с выпученными глазами, которую венчал пышный веер из чёрных перьев, и приветливо улыбнулась:

— Рада видеть тебя, Квинт. Всё-таки заглянул на выставку недруга?

— Недруга! — Боггартти возмущённо потрянул перьями. — Слишком сильное слово для этого невротического червя! И из-за него я бы точно не стал пропускать подобное представление! Ты превзошла себя, ласточка. И, надеюсь, устроишь нечто подобное для меня в самом скором будущем!

— Только больше, лучше и эффектней? — снова улыбнулась я.

Боггарт расхохотался своим хрюкающим смехом.

— Всё больше убеждаюсь, что решение дать тебе и твоей галерее шанс было правильным!

Встреча с абстракционистом и его агентом состоялась, как и обещал Боггарт, сразу после его возвращения с Мальты. Переговоры прошли даже успешнее, чем я предполагала: художник дружески окрестил меня «ласточкой» — из-за названия галереи, подписал договор о сотрудничестве на следующий же день, и вечером мы с Бетти распили бутылку шампанского по этому поводу. А потом захмелевшая девушка призналась, что Боггарт пригласил её на ланч и, краснея, спросила, как я к этому отношусь. Рассмеявшись, я дала своё «благословение» и с тех пор день за днём наблюдала, как расцветает моя помощница. Бетти, наконец, начала называть меня по имени, а я за время подготовки к выставке в очередной раз восхитилась её организаторским талантом и порадовалась тому, что она — рядом.

— А где мисс Ортон? — Боггарт ищуще огляделся.

— Где-то здесь. Сможешь узнать? — поддразнила его я.

На приглашение явиться в костюмах гости отозвались с рвением, и сейчас галерея казалась ожившей картиной Иеронима Босха. Злобные демоны всех мастей, неизменные вампиры и ведьмы, зомби и жуткие языческие божества — настоящее средоточие кошмаров. На мне было короткое платьице из шёлка и павлиньих перьев, длинные перчатки до локтей, несколько перьев в причёске и повторяющий узор перьев макияж, над которым визажист трудилась три часа. Бетти выбрала образ Яо-ху — китайской лисы-оборотня с маской, полностью скрывающей лицо. Вероятно, Боггарт её бы в самом деле не узнал, но девушка подлетела к нам сама, восторженно объявив:

— Всё идёт отлично, Сурэйя! Осталось лишь дожидаться мистера Клоуза.

— Он всё ещё не явился? — фыркнул из-под маски Боггарт, и Бетти, встрепенувшись при звуке его голоса, прошептала:

— Главное, его работы здесь! И, кажется, даже самые своеобразные не вызывают отторжения... — и тут же поправилась, — хотела сказать, вызывают восхищение.

Боггарт захохотал, а я покачала головой.

— Ну и злые вы. Так и хочется скормить вас обоим зомби! — и приветливо махнула рукой только что вошедшему Эндрю. — А вот и наш благодетель!

— Мистер Рэй великодушно согласился одолжить для этой выставки несколько принадлежащих ему картин, — пояснила Бетти своему возлюбленному.

— Неожиданно щедро с его стороны, — хмыкнул тот.

Донжуан, во всём чёрном и с настоящим попугаем на плече, изображал пирата-призрака — пол-лица было раскрашено, как череп. Подойдя, приобнял меня, расцеловал в обе щеки, и только тогда повернулся к моим собеседникам. Я представила их друг другу, внутренне готовясь к тому, что больше мистер Рэй от меня не отойдёт. Так и получилось. Скользя меж гостей, улыбаясь, приветствуя, делая комплименты костюмам, я неизменно натывалась на его взгляд, стоило повернуть голову. Пожалуй, идея с поездкой после того, как всё закончится — более, чем удачна. Может, время порознь хотя бы немного остудит его пыл.

— Сурэйя, — словно читая мои мысли, Эндрю наклонился к моему уху, обдав кожу горячим дыханием. — Ещё и не сказал, как обворожительно ты выглядишь.

— Спасибо, но это — часть работы. А вот твой облик, — окинула его оценивающим

взглядом. — Очень романтично, истинный пират!

— Я надеялся произвести на тебя впечатление.

— Ты уже произвёл на меня впечатление тем, что одолжил картины, — взмахнула я накладными ресницами. — Если бы не ты...

— Думаешь, успех был бы меньшим? — Эндрю развёл руками, будто призывал всех присутствующих поаплодировать. — Дорогая моя Сурэйя, я ведь говорил, ты изводишь себя совершенно напрасно. Но рад, что смог быть тебе полезным.

Я благодарно погладила его по руке, и донжуан с готовностью стиснул мою ладонь.

— Не хотел говорить сейчас, но, думаю, незачем откладывать. Страховая компания настаивает на том, чтобы картины как можно скорее вернулись ко мне.

— Да, конечно, — кивнула я.

— Их заберут по окончании выставки.

— А проверка на подлинность? — очень надеялась, что Эндрю не заметил, как дрогнул мой голос.

— Я попросил провести её уже в моём особняке.

Внутри меня всё похолодело. Страховой агент заверил, что передача картин произойдёт утром. Эндрю одолжил мне шесть — все мною выбранные. Среди них и картина, ради которой это затевалось. Все шесть — редкие шедевры, застрахованные на миллионы фунтов стерлингов. Перед самой выставкой они прошли проверку на подлинность — это была гарантия для меня. Такая же проверка обязательна и после выставки — гарантия для Эндрю. Я собиралась подменить картину сразу после проверки, для этого всё готово. Но проверка должна состояться в галерее...

— Разве мне не нужно присутствовать? — кажется, мой голос стал выше на несколько октав, я кашлянула.

— Нужно, — сжав мои ладони в своих, Эндрю легко притянул меня к себе. — Сурэйя... я надеялся, ты останешься со мной... после...

— Для этого всё перенёс? — отшатнулась я.

— Сурэйя... — выпустив руки, он потянулся ладонями к моему лицу. — Ты околдовала меня. Настолько, что я не могу мыслить здраво, не могу думать ни о чём, кроме тебя. Надеюсь, я доказал, насколько ты для меня важна. Пожалуйста, не отталкивай меня снова... если я хотя бы что-то для тебя значу.

Мысли лихорадочно заметались. Это осечка... провал... катастрофа! Попав в особняк, картина его уже не покинет. И даже «останься» я с Эндрю, возможности подменить её у меня не будет. Ни этой ночью ни потом. Весь мой план летит в Тартар... вместе с надеждой на скорое овобождение от Джеймса и Чарльза... Но я зашла слишком далеко, чтобы даже думать о поражении. Нет! И, зовуще улыбнувшись, порхнула лёгким поцелуем по губам поклонника.

— Думаю, ты знаешь, что значишь для меня, Эндрю.

Разрисованное лицо донжуана засияло, руки тотчас сомкнулись вокруг моей талии.

— Ты делаешь меня очень счастливым. И я очень постараюсь сделать счастливой тебя.

— Уже делаешь, — я погладила его по щеке. — Посмотри вокруг. Это — успех, который ты предсказал. Ты поддерживал меня во всём с самого начала. Я очень тебе благодарна.

Он тихо выдохнул, наклонился, явно собираясь меня поцеловать, но я мягко остранилась.

— Не здесь. Я всё ещё хозяйка этого вечера и должна заботиться о гостях.

— Понимаю, — Эндрю на мгновение прижал тыльную сторону моей ладони к губам и, наконец, выпустил из объятий.

— Дэниэл до сих пор не появился, — озаботилась я. — Думаю, стоит ему позвонить. Я на минутку! — и чуть не бегом бросилась подальше от поклонника.

Перед началом выставки я вновь получила от моих «сообщников» устройство, позволяющее им слышать меня, а мне — их. И сейчас, завернув за ближайшую колонну, вполголоса проговорила:

— Слышали? Всё должно быть готово раньше, чем планировалось.

— И как собираешься это устроить? — тут же раздался голос Джеймса. — С помощью колдовства? Ты ведь это умеешь, если верить твоему почитателю.

Я резко обернулась — голос прозвучал совсем не в моём ухе. Рядом, словно тень отца Гамлета, возникла фигура в длинном плаще и в скрывающей лицо маске.

— Джеймс?

— Нет, хоббит Пиппин, — съязвил он.

— Похож в этом наряде. Как ты здесь... Впрочем, неважно. Слышал меня? Позаботься, чтобы всё было готово. Подам знак, как договаривались. О, Дэниэл! Мы заждались!

И, не оглядываясь, поспешила навстречу наконец появившемуся «виновнику вечера», мимоходом подхватив бокал шампанского с подноса кружившего поблизости официанта. Нескладный, излишне худой и явно тяготившийся всеобщим вниманием «депрессивный психопат» неуверенно улыбнулся. Рядом, словно телохранитель, не отступая ни на шаг, маячил его агент, Ирвин Райт.

— Сурэйя, дорогая, — осмотревшись, мистер Райт довольно кивнул. — Когда сказала, что подготовишь всё к Хэллоуину, я решил, ты попросту дурачишь меня. Выставишь в оформлении тыков на три холста больше, чем обычно, и — выставка готова. Но сотворить это, — он сделал вид, что приподнимает несуществующую шляпу.

— Способности Сурэйи действительно поразительны, — подхватил возникший за моей спиной Эндрю.

Агент скользнул ехидным взглядом по руке донжуана, как бы невзначай обвившейся вокруг моей талии.

— У меня отличные помощники, — я легко коснулась плеча подоспевшей Бетти, — и друзья, поддерживающие меня во всём, — благодарный взгляд на просиявшего Эндрю. — Но настоящее чудо — гений художника, без которого выставки бы не было. Дэниэл, за тебя!

Гости, окружившие нашу группку со всех сторон, тоже подняли бокалы. Те, у кого были свободны руки, зааплодировали. Несчастный Дэниэл выдавил мученическую улыбку и попятился к ближайшей стене. Пожалуй, слишком серьёзное испытание для неврастичного художника-интроверта, и я мысленно извинилась за то, что вынуждаю его через это проходить. Ирвин, конечно, знавший об особенностях своего подопечного, попытался оградить его от наступающих со всех сторон фанатов, неловко повернулся... и выбил из моей руки бокал, опрокинув его на себя. Я охнула и рассыпалась в извинениях, изображая смущение.

— Мне так жаль, Ирвин... Костюм нужно срочно почистить, иначе останутся пятна. Бетти, останься пока с гостями. Эндрю, я сейчас вернусь. Ирвин... идём со мной — и подхватив его под руку, потянула в сторону лестницы, ведущей к моему кабинету.

Агент, несмотря за залитый шампанским костюм, вёл себя, как истинный джентльмен: не сопротивлялся, только озабоченно оглянулся на подопечного. Но тот поспешил увязаться

за нами, и по лестнице мы начали подниматься втроем: Ирвин и я — впереди, а за нами, отставая на несколько ступенек, — «депрессивный психопат». Я незаметно скосила глаза на ступеньки, на расстояние до Дэниэла — вроде бы должно получиться. Шаг, ещё шаг... и тут нога на высокой шпильке неловко подвернулась. Я испуганно ахнула, попыталась удержаться за Ирвина, но... в следующее мгновение со слабым вскриком приземлилась на лестницу, скатившись по ступенькам под ноги Дэниэлу Клоузу.

— Бог мой, Сурэйя! — торопливо подскочил ко мне Ирвин. — Ты не ушиблась?

— Кажется... ушиблась, — вцепившись в протянутую мне руку, попыталась подняться и тут же со стоном рухнула обратно. — Только не это... По-моему, повредила лодыжку.

— Встать можешь?

— Должна — пока никто не увидел, как подметаю перьями ступеньки...

Но происшествие, конечно, не осталось незамеченным. Ирвин и Дэниэл только успели поставить меня на ноги, когда к нам подлетел встревоженный Эндрю.

— Сурэйя! Обопрись на меня, — оттеснив художника и его агента, донжуан прижал меня к себе. — Тебе больно?

— Немного, — жалобно протянула я. — Но нужно вернуться к гостям. Я не могу...

— Сначала нужно позаботиться о тебе, — отрезал он и поволок меня к кабинету.

— Ловко, — прозвучал в ухе насмешливый голос Джеймса. — Только зачем? Теперь он просто отнесёт тебя в свой особняк на руках.

Окажись сейчас Джеймс рядом, с удовольствием спустила бы с лестницы его. Но план действительно осуществлён лишь наполовину — ещё нужно убедить в моей увечности Эндрю. И я старательно принялась его убеждать. После прикладывания льда и перевязки — Бетти расстаралась — всё-таки вернулась к гостям и остаток вечера хромала неподалёку от стула, принесённого заботливым поклонником. А, когда приобщившиеся к «красоте ужасного» посетители начали расходиться, с гримасой сдерживаемого страдания повернулась к не отходившему от меня донжуану.

— Эндрю, мне так жаль, но, думаю, следует связаться с агентом и...

— Дорогая, ни о чём не волнуйся. Агент подождёт. Сначала тебя осмотрит врач. Лучше бы сразу, как я и говорил, но...

— Врач не исцелит мою лодыжку магическим образом, — печально возразила я. — И в таком состоянии я — не самая приятная компания. Не хочу, чтобы ты смотрел, как глотаю обезболивающее и хромаю от стены к стене, поэтому...

— Что ты говоришь, Сурэйя? Ты — лучшая компания в любом состоянии. И я не собираюсь оставлять тебя одну!

Я мысленно прикусила губу от досады — заботливость моего почитателя переходила все границы. Но внешне только ласково улыбнулась.

— Ты убиваешь всю романтику. Я не хочу, чтобы мою беспомощность видел мужчина, который мне интересен. Не принуждай меня к этому. Пожалуйста.

Эндрю явно собирался возразить, даже качнул головой, но задержался на мне взглядом секунду, другую, третью... и тяжело вздохнул.

— Конечно, я не хочу ни к чему принуждать тебя, Сурэйя. Но я совсем не считаю тебя беспомощной, мне просто приятно заботиться о тебе. Если бы ты...

Но я уже прильнула поцелуем к его губам, прошептав:

— Спасибо, что понимаешь меня...

И он, прерывисто вздохнув, прижал меня к груди. Ещё один этап пройден.

А чуть позже Эндрю, Бетти и я уже вели агента страховой компании и его помощников в подсобное помещение опустевшей галереи, подготовленное для проверки: два стола, стулья и плоские ящики, в которых привезли картины Эндрю. Агент, не тот, что проводил первую проверку, был очень не в духе. В ответ на приветствие, смерил меня снисходительным взглядом и заявил, что компания пошла на эту «авантюру» без должной подготовки и обеспечения безопасности картин только из уважения к мистеру Рэю. Эндрю тут же его осадил, заявив, что картины — всё-таки его собственность, и именно он, Эндрю Рэй, решает, что с ними делать. А, если компанию что-то не устраивает, он поищет другую. Агент заиграл ноздрями, что в переводе с британских эмоций на нормальные человеческие, видимо, означало высшую степень возмущения, и молча двинулся к столу.

Проверка картин — процедура довольно однообразная. Расположившись на стуле неподалёку от ящиков, я со скучающим наблюдаю, как одну за другой картины выкладывают на стол и рассматривают под спектрометром. Проверив, относили к другому столу и тщательно упаковывали. Заветная картина шла пятой и, как только она легла на упаковочный стол, я подняла глаза на стоявшую рядом Бетти.

— Я бы не отказалась от чая. Джентльмены, могу вам что-то предложить?

— Всё готово, — тут же «ожил» в ухе голос Джеймса. — Жду твоего сигнала.

Просьба принести чай — команда для моих «компаньонов» приготовиться, и я тихо выдохнула, стараясь унять участившееся сердцебиение. Ещё немного... Моим предложением воспользовался только Эндрю, тоже пожелав чая, и Бетти отправилась выполнять поручение. А я подождала, пока картину уложат в ящик, который аккуратно поставили к остальным в трёх шагах от меня, и повернулась к Эндрю.

— Не думала, что будет так грустно смотреть, как их забирают, хотя они и были со мной очень недолго.

Эта фраза — ожидаемый Джеймсом сигнал.

— Сможешь смотреть на них в любое время, моя дорогая, — нежно отозвался Эндрю. — Они ведь недалеко — всего лишь в моём особняке, где ты, надеюсь, будешь бывать теперь часто.

Улыбнувшись, я протянула ему руку.

— Пожалуй, встану — устала сидеть. Поможешь мне?

И, едва Эндрю успел подхватить меня за руку, а я — подняться, с улицы послышался пронзительный скрип шин и жуткий грохот чего-то ломающегося. Я испуганно вскрикнула, отшатнулась от Эндрю, и, не удержавшись на ногах, очень удачно упала на ящики с картинами. От череды звуков — скрип с улицы, мой вскрик, грохот опрокинутых ящиков — все в комнате дружно подскочили. Эндрю сразу бросился ко мне, помощники агента — к ящикам, а агент с недоверием в голосе выпалил:

— Это... наш автомобиль?!

В комнату влетела встревоженная Бетти с чайным подносом.

— Сурэйя... мистер Рэй, там — авария...

— Наш автомобиль! — уже утвердительно охнул агент и опрометью понёсся к двери.

— Можешь пойти с ним? — умоляюще посмотрела я на Эндрю. — Бетти, ты — тоже.

Поднос поставь пока сюда, — указала на стол.

— Сурэйя... — протестующе начал мой почитатель, но я порывисто стиснула его руку.

— Пожалуйста, Эндрю, мне так будет спокойнее.

И он нехотя отправился за агентом и Бетти. Оба помощника, оставшиеся без поручений,

растерянно посмотрели на захлопнувшуюся дверь, друг на друга, потом на меня.

— Будь я суеверной, точно решила бы, что всё дело в Хэллоуине, — развела я руками. — Сначала вывихнула лодыжку, теперь это... Наверное, вам тоже нужно быть там?

Парни снова переглянулись и повернулись к двери, тихо переговариваясь. Краем глаза наблюдая за ними, я наклонилась к опрокинутым ящикам. Стол для упаковок был с «секретом» — закрытый со всех сторон, кроме той, что повёрнута к стене. И именно там, между стеной и столом, нашлось место для упаковочного ящика, выглядевшего точно, как остальные. В нём — подделка, которая отправится из галереи в особняк Эндрю вместо оригинала. Мгновений, пока работники компании поворачивались к двери, хватило, чтобы выхватить ящик с подделкой из тайника.

— ...не нужна ли ему помощь, Уилл, — донёсся до меня обрывок фразы одного из парней. — А я останусь здесь, позовёшь, если понадобится.

Букингем, Тауэр и Лондонский мост! Так надеялась, что уйдут оба... Когда падала, ящик с нужной картиной, как назло, отлетел дальше всех, и я только успела подтащить его к тайнику...

— Мэм, что вы делаете? Не нужно!

Решивший остаться помощник спешил ко мне, и я застыла, полунаклонившись и сжимая ладонями два одинаковых ящика. Не хватило какой-то секунды, чтобы задвинуть ящик с оригиналом за стол... Но где взять эту секунду теперь?!

— Мне не трудно помочь, — выпустив ящики, я отряхнула ладони в перчатках и брезгливо поморщилась. — Налъёте мне чая? А заодно и себе. Может, пострадала всё же машина не вашей компании?

— Наверняка она, — вздохнув, парень повернулся к чайному подносу. — Мы припарковали её у входа, других поблизости не было. Но наш фургон — всё равно, что танк. Скорее пострадали те, другие.

— Надеюсь, никто не пострадал, — возразила я, поднося ко рту наполненную им чашку. — Хэллоуин или нет, но на сегодня «пострадавших» достаточно. Чай, к счастью не остыл. Принесёте ещё один стул?

И, едва парень отвернулся, молниеносно задвинула оригинал за стол, одновременно «споткнувшись» о ящик с подделкой и расплескав чай.

— Мэм? — тут же подскочил ко мне помощник.

— Вы были правы, посоветовав мне держаться от картин подальше, — с сокрушённым видом тряхнула рукой, на которую попал чай. — Больше и близко к ним не подойду, пока ничего не повредила!

— Повредить их вы не... — начал парень, но тут дверь распахнулась, впустив негодующего агента, тотчас бросившегося ко мне Эндрю и второго помощника.

— Что это значит, Скотт? — набросился на оставшегося со мной парня агент. — Самое время распивать чай!

— Он составил мне компанию, — ледяным тоном отрезала я. — А вы всегда вымещаете плохое настроение на клиентах и коллегах?

Агент вскинулся, но, видимо, поймал взгляд Эндрю и отвернулся.

— Уилл, Скотт, заканчиваем!

— Что произошло? — я посмотрела на моего поклонника. — И где Бетти?

Но не расслышала ответ за голосом Джеймса:

— Всё прошло гладко. Наш человек скрылся, оставив рядом с фургоном развороченную

машину и пустые бутылки из-под пива. Машина — угнанная, и ни у кого не возникнет сомнений, что это развлекались подростки. Надеюсь, и с твоей стороны проблем не возникло.

— ...какой-то пьяный болван, — прорезался голос Эндрю. — Машина страховой компании почти не пострадала, но мы вызвали полицию. Бетти осталась ждать их.

— Боже мой, эта ночь никогда не закончится! — мученически протянула я. — Эндрю, я очень благодарна, что ты рядом, но не могу просить ещё и...

Он с улыбкой прижал палец к моим губам.

— Я останусь с тобой, Сурэйя... — но тут лицо из растроганного стало озабоченным. — У тебя дрожат руки. Не волнуйся, моя дорогая, скоро всё закончится, — и, словно защищая от всего мира, прижал меня к себе.

Я тихо всхлипнула, с трудом подавив довольную улыбку. Уже закончилось.

Все последовавшие события слились в одно расплывчатое пятно, проскользнув мимо сознания и толком его не затронув. Полиция, короткий опрос, протокол... отбытие агента и его помощников, такси для Бетти, машина Эндрю... Единственное, о чём я могла думать: завтра передам картину Джеймсу и Чарльзу и освобожусь от них обоих навсегда! Больше никаких жучков, «тайных встреч» и угроз расправы. Ничего. Я отстояла мою жизнь в Лондоне, не позволив двум проходимцам превратить её в осколки! Но, странно, к безудержной эйфории примешивалось и другое ощущение, очень слабое, едва уловимое. Я пыталась определить его, пока не поняла: неужели это...

— Сурэйя... мы на месте, моя дорогая.

Сморгнув, я повернулась к сидевшему рядом Эндрю.

— Ты задремала?

— Почти, — я смущённо улыбнулась. — Спасибо, что был рядом весь этот длинный вечер.

— Я бы остался и до утра, — он погладил моё колено. — Но понимаю, тебе нужно отдохнуть.

— Спасибо, — снова улыбнулась я.

Хотела выбраться в открытую шофёром дверь, но Эндрю мягко удержал меня за руку.

— Неужели в благодарность не получу поцелуй?

Я прищурилась, легко пробежала пальцами по раскрашенной щеке и, наклонившись, поцеловала его в другую. Но, едва он попытался поймать мою руку и дотянуться до губ, выскользнула из машины, слишком поздно вспомнив о якобы повреждённой ноге. К счастью, разочарование оставшегося без «настоящего» поцелуя Эндрю было слишком велико, и на подобную мелочь он попросту не обратил внимания. Выскочил было из машины вслед за мной, но я, уже дохромала до двери и, послав воздушный поцелуй, пообещала:

— Позвоню завтра утром. Спокойной ночи, Эндрю! — и поспешно шагнула в подъезд.

Когда отпирала дверь квартиры, дрожали руки. Адреналин от всего произошедшего за эту ночь пульсировал в крови. Включив только подсветку, бросила сумочку на диван и направилась к бару. Уже очень поздно, на завтра много дел, а о сне я и думать не могу. Может, всё-таки не следовало отсылать Эндрю? Невольно улыбнулась этой мысли... и подскочила от знакомого насмешливого голоса:

— Вижу, нога уже зажила?

— Господи, Джеймс! — повернулась к затемнённому углу, откуда раздался голос, и

перевела дух. — Пришёл убедиться в этом лично?

Он поднялся с кресла, в котором сидел развалившись, и неторопливо направился ко мне.

— Виски? — качнула я графином.

— Macallan 1964 года?

— Я не гонюсь за претенциозностью, — повторила однажды брошенную им фразу и протянула стакан.

Джеймс взял его и сузил глаза.

— Ты как будто ожидала меня здесь увидеть.

— Что, испортила тебе всё удовольствие? — легко звякнув краем своего стакана об его, глотнула жгучую жидкость. — Так что всё-таки привело тебя сюда? Не забота же о моей лодыжке?

— Просто хотел сказать... для дилетантки ты очень неплохо провела операцию. И о том, чтобы не оставлять на ящике опечатки подумала, — он качнул стаканом на мои перчатки. — Твоей изворотливости позавидует любой мошенник, дочь дипломата. Bravo! — и одним глотком осушил виски.

Отставив свой стакан, я неторопливо стянула сначала одну перчатку, потом другую.

— Хочешь сказать, вы не подумали об отпечатках?

— Мы профессионалы, «ласточка», — усмехнулся он.

— «Ласточка»? А что стало с «мышкой»?

Джеймс снова усмехнулся, поставил на стол стакан и протянул руку.

— Самое время вернуть мне устройство.

— Боишься, и его отправлю куда-нибудь по почте?

— Кому? Этому скользкому удаву, объятий которого так боялась?

— Ты об Эндрю? Почему боялась? — хмыкнула я.

— Значит, и это было игрой?

— Кажется или мне действительно читают лекцию о морали? И не кто-то, а грабитель и шантажист!

Подхватив сумочку, я вытащила из неё коробочку с устройством, которое извлекла из уха сразу после отъезда полиции, и шарахнула её в ладонь Джеймса. Но не успела отдернуть руку, он стиснул мою ладонь и зло процедил:

— Блестящая обёртка — вот и всё, чем ты отличаешься от нас. Лучшее воспитание, лучшее образование, больше денег, потраченных на тебя родителями. Но поступаешь ты ничем не лучше, чем мы. Тоже идёшь на всё ради своих целей, если нет другого выбора. Или считаешь, так хорошо обошлась с этим денежным мешком, преданно лоящим каждый твой взгляд?

— С ним я ещё никак не обошлась, — с силой выдернула ладонь. — Не тебе читать мне наставления. Да, у меня было всё. И, если не можешь похвастать тем же, завидуй молча. А теперь — убирайся, тебя никто не звал.

Джеймс ответил взглядом, чудом меня не испепелившим, и, не произнеся ни слова, стремительно направился к двери. А я осушила ещё один стакан виски, огляделась... Адреналин продолжал бурлить в венах, подгоняя кровь — теперь ещё сильнее, чем до ссоры с Джеймсом, и я решительно взялась за смартфон.

— Алло? Такси?

Блэк кэб — настоящий, без Джеймса за рулём — подъехал быстро, я только успела

спуститься. Забравшись на заднее сидение, назвала адрес. Поездка по пустым улицам пролетела незаметно, и вот кэб въезжает в знакомые ворота. Дверь открыл сам хозяин, уже без грима, в домашней одежде. На лице — лёгкая ошарашенность и тревога.

— Сурэйя, дорогая... — стиснув мои ладони в своих, он буквально вдёрнул меня внутрь. — Что-то случилось?

— Да, — я заглянула ему в глаза. — Ты так и не получил поцелуй, который...

Но фразу не закончила. Хрипловато выдохнув «Сурэйя...», Эндрю жарко прильнул к моим губам долгожданным поцелуем. Я слышала, как за спиной захлопнулась дверь, и кажется рядом в коридоре раздались шаги — наверное, батлер... но только дёрнула плечами, освобождаясь от плаща, и, обвив руками шею поклонника, крепче прижалась к его груди.

Глава 7

Странно просыпаться не от звука будильника. Потянувшись, я приподнялась на подушке и только тогда открыла глаза. Широкая кровать, просторная комната, сквозь неплотно задёрнутые шторы пробивается свет, но по нему не определишь, какое сейчас время суток. Я огляделась в поисках моей сумочки и невольно вздрогнула, когда в проёме, соединявшем спальню с соседней комнатой, бесшумно возник Эндрю. Полуодетый, но с подносом-столиком в руках, он расцвёл совершенно счастливой улыбкой.

— Сурэйя... Не был уверен, что ты проснулась, и не хотел будить.

— Доброе... или сейчас уже не утро?

— Не утро, но всё равно доброе.

Опустившись на постель, Эндрю заботливо поставил передо мною столик и, поймав мой взгляд, улыбнулся.

— Слишком избито?

— Совсем немного. В остальном очень мило.

Его ладонь потянулась к моему лицу, дыхание едва заметно участилось.

— Сурэйя... прошлая ночь была...

Он запнулся, подбирая слова, и я, чуть наклонив голову к ладони, с нежностью поглаживавшей мою щёку, шепнула:

— Для меня тоже.

Эндрю тихо выдохнул, и, наклонившись через столик, прильнул губами к моим. Я подалась вперёд, отвечая на поцелуй, но столик опасно закачался, и, отдёрнувшись, я поспешно вцепилась в него обеими руками. Эндрю улыбнулся и, положив свои ладони на мои, тягуче посмотрел мне в глаза.

— Ты очень голодна?

— Нет, — качнула я головой. — Но мне нужно идти. Уже, наверное...

— Думал, мы проведём этот день вдвоём, — в голосе моего поклонника — сильнейшее разочарование.

— Думал? — осторожно высвободив ладони, я подхватила со столика чашку с кофе. — Или планировал с самого начала?

Огорчённое лицо Эндрю смягчилось, ладо́нь, лаская, прошлась по моему бедру.

— Ты нарушила все мои планы, коварная Сурэйя, — скользнув рукой под покрывало, он погладил мою якобы повреждённую ногу. — Не болит?

— Почти нет, — я попыталась отодвинуться, но Эндрю уже откинул край покрывала и мягко поцеловал мою лодыжку.

— Теперь совсем перестала, — неловко улыбнулась я.

Отставив столик, поднялась с постели, но Эндрю тут же сплёл вокруг меня руки.

— Что бы ни планировал, это — ничто в сравнении с тем, как всё получилось: непредсказуемо, незабываемо, ошеломляюще...

— Ты меня тоже удивил, — взмахнула я ресницами.

Говоря это, не лукавила. Ночь, от которой я не ожидала ничего, кроме снятия стресса и избавления от чего-то похожего на чувство вины, оказалась... весьма запоминающейся. Эндрю удалось меня впечатлить, и я, мысленно улыбаясь, отметила: недаром мой поклонник родом из той же страны, что и Камасутра. От моих слов лицо поклонника буквально засветилось.

— А ты окончательно лишила покоя меня... — прошептал он. — Остайся...

— Дела в галерее, — вздохнула я, одновременно стараясь найти глазами одежду и сумочку. — Который час? Твоя спальня — словно казино: оказавшись в ней, теряешь чувство времени.

— Не всегда, — губы Эндрю заскользили по моей шее. — Только, когда в неё попадает прекрасный ангел, заставляющий забыть обо всём меня. Сурэйя... Прошу тебя... Не будем вспоминать о времени сегодня...

Улыбнувшись, я погладила его по щеке, но тут где-то совсем рядом требовательно завибрировал смартфон, и я поспешно отскочила от снова прижавшего меня к себе Эндрю.

— Боже, совсем забыла про заказчика, с которым должна встретиться!

Моя сумочка оказалась на кресле. Выхватив из неё мобильник, я глянула на экран и охнула: встреча с Джеймсом, на которую я катастрофически опаздываю! Не думала, что уже так поздно... Но звонил не он, а Ирвин Райт.

— Сурэйя, дорогая! — воодушевлённо приветствовал меня агент. — Как ты? Как лодыжка?

— Уже почти не болит, — я огляделась в поисках одежды и, обнаружив, подхватила её в охапку. — Ты немного меня опередил — собиралась звонить, чтобы узнать о ваших с Дэниэлом впечатлениях.

— Сурээйя, признайся, что просто напрашиваешься на комплимент!

— Почему нет, если он заслужен?

Агент расхохотался, а я, повернувшись к Эндрю, с улыбкой наблюдавшему за мной, беззвучно спросила:

— Ванная?

Эндрю, полуобняв, повёл меня в нужном направлении. Ирвин изощрялся в остроумии — из телефона то и дело слышался его смех. А я мучительно соображала, звонить ли Джеймсу, чтобы предупредить об опоздании. Но лишний раз слышать его голос не хотелось, и я решила просто поторопиться. В ванной поспешно закончила разговор с Ирвином, настойчиво приглашавшим меня на ужин, ещё быстрее привела себя в порядок и вылетела из комнаты... прямо в объятия Эндрю.

— Увидимся вечером? — с надеждой спросил он.

Чмокнув его в щёку, я сощурила глаза.

— Увидишь, — и, выскользнув из объятий, заторопилась к выходу.

Томас привёз меня домой, а, выскочив из машины, я обречённо вздохнула: возле подъезда стоял блэк кэб. Вообще, мы договаривались встретиться в галерее, но, видимо, не найдя меня там, Джеймс заявился сюда. Стараясь не смотреть в сторону кэба, я

поблагодарила шофёра и заторопилась к подъезду, уверенная, что Джеймс последует за мной, как только отъедет машина Эндрю. Но я ошиблась. Заскочила в душ, переоделась, даже сварила кофе, но Джеймс так и не появился. Удивлённая таким терпением, я налила кофе в два термостакана и спустилась вниз, уже начиная сомневаться, что в кэбе — действительно Джеймс. Но там был он — только более отстранённый и невозмутимый, чем обычно.

— Ты заболел? Поэтому даже не поторопил меня? — забравшись на пассажирское сидение, я протянула ему стакан.

— Цианид? — хмыкнул он.

— Да. Но на вкусе это никак не отразилось.

Джеймс только усмехнулся и, уже не глядя ни на меня, ни на стакан, включил зажигание. Поставив «его» стакан в специальную подставку, я демонстративно отпила из своего.

— Почему не остался ждать возле галереи?

— Теперь задаюсь вопросом, почему не поехал напрямиком к Рэю. Это ведь была его машина? — он качнул головой.

— Да, его. Но, отправься ты к нему, мы бы разминулись.

Джеймс снова усмехнулся, но больше ничего не сказал. У меня тоже не было желания поддерживать разговор, и так, в молчании, мы заехали в галерею — Бетти не было, я дала ей выходной — забрали картину и отправились в «штаб-квартиру», где радостный Чарльз встретил нас чуть не у порога.

— Рад видеть тебя, Сурэйя!

Он попытался меня обнять, но я отстранилась и кивнула на Джеймса, внёсшего картину.

— Думаю, по-настоящему ты рад содержимому этого ящика, а не мне, так что можешь не притворяться.

Чарльз опустил руки и подозрительно покосился на Джеймса.

— Вы поссорились?

Джеймс дёрнул плечом.

— Для ссоры нужно желание общаться, которого нет ни у миледи, — небрежный кивок в мою сторону, — ни у меня.

— У миледи есть желание общаться, — возразила я. — А именно громко и доходчиво сказать вам обоим «Sayonara!»[11].*

— Будешь скучать, — хмыкнул Джеймс. — Вряд ли престарелый денежный мешок сможет надолго отвлечь тебя от рутины будней.

— Эндрю — не престарелый, просто старше меня. И будни мои — не рутинные. И шантаж с перспективой попасть в тюрьму никак не подходит под определение «развлечения».

Оставив картину на столе, Джеймс с усмешкой уставился на меня.

— Тогда скажи, что совсем не получила удовольствия от этой операции.

Я, не моргнув, встретила его взгляд, выждала несколько мгновений и, полуулыбнувшись, отвернулась. Джеймс прав. Ощущения от «операции» были неоднозначными. Последние недели я буквально жила подготовкой к ней, просчитывала все ходы и возможные риски. И всё — под неусыпным оком двух аферистов, от которых, в случае провала, пощады ждать не приходилось. Это пугало, изнуряло, раздражало... и необыкновенно будоражило. Но теперь к радости, что всё закончилось, примешивались

лёгкая грусть и... опустошённость. Я поняла это, когда ехала вчера домой в компании Эндрю. В какой-то мере и проведённая с ним ночь — следствие этой опустошённости. Что-то вроде попытки продлить безумие карнавала, на котором разрешено всё.

— Посмотрите на это сокровище! — восхитился Чарльз.

Прислонив распакованную картину к стене, он вооружился лупой. Уже не обращая внимания на Джеймса, я подошла ближе. До сих пор не могла позволить себе задержаться рядом с картиной дольше, чем рядом с остальными — чтобы не возбуждать подозрений. Но теперь, наконец, могла рассмотреть её по-настоящему. Огромный лев лежит в клетке, перед ним ничком — хрупкая фигурка девушки в белом платье. Одна лапа зверя покоится возле головы девушки, другая на её бедре — лев будто обнимает свою жертву. Лицо девушки отвёрнуто, видны только разметавшиеся тёмные волосы. Нет ни крови, ни ран, но почему-то нет и сомнений, что девушка мертва. А за пределами клетки, прижавшись лбом к решётке, замер молодой человек. Кажется, он — в отчаянии. Но, чем дольше присматриваешься, тем очевиднее, что рот его искривлён довольно странно, и на бледном лице — не гримаса отчаяния, а, скорее, выражение большой радости. В ладони одной из прижатых к прутьям рук можно рассмотреть торчащий кончик ключа.

— На самом деле жуткая картина, — передёрнула я плечами.

— Больше непонятная, чем жуткая, — хмыкнул неслышно подобранный сзади Джеймс.

Я не двинулась, хотя близость «партнёра» была чрезмерной — даже чувствовала на волосах его дыхание.

— По-моему, всё предельно ясно.

— Что именно? Этот мозгляк убил свою невесту? Но, судя по положению тела, она даже не пыталась выбраться из клетки. А голова повёрнута к нему — как если бы она смотрела на него до последнего. И как она умерла? От испуга? Лев просто задушил её? Неловы скорее разрывают свои жертвы. И где тогда кровь?

— С чего ты взял, что она — жертва? — возразила я. — Картина называется «Невеста», и девушка одета соответствующе. Но парень — нет. То есть, «жених» — лев.

— А, ну теперь всё понятно! — съехидничал Джеймс.

Я улыбнулась, по-прежнему не отводя от картины взгляда. В ней было что-то цепляющее: ненормальное, болезненное, но странно притягательное. Ни за что не повесила бы её у себя. У Эндрю она просто хранилась в сокровищнице — одна из многих, он даже удивился, когда я её выбрала. Но одержимость ею заказчика Джеймса и Чарльза действительно граничила с психическим отклонением.

— У Джека Лондона есть рассказ, «Тропой ложных солнц». Там очень интересно описывается восприятие картин. Они — как частицы жизни. Будто идёшь тёмной ночью по тропе и видишь перед собой хижину. В окне хижины — свет. Ты смотришь в окно и наблюдаешь за тем, что происходит внутри, несколько секунд. А потом идёшь дальше. То, что ты увидел, не имеет ни начала, ни конца, ни объяснения. Просто фрагмент, остающийся в памяти — картина в рамке окна. И ты трактуешь её, как хочешь. Никто не скажет, что это — правильно или ошибочно. Это — то, как понимаешь увиденное ты.

Джеймс ничего не ответил, и, полуобернувшись, я поймала на себе его взгляд. Внимательный, немигающий — наверное, таким же я только что смотрела на картину. Но, встретившись со мной глазами, он сморгнул и, отвернувшись, равнодушно поинтересовался:

— А при чём здесь «ложные солнца»?

— Прочитай — и узнаешь, — я посмотрела на Чарльза, убравшего лупу в чехол. — Что ж, джентльмены, картина — у вас, я выполнила свою часть соглашения. Теперь...

— ...время разойтись, не причинив друг другу вреда? — Чарльз дословно повторил некогда сказанную мною фразу.

Кивнув, я расплылась в улыбке.

— Могу я предложить тебе выпить, Сурэйя? — он приглашающе махнул рукой.

— Спасибо, нет, — я положила на стол «карамболовый» мобильник и зашагала к двери.

Но от порога обернулась и, подмигнув недавним «компаньонам», тоже повторила фразу, сказанную при похожих обстоятельствах Большим Крисом, одним из персонажей фильма Гая Ричи:

— Это было эмоционально.

Глава 8

Звук, напоминающий приглушённое гудение трубы, вырвал меня из состояния, близкого к нирване. Приподняв голову, я лениво посмотрела на бирюзовую гладь моря, плескавшегося в нескольких метрах от моего шезлонга и парасоля[12]. У самой кромки воды по белоснежному песку неторопливо шёл слон. Рядом, держась за бивень, семенила девушка в яркой одежде. Картина — вполне привычная на Хейвлоке, крупнейшем из Андаманских островов.

— Тебя тоже разбудило это чудовище со шлангом вместо носа, *gabacha*?

Я повернула голову к Изабелле, лежавшей на соседнем шезлонге, и улыбнулась.

— Злишься, что он оказался громче тебя? Никто не говорил, как шумно ты сопишь во время сна?

Изабелла попыталась шлёпнуть меня по колену, но случайно опрокинула невесомый столик с нашими напитками, и, окончательно войдя в раж, подхватила несколько высыпавшихся кусочков льда. Один за другим они полетели в меня, и, уворачиваясь, я кувыркнулась вместе с шезлонгом. Изабелла тоже скатилась со своего, и вот уже мы, хохоча, растянулись на похожем на сахарную пудру песке.

— Спасибо, что вытащила меня сюда, — Изабелла благодарно стиснула моё запястье. — Понятия не имела об этих островах. Всё же полезно иметь подругу, долгое время жившую в Индии!

Поднявшись с песка, она махнула парню, разносившему напитки. Но, не успев тот подойти, сонную безмятежность пляжа нарушили радостные вопли и свист — из тянувшихся вдоль пляжа джунглей вылетело около дюжины обнажённых до пояса парней, и Изабелла раздражённо закатила глаза.

— Только не эти *pendejos*[13]!

Андаманские острова, относящиеся к индийской союзной территории, называют «изумрудами, разбросанными по бирюзовому морю». Но это — скорее потаённые жемчужины, ещё толком не открытые туристами. Я знаю о них от Даярама — супруг собирался привезти меня сюда на мой день рождения... который теперь я буду праздновать без него. Но идиллические острова с практически нетронутой человеком природой показались мне отличным местом для восстановления сил после «сотрудничества» с Джеймсом и Чарльзом. На следующий же день после того, как сказала им вожделенное «*Sayonara!*», я позвонила Изабелле. А ещё через неделю мы уже валялись на пляже. Прилетел в Порт Блэр, столицу расположенную на острове Южный Андаман, почти сразу перебрались

в бунгало на Хейвлоке, собираясь провести здесь несколько дней, прежде чем вернуться в Порт Блэр. Уже посетили рыбацкие деревушки с соломенными крышами, погуляли по банановым рощам и окружавшим бунгало джунглям. Идиллия была абсолютной... до вчерашнего дня, когда в Хейвлок № 1, главную пристань города, вошёл катер с весёлой компанией на борту. Компания состояла исключительно из парней с азиатской внешностью — «*pinche chinos*»[14], как их тут же окрестила Изабелла, и о себе они заявили сразу и довольно громко.

— Не обращай внимания, — миролюбиво предложила я, укладываясь обратно в шезлонг. — Мы здесь — чтобы расслабиться, и никакие «*chinos*» нам не помешают.

— Как же не хватает моих *sicarios*[15]! — Изабелла смерила злобным взглядом веселящихся азиатов и повернулась ко мне. — Думаю, сейчас — подходящий момент наконец узнать, что за странную бандероль ты мне прислала несколько недель назад. Что в ней?

— Лучше тебе не знать, — я погоняла соломинкой кубики льда в коктейле. — Всё это немного... нелегально.

Приложившаяся к своему коктейлю Изабелла поперхнулась, и я расхохоталась при виде её лица.

— Ты забыла, кто перед тобой, *gabacha*? — подруга покачала головой. — В моей семье слово «легально» — оскорбление.

— Ладно... — я вытерла набежавшие от смеха слёзы. — Однажды ко мне в галерею заявился один *sabón*[16] и потребовал помочь достать не принадлежавшую ему картину. В противном случае грозил сообщить Даяраму, где меня искать.

— *Pinche pendejo!* — возмутилась Изабелла. — Почему не позвонила мне?! Я бы прислала...

— Знаю, — с улыбкой прервала её я. — Но хотела хотя бы с чем-то справиться без посторонней помощи. Твой «долг» давно уплачен. Ты не обязана решать за меня все мои проблемы.

Изабелла вдруг помрачнела.

— Дело не в долге, *gabacha*. В моём окружении очень мало людей, которым я доверяю. Ты — одна из них. Чтобы сохранить вас, я готова на многое. Всё просто.

Отставив коктейль, я попыталась заглянуть ей в глаза.

— Иза, у тебя неприятности?

— В моём бизнесе, если нет неприятностей, значит, ты уже не в бизнесе и скорее всего мёртв, — и, тряхнув волосами, будто отгоняла дурной сон, уже другим тоном зашебетала:

— Зато прибыль — фантастическая! Сколько ты выручаешь за одну картину? Может, всё-таки подумаешь о смене деятельности? Опыт в нарушении закона, у тебя уже, очевидно, есть. И помнишь моего кузена Энрике? Постоянно о тебе спрашивает!

— Энрике, который встречается с дочерью военного?

— Встречался — с дочерью генерала штата Чиуауа. Мой дядя надеялся таким образом укрепить связи. Но Энрике и Камилла разошлись и теперь друг друга ненавидят. Так что мой кузен свободен и... — она призывно повела бровью.

— Заманчиво, — улыбнулась я. — Но пока воздержусь.

— Не знаешь, что теряешь.

— Любовь сейчас — последнее, что я ищу.

И вздохнула, подумав об Эндрю. На следующий день после нашей совместной ночи мы

встретились за ужином, после которого была ещё одна совместная ночь, а потом — совместный завтрак... А потом всё стало слишком напоминать первые месяцы с Даярамом с той лишь разницей, что сейчас я не была влюблена. Эндрю мне нравился, я с удовольствием проводила с ним время, но дальше этого заходить не хотела. Когда он заговорил об отпуске на его вилле в Агре, решила, что момент расставить точки над «и» наступил. Но всё, что мой почитатель вынес для себя из нашего «объяснения»: я слишком молода, и серьёзные отношения меня пугают, да ещё и он напугал меня желанием проводить как можно больше времени вместе. Но всё это — поправимо. Разве он не заставил меня поменять к нему отношение, показав, как я для него важна? Так что ему стоит проявить ещё немного терпения? И он совершенно не возражает, что сейчас я отправлюсь в отпуск не в Агру, а на острова, и не с ним, а с подругой. Он, конечно, отвезёт меня в аэропорт и будет терпеливо ждать моего возвращения, но надеется, что скоро я позволю ему отвезти меня дальше аэропорта. Ругая себя за мягкотелость, я трогательно распрощалась с ним в Хитроу и, стараясь хотя бы пока ни о чём не думать, вошла в самолёт...

— Que os chingan, pinche chinos...[17]

Злобное шипение Изабеллы вернуло меня на пляж Хейвлока, и я с удивлением воззрилась на двух парней-азиатов, остановившихся возле нас. В руках одного был мяч.

— Намасте[18], девчонки! Как насчёт матча в пляжный волейбол? — произнёс он на чистейшем английском с британским акцентом. — У нас не хватает игроков!

— Вас — около дюжины, — не скрывая враждебности, фыркнула Изабелла.

— Большинство уже не держится на ногах, — парень крутанул мяч на кончике пальца. — Ну так что?

— Я — в деле! — отставив коктейль, соскочила с шезлонга.

— Gabacha... qué soño?[19] — Изабелла развела руками.

— За неимением sicarios, ломаем их изнутри — в игре, — подмигнула я ей.

Подруга шумно выдохнула, но всё же поднялась.

— Órale, traidora![20] Но не просите теперь пощады!

— Не в наших правилах! — заявил другой азиат.

А державший мяч смерил любопытным взглядом меня.

— Ты и твоя подруга — из Мексики?

— Да, — не задумываясь, кивнула я.

— В колледже у меня был приятель из Мехико, — пояснил парень свою «догадливость». — Но ты не похожа на мексиканку.

— А ты — на лондонца. И всё же говоришь, как один из них.

— Я учился в Кембридже, — он протянул мне руку. — Льюис.

— Сурэйя, — я пожала его руку и улыбнулась. — Приятно познакомиться, Льюис из Кембриджа.

— Из Сингапура, — рассмеялся он. — Мы празднуем холостяцкую вечеринку Генри — воон того парня, который только что рухнул лицом в песок. Идём, уверен, игра будет весёлой! — и понёсся по пляжу, подбрасывая в воздух мяч.

Перейти на сторону нарушителей спокойствия оказалось в самом деле гораздо веселее, чем оставаться в шезлонгах. С нами или без нас, «холостяки» бы всё равно сыграли в свой волейбол, не утруждаясь понижать голос при каждом пасае и хаммере[21], в то время как мы, Изабелла в особенности, кусали бы от злости наши коктейльные соломинки. Теперь же раскрасневшаяся подруга с визгом подлетала за мячом, уже и не вспоминая, что каких-то

полчаса назад собиралась подсылать к «pinche chinos» своих sicarios. Я вопила и носилась за мячом с не меньшим воодушевлением, сингапурцы тоже не уступали в энтузиазме, и под конец игры мы вытеснили с пляжа всех остальных отдыхающих.

— Обещал же — будет весело, — подскочивший к нам Льюис, игравший за другую команду, смахнул со лба пот.

— Весело? — фыркнула Изабелла. — Вы безнадежно проиграли!

— Кому нужен выигрыш! — отмахнулся парень. — Лично я — за незабываемые моменты! Есть планы на вечер?

— Есть предложение на вечер? — задала я встречный вопрос.

Льюис хитро прищурился.

— Улётная вечеринка на нашей яхте. Развершено всё, кроме мобильных телефонов. Приходите, как стемнеет — будет весело.

— Очень! — поддакнул другой парень, кажется, Эдди, и, бросив острый взгляд на Изабеллу, уточнил:

— Придешь?

— Может быть, — подруга подхватила меня под руку. — Adios, chinos!

Когда мы немного удалились от сингапурцев, я легко подтолкнула её плечом.

— Ну что, передумала посылать sicarios по их души?

Изабелла уклончиво качнула головой.

— Посмотрим, понравится ли мне вечеринка.

Когда мы появились на яхте, обещанное веселье было в полном разгаре. Причём, парни пригласили не только нас, но, кажется, и половину населения близлежащих островов. Льюис, в белой пляжной рубашке и бермудах полуобнял нас обеих и поволок на палубу.

— Сурэя, Изабелла, вы как раз вовремя — мы собираемся отплыть!

— Куда? — насторожилась Изабелла.

— Немного подальше, где сможем как следует пошуметь!

— Что-то мне это не нравится, — нахмурилась подруга.

— Это пока, — заверил Льюис и махнул кому-то рукой. — Эй, Эдди, она здесь!

Из танцующей толпы «вырулил» парень, допытывавшийся, придёт ли Изабелла на вечеринку, и, увидев её, расплылся в улыбке. А Льюис, сунув мне в руку бокал, доверительно шепнул в ухо:

— А ты остаёшься со мной! Кстати, выглядишь умопом... рачительно! Вау, ещё могу выговорить такое длинное слово! — и рассмеялся.

На самом деле мы с Изабеллой не стали заморачиваться из-за нарядов, следуя принципу чем меньше одежды, тем лучше. Остальные гости, судя по виду, придерживались того же «стиля». Но я улыбнулась комплименту и посмотрела на танцующих, к которым уже присоединились Изабелла и Эдди, а потом подняла глаза на Льюиса.

— Так и будем стоять здесь весь вечер?

Он снова рассмеялся и звякнул своим бокалом о край моего.

— И в мыслях не было! Vamonos[22]! Правильно?

— ¡Andale[23], — кивнула я и, следуя за ним, нырнула в веселящуюся толпу.

Открыв глаза, не сразу поняла, где нахожусь, и почему рядом с подушки на меня тарашится большой зелёный попугай с красными «щёчками».

— Откуда ты... — сипло начала я и откашлялась — голоса не было.

Попугай издал пронзительный вопль и взлетел на клетку, стоящую на столике возле кровати. Поморгав, я различила тонкий шнур, тянувшийся от клетки к его лапке. А рядом спиной ко мне посапывало чьё-то тело, свесившее руку и ногу с края кровати. Ещё несколько морганий — и я узнала в «теле» жениха. Интересно, как он умудрился сюда доползти? Под конец ему было трудно лежать, не то, что ползать. Вечеринка получилась в самом деле улётной. У меня в ушах до сих пор гудело от фейерверков, которые мы запускали наперегонки с Льюисом, а горло саднило от караоке под мелодию какой-то китайской песенки, которую я слышала первый раз в жизни. Изабелла тоже веселилась... отчаянно. И, кажется, весьма сблизилась с Эдди... или с кем-то другим — в какой-то момент я перестала различать лица. А потом мы сошли на берег, и я потеряла подругу из виду. Найти бы её сейчас... Стараясь держать гудящую голову прямо, я встала. Попугай, наблюдавший за моими манипуляциями, заверещал так, что моя голова, кажется, начала разваливаться, и мне не на шутку захотелось придушить горластую птицу. Но только я собралась как следует стукнуть по клетке, в комнату, слегка покачиваясь, вошёл Льюис. Вид — помятый, под глазами — тёмные круги. Но на губах — улыбка.

— Hola, Сурэйя! — приветствовал он меня. — Как ты?

— Хочу придушить попугая, — призналась я. — Откуда он здесь взялся? И что Генри делает в моей постели?

— Вообще, это — его постель, — улыбнулся Льюис. — И попугай — его, зовут Чичо, наш подарок.

— О... — только и выдохнула я.

Льюис рассмеялся.

— Не помнишь, как пришла сюда? Мы причалили, ты пошла искать Изабеллу и... через какое-то время я нашёл тебя здесь. Все эти бунгало — наши, — он махнул рукой. — Но ты почему-то выбрала бунгало Генри. А сам он пришёл позже и сомневаюсь, что вообще тебя заметил.

— То есть, Изабеллу я так и не нашла. Случайно не знаешь, где она?

— Её я не искал.

— Тогда самое время найти и вернуться в наше бунгало.

Стараясь не слишком резко переставлять ноги, чтобы ни во что не врезаться, я направилась к двери, но, когда поравнялась с Льюисом, он осторожно удержал меня за руку.

— Сурэйя, возможно, ты ничего не помнишь, но я всё равно хотел... — он смущённо потупился. — Кажется, я вёл себя не как джентльмен.

Слегка напрягшись, я вспомнила его лицо, наклоняющееся к моему... и не помнила, чтобы отстранилась.

— Ничего не было, — продолжал неловкий разговор Льюис. — Почти. Но, надеюсь, ты на меня не в обиде?

— За то, что ничего не было? Или за «почти»?

Он улыбнулся.

— За всё сразу. Ты мне нравишься, Сурэйя. И я собирался пригласить тебя... вас, Изу тоже, провести эти дни с нами. Было бы жаль, откажись ты из-за... — он красноречиво качнул головой, но тут же охнул и схватился за лоб.

Тоже не скрывая улыбки, я рассматривала нового знакомого. Может, чуть старше нас с Изабеллой, довольно симпатичный... пожалуй, даже симпатичный выше среднего. Низкий

голос с лёгкой хрипотцой. Смушение скорее всего наигранное — парень явно знает себе цену и не привык это скрывать. Учился в Кембридже... наверное, отпрыск каких-нибудь сингапурских «Кэррингтонов»[24]. Заметив мой взгляд, «отпрыск» прищурился с едва заметной насмешливостью.

— Я сказал, ты мне нравишься. Как насчёт вернуть комплимент?

— Как насчёт дожидаться, пока его сделают добровольно? Или этому в Кембридже не учат?

В глазах Льюиса мелькнул озорной огонёк.

— Значит, ты училась не в Кембридже, если не знаешь, чему там учат?

— Льстишь моему произношению, предполагая, что я могла учиться в Британии, — уклончиво ответила я.

— Значит, не в Британии?

Я только вскинула брови и улыбнулась. Льюис изобразил разочарование.

— Ты уже можешь написать мою биографию. Я знаю только твоё имя. Не очень справедливо, правда?

— Правда, — согласилась я. — Но что поделаешь?

И тут же вздрогнула от громкого:

— Gabaaacha! Dónde estás?

— Иза! Здесь! — выкрикнула я.

Но сорванный на караоке голос перешёл в сипение и, уже не пытаясь подать его повторно, я заторопилась наружу.

— А что значит «gabacha»? — заинтересовался последовавший за мной Льюис.

— То же, что и «gringo», только женщина. Хочешь знать, что означает «pinche chinos»? — и, подмигнув, вылетела из бунгало навстречу Изабелле прежде, чем он успел ответить.

Подруга выглядела плачевно. Волосы — встрёпанные, походка — неуверенная, глаза — злые.

— Gabacha! — оживилась она, но, увидев рядом со мной Льюиса, вполголоса пробормотала:

— Pinche chinos... Pinche peda[25]...

— Выглядишь, будто обыскала весь остров, — не удержалась я от улыбки. — Сама-то где ночевала?

Изабелла махнула рукой на покачивавшуюся на волнах яхту.

— А где Эдди? — проявил заботу о друге Льюис. — Он ведь был с тобой?

— Мне откуда знать? — огрызнулась Изабелла, и я понадеялась, что она отвечает на первый вопрос, а не на оба.

— Как видишь, вечеринка действительно получилась улётной, — повернулась я к Льюису. — Надеюсь, Эдди не «улетел» слишком далеко и скоро отыщется в одной из кают или в чьём-нибудь бунгало — главное, чтобы на этом острове. А нам пора — в наше бунгало. Спасибо за чудесно...

— Уже уходите? — Льюис как будто огорчился. — Хотя бы позавтракайте с нами.

— Не могу даже думать о еде, — простионала Изабелла. — Но вечеринка была и правда что надо!

Она дружески хлопнула Льюиса по плечу и, вцепившись в мой локоть, качнулась в сторону моря.

— Идём, gabacha?

— Но ещё ведь увидимся? — уточнил Льюис. — Наша развлекательная программа включает в себя не только улётные вечеринки, но и не менее улётные поездки по соседним островам. Сегодня отдохните, а утром приходите сюда к завтраку.

И, уже начав пятиться в сторону бунгало, шутливо направил на меня указательные пальцы обеих рук.

— Буду ждать, gabacha!

Начавшая движение в одном ей известном направлении Изабелла насмешливо покосилась на меня.

— Ничего не было, — ответила я словами Льюиса. — Почти. А что с Эдди?

Подруга презрительно скривила губы.

— Эта китайская курица свалилась под стол прежде, чем я допила шестой стакан текилы!

— Умудрилась и здесь её найти?

— Парни запаслись всем — действительно знают, как веселиться! Правда, это — не та текила, к которой привыкла я, но тоже сойдёт, — Изабелла махнула рукой и чуть не свалилась на песок.

— Вижу! — рассмеялась я, подхватывая её. — Будь текила менее «подходящей», ты твёрже держалась бы сейчас на ногах.

— После «улётной» вечеринки должен летать, а не ходить, так? — буркнула Изабелла. — Но вообще... это — как раз то, что мне было нужно. Расслабиться, спустить всех чертей с цепи.

Перестав смотреть под ноги, подруга снова чуть не утянула на песок нас обеих. Восстановив равновесие, я с улыбкой посмотрела на неё.

— Так, может, «полетаем» с ними ещё?

— Это — не тот морской конёк, которого ты сегодня спугнул, Ник? — Генри хлопнул по плечу приятеля, с подозрением рассматривавшего содержимое только что поставленной перед ним тарелки.

— Никакой это не конёк! — возразил тот. — Скорее похож на пучеглазого спинорога, атаковавшего Льюиса!

— И вовсе он меня не атаковал! — фыркнул Льюис. — Просто случайно наткнулся!

— Целых пять раз, пока ты не сбежал? — хрюкнул Генри.

— Ты вообще знаешь, что заказал, Никки? — вмешалась Изабелла. — Чтобы удивить едой сингапурца нужно постараться, но им это, очевидно, удалось! — она кивнула на удаляющихся официантов.

Мы сидели в «Red Snapper», одном из ресторанчиков Хейвлока, известном кулинарными шедеврами, приготовленными из обитателей прибрежных вод. До сих пор обитатели съедались молча, но после более близкого знакомства с некоторыми из них во время недавнего дайвинга, вопросы начали возникать сами собой.

— Может, тебя с ним познакомить, как Алису — с пудингом? — предложила я.

— Пожалуйста! — с готовностью отозвался Ник. — Тогда ведь тебе придётся назвать его имя, и я узнаю, что это!

— Ник — еда, еда — Ник, — не моргнув глазом «представила» их я. — Берись за вилку и нож, иначе обидишь нового друга!

Генри расхохотался, а сидевший рядом со мной Льюис легко прошёлся ладонью по моему бедру. С ночи «улётной» вечеринки прошла неделя, и всё это время Изабелла и я почти не разлучались с «*pinche chinos*». Вместе посетили остров Лонг — продирались через джунгли в небольшую индийскую деревушку, в которой пришлось остаться на ночлег — то ещё приключение! Катались на велосипедах по острову Нил, прозванному «фруктовой чашей» из-за огромного количества растущих здесь фруктов. Заглянули на Вайпер, или «Остров виселиц», где во времена Британского Раджа была построена первая на Андаманских островах английская тюрьма для индийских борцов за независимость. Наблюдали за морскими черепахами неподалёку от Малого Андамана и гоняли на скутерах в водах, омывающих Хейвлок. Покаявшийся в своём «не джентльменском» поведении Льюис всё время держался рядом, нередко брал меня за руку или приобнимал, но дальше этого «близость» не заходила. Вполне довольная таким положением вещей, раз или два я всё же задумывалась, не перейти ли мне к более решительным действиям. Но тут же останавливала себя: это бы всё только усложнило. В Сингапуре Льюиса наверняка ждёт подруга, а меня в Лондоне — Эндрю. Время, проведённое здесь, было волшебным, но всякое волшебство рано или поздно заканчивается. Наше закончится завтра, когда «*pinche chinos*» отплывут на своей яхте в Порт Блэр, откуда потом отправятся домой — в Сингапур. Наше с Изабеллой время на райских островах тоже почти истекло. Задержимся мы здесь всего на день дольше наших сингапурских приятелей. Кстати, Иза «сдружилась» с одним из них весьма тесно. Причём, не с Эдди, с первого дня знакомства бросавшим на неё нежные взгляды, а с «поедателем» морского конька Ником. Я с улыбкой наблюдала за их шутливыми перепалками, будто они были женаты лет десять. Льюис, тоже с удовольствием перебрассывавшийся со мной шутками, в промежутках пытался ещё и «вытянуть» информацию, чем я занимаюсь и откуда родом. Сейчас, доверительно наклонившись к моему уху, он как бы между прочим шепнул:

— Не получив ответа от тебя, я спросил Изу. Она сказала, ты из Дисней-Лэнда. Это правда?

Я поперхнулась своим «коньком» и толкнула его под столом коленом. Льюис рассмеялся, снова погладил меня по бедру и вздохнул.

— Ладно, больше не буду спрашивать. Просто подумал, мы могли бы встретиться и за пределами этих островов. Я часто бываю в Лондоне, — и, не мигая, уставился на меня.

— Неужели у меня действительно появился лондонский акцент? — покачала я головой. — Так и быть. Да, я оттуда. У меня своя галерея.

— Ты продаёшь картины?! — выпалил Льюис. — Никогда бы не подумал... В смысле, это впечатляет! Я очень далёк от картин, художников и всего, что с ними связано.

— А к чему близок?

— Юриспруденция, — улыбнулся он.

— Ты адвокат? — теперь пришёл мой черёд удивляться.

— Не похож?

— Не очень, — призналась я.

— А на кого похож? — начал допытываться Льюис.

— На отпрыска какой-нибудь сингапурской династии.

Льюис расхохотался.

— В какой-то мере так и есть, но я сам зарабатываю мои доллары. И много путешествую. Кстати, мы до сих пор не обменялись номерами сотовых. Как насчёт сейчас?

— Ещё немного — и заподозрю тебя в серьёзности намерений, — вскинула я брови.

— Всё может быть! — Льюис вытащил свой айфон и выжидательно посмотрел на меня.

— Не знаю на память, — я развела руками.

— Так и поверил! Чтобы владелица галереи не знала номер своего сотового!

— Можно подумать, он у меня всегда наготове, и я раздаю его всем желающим! —

притворно возмутилась я.

Льюис рассмеялся — мне показалось, чтобы скрыть разочарование, и спрятал айфон. Весь остаток ужина он вёл себя как ни в чём не бывало и почти весело распрощался с нами, когда вся компания собралась разойтись по бунгалю.

— Увидимся утром? — с меня он перевёл взгляд на Изабеллу и снова на меня. — Проводите моряков в дальнейшее плавание!

— Лично я с некоторыми из вас увижусь ещё сегодня, — хмыкнула Изабелла. — Но, может, и бросим в море несколько цветов, когда отплывёте!

Парни заготовили и отправились паковать чемоданы, а мы с Изабеллой двинулись к нашему бунгалю.

— Под «некоторыми» имеешь в виду Ника? — я шутливо подтолкнула подругу локтем. — Или присмотрела ещё кого-то?

— Я могла бы выбрать каждого второго, — дёрнула плечом Изабелла. — Это к тебе они лишний раз подойти боялись.

— Вот как?

— Неужели не заметила?

— Заметила, но...

— Это из-за Льюиса, мне Никки сказал, — пояснила Изабелла. — Все видели, что он с тебя глаз не сводит, и не хотели мешать. Но, оказалось, мешать было нечему.

— Да, пожалуй, — рассеянно согласилась я.

Скорое возвращение в Лондон уже начинало на меня действовать, вырывая из отпускного настроения ещё до окончания отпуска. Мобильная связь и интернет на островах оставляют желать лучшего. Я всего раз говорила с Эндрю и дважды с Бетти, и то связь обрывалась чуть не каждую минуту. Урывками просматривала электронную почту и со вздохом думала об объёме ожидающей меня работы. Может, и хорошо, что этой ночью останусь одна — всё же попытаюсь разобраться с частью накопившихся мэйлов.

Изабелла, чмокнув меня в щёку, унеслась ещё до наступления темноты, а я с бокалом вина расположилась на террасе с ноутбуком на коленях. Красота заката завораживала. Потягивая вино, я просто смотрела на смену красок отражающегося в море неба... и не сразу заметила одинокую фигуру, словно вынырнувшую из сгущающихся сумерек. А, рассмотрев её, отложила ноутбук и с удивлением поднялась.

— Льюис?

— Buenas tardes, gabacha! — улыбнулся он. — Можно войти?

— По-моему, ты уже это сделал.

Он рассмеялся и тут же вздохнул.

— Сурэйя... я не хочу, чтобы всё закончилось так. Вернее, не хочу, чтобы закончилось вообще...

— ...но это неизбежно, — подхватила я.

— Не неизбежно, — он погладил меня по щеке. — Мы живём на разных островах, а не на разных планетах. Я не хотел ничего начинать, так как сомневался, что...

— Ты не обязан ничего объяснять, правда, — улыбнувшись, я попыталась отодвинуться,

но Льюис мягко меня удержал.

— Сурэйя... всё время хотел сказать: какое красивое имя... — наклонившись, он легко прильнул губами к моим.

— Льюис...

Я снова попыталась отстраниться, и Льюис сразу же выпустил меня из объятий.

— На сей раз постараюсь оставаться джентльменом, хотя это и нелегко, — он неуверенно улыбнулся. — Ты мне очень нравишься, Сурэйя. Точнее... похоже, за этот короткий срок я успел в тебя влюбиться — даже ничего о тебе не зная. В общем, буду рад, если дашь о себе знать, когда вернёшься в Лондон.

Подняв со столика мой мобильный, он протянул его мне.

— Сохранишь мой номер? Если уж не хочешь давать свой.

Взяв мобильный, я нажала на «добавить контакт» и подняла на Льюиса глаза.

— Льюис Тео, — улыбнулся он и, продиктовав номер, повторил:

— Надеюсь, позвонишь. Увидимся утром? — и, не дожидаясь ответа, двинулся в лиловый сумрак наступающей ночи.

Я смотрела, как тени окутывают его удаляющийся силуэт... и негромко позвала:

— Льюис!

Он вынырнул из мрака, будто только этого и ждал. Не отводя от меня вопрошающе-пытливого взгляда, медленно наклонился к моим губам.

— Это всё равно не значит, что позвоню, — прошептала я.

— Но значит, что точно увижу тебя утром, *gabacha*...

Когда он произносил последние слова, его губы едва ощутимо касались моих, и, тихо выдохнув, чтобы выровнять дыхание, я не удержалась от поддразнивания:

— Надеюсь, понимаешь, как нелепо звучит это слово из уст не-мексиканца.

— Мне всё равно, — отрывисто бросил Льюис и, уже не сдерживаясь, прижался губами к моим.

Это был не первый наш поцелуй — нечто подобное происходило на яхте в ночь «улётной» вечеринки. Но не помню, чтобы в тот раз у меня так сбивалось дыхание... и чтобы Льюиса так лихорадило. Мы натолкнулись на стол и, кажется, опрокинули одно из плетёных кресел. Не отрываясь от моих губ, Льюис подхватил меня и, притиснув к себе, направился внутрь бунгало. А я, обвив ногами его торс, запуталась пальцами в жестковатых волосах...

Меня разбудил гулкий удар по крыше, от которого слегка дрогнуло всё бунгало. За ним последовали ещё два или три, но уже потише. Сопевший в моё плечо Льюис приоткрыл глаза и сонно улыбнулся.

— Пираты берут бунгало на абордаж?

Уже рассвело, всюю голосили чайки, в бунгало врвался утренний бриз. Потянувшись, я качнула головой.

— Это — манго. Здесь всюду — манговые деревья. На ваши крыши не падают?

— Нет, — продолжая улыбаться, Льюис с нежностью погладил меня по щеке. — Должен тебе кое в чём признаться.

— Ты женат?

— Нет, — рассмеялся он. — Конечно, нет. А признаться хотел в том, что был идиотом. Думать об этом чуть не с нашей первой встречи и ждать до последней ночи на островах...

какая безумная, непростительная глупость!

— То есть, в том, что и я об этом думала, у тебя — никаких сомнений? — прищурилась я.

— Были, — Льюис тоже прищурился, подыгрывая мне, — но после этой ночи рассеялись. Более того, теперь я почти уверен, что ты мне позвонишь.

— А вот это уже самонадеянность!

Льюис придвинулся ко мне ещё ближе и заглянул в глаза.

— Конечно, если в Лондоне тебя никто не ждёт.

— Не поздновато об этом спрашивать?

— Пожалуй, — согласился он. — Кажется, до сих пор я просто боялся задать этот вопрос, опасаясь получить утвердительный ответ. Но теперь... — притянув к себе, он легко тронул мои губы своими, но, прежде чем успел поцеловать по-настоящему, я отодвинулась.

— Давай договоримся: дождёшься моего звонка — я отвечу на вопрос.

— Говоришь так, будто мне придётся ждать вечность, — шепнул Льюис, снова наклоняясь ко мне. — Боюсь, не выдержу и отправлюсь разыскивать тебя в Лондоне.

— Удачи, — мурлыкнула я уже в его губы. — Знаешь, сколько Сурэй...

И вздрогнула от громкого:

— Dios mio, gabacha!

Льюис резко выпрямился и тут же раздосадованно вздохнул:

— Самое время...

— Нечего так на меня смотреть! — вскинулась Изабелла. — Нужно было предупредить — я бы не спешила. А так все дни прикидывался монахом, а теперь... терраса выглядит, как после тайфуна!

Но, поймав мой взгляд, уже миролюбиво предложила:

— Позавтракаешь с нами, Ромео?

Льюис снова вздохнул, посмотрел на меня и кивнул.

— С удовольствием.

За завтраком он то и дело касался моей руки, поглаживал по колену или приобнимал, и наблюдавшая за нами Изабелла не выдержала:

— Ведёте себя, как подростки!

— Разве что по сравнению с тобой и Никки, — подмигнул ей Льюис. — Вы ведёте себя, как пожилая, вечно брюзжащая супружеская пара!

Изабелла запустила в него фиником, Льюис пообещал натравить на неё устрицу, я — скормить их обоим крабам. Потом Льюис, поцеловав меня так, будто хотел выпить душу, отправился к себе — заняться последними сборами. Но прежде взял с меня обещание, что обязательно приду его проводить, а прежде может даже позвоню. Как только он ушёл, Изабелла скосила на меня ехидный взгляд, но я только пожала плечами:

— Почему бы и нет?

— То есть, действительно собираешься звонить ему?

— Ещё не знаю. А ты — своему Никки?

— Конечно, нет! — фыркнула Изабелла. — Для чего?

— Ну... вдруг снова захочешь его увидеть?

— Где, в Дуранго? Только представь этого *pendejo* вблизи моего бизнеса!

— Да, не очень вяжется, — согласилась я.

— Меня больше удивляет твоя готовность ввязаться в интрижку. Не думала, что ты уже

готова после Даярама.

— История с Даярамом научила меня не доверять мужчинам, но я не стала ненавидеть их всех без разбора, — улыбнулась я.

— Опасная позиция. Если влипнешь по-настоящему...

— Не влипну, — серьёзно возразила я. — Ни один из них не заберётся мне под кожу так глубоко, как Даярам. Без доверия такого не бывает, а доверия у меня нет, и вряд ли появится в ближайшем будущем.

— У меня — тоже, — вздохнула Изабелла. — Но я доверяю тебе, а ты — мне, ведь так?

Я чмокнула её в щёку.

Немного повалявшись на пляже, мы отправились на пристань Хейвлок № 1 — провожать *pinche chinos*. Прощание получилось трогательным. Обнявшись со всеми по очереди, мы пожелали им счастливого пути, а Генри — долгих и счастливых лет супружества. Потом Изабелла страстно поцеловала явно огорчённого предстоящей разлукой Ника, а я вручила Льюису гигантский манго, чуть не пробивший крышу бунгало.

— Это — тот самый? — улыбнулся он.

Я кивнула.

— Выращу из него дерево, — шутливо пообещал Льюис и, притиснув меня к себе, прошептал:

— Позвони мне, ладно? Пожалуйста.

Но я лишь молча прильнула губами к его губам.

Вернувшись в наше бунгало, мы с Изабеллой, решили провести остаток дня спокойно и по-настоящему расслабиться. После массажа в спа-центре здесь же на острове, поплескались в море, потом поужинали и расположились на террасе — любоваться закатом. Без *chinos* было скучно, и мы рано отправились спать. А на следующий день — сбор чемоданов, Порт-Блэр, аэропорт... и вот уже мы с Изабеллой, всхлипывая, обнимаемся и договариваемся созвониться, как только доберёмся домой. После короткой пересадки в Ченнае, я спала почти весь оставшийся перелёт — едва успела привести себя в порядок перед выходом из самолёта. Соскучившийся Эндрю уже ждал в аэропорту.

— Силы небесные, Сурэйя... — горячо зашептал он, обнимая меня. — Не думал, что можешь выглядеть ещё соблазнительнее, но сейчас...

Его ладони обхватили моё лицо, губы с долей исступления прижались к моим, я ласково пригладила его вьющиеся волосы.

— Отдых действительно получился восхитительным. Андаманские острова — настоящий Рай! Я привезла тебе несколько сувениров, надеюсь, понравятся.

— Единственный драгоценный для меня «сувенир» из Рая уже со мной, Пари[26], — в глазах Эндрю светилось обожание. — Но приятно, что ты думала обо мне.

— Отвезёшь домой? — улыбнулась я.

— К тебе? — нахмурился Эндрю. — Я думал...

Но я приложила кончики пальцев к его губам и пояснила:

— Хочу дождаться, пока доставят багаж, принять душ. А потом приеду к тебе.

Эндрю вздохнул и, снова поцеловав меня, согласился:

— Только если обещаешь не задерживаться.

В его машине меня ждал огромный букет удивительно красивых роз нежного персикового цвета. Из-за причудливо сложенных лепестков бутоны напоминали половинку

персика с внутренней стороны, если удалить косточку. От цветов исходил тонкий аромат ванили с нотками сирени. Поймав мой восхищённый взгляд, Эндрю улыбнулся.

— «Роза Джульетты», один из самых прекрасных и редких цветов в мире. Над её созданием селекционер Дэвид Остин работал пятнадцать лет, тем самым доказав, что в стремлении к совершенной красоте время и усилия не имеют значения.

— Спасибо, Эндрю, — вытянув из букета один цветок, я бережно коснулась губами его лепестков.

Эндрю тут же придвинулся и, наклоняясь к моему лицу, едва слышно выдохнул:

— Я так скучал...

Всю поездку он не выпускал меня из рук, а, когда машина остановилась у моего дома, с надеждой спросил:

— Может, поднимусь с тобой?

— В другой раз, — улыбнулась я.

И Эндрю, вздохнув, согласился. Но проводил меня до двери и, поцеловав долгим поцелуем, шепнул:

— Не задерживайся, я жду.

Как хорошо снова оказаться дома! Войдя в квартиру, я бросила на ковёр небольшую дорожную сумку — чемодан должны доставить в течение часа — поставила розы в вазу и, вытащив андроид, набрала номер.

— Добралась? — послышался голос Изабеллы. — И как тебя встретили?

— Нетерпеливо. Как у тебя? Бизнес ещё на месте?

— Куда он денется? Пока в Мехико есть Золотой треугольник[27], будет и бизнес. А ты позвонила своему chino? Думаю, он уже извёлся, ожидая от тебя вестей.

— Ещё не звонила, — я замаялась. — И ещё не знаю, следует ли.

— Вероятно, нет. Но ты всё равно позвонишь. Мне кажется, он зацепил тебя глубже, чем ты готова признать.

— Может, оставишь свой Золотой треугольник и освоишь профессию психолога, mega mega[28]? — рассмеялась я и, услышав звонок в дверь, поспешила закончить разговор:

— Привезли багаж, перезвоню позже!

Всё ещё улыбаясь, открыла дверь... и улыбка мгновенно улетучилась. На пороге стоял Джеймс.

— Привет! — как ни в чём не бывало бросил он. — Можно войти?

— А у меня есть выбор? Откажу — в следующий раз ты войдёшь сам — в моё отсутствие.

— Мог бы сделать это сейчас, — Джеймс неторопливо прошёл в гостиную. — Но решил не травмировать тебя сразу после отпуска. Кстати, выглядишь впечатляюще, загар тебе идёт. Неудивительно, что потрёпанный денежный мешок чуть не проглотил тебя у подъезда.

Раздражённо выдохнув, я захлопнула дверь.

— Знала, что так просто от вас не избавиться! Зачем ты здесь?

— Мне непонятна твоя враждебность, Сурэйя. Мы ведь расстались не врагами.

— И оставались бы не ими, не появись ты после обещания исчезнуть и больше никогда меня не беспокоить!

— Я тебя и не беспокою. Будешь завтра в галерее? Или Рэй так быстро не отпустит?

— Ещё не надоели эти «шутки»? Неужели в Ирландии над таким смеются?

Джеймс покачал головой и с издёвкой уставился на меня.

— Хотел поговорить сейчас, но, вижу, момент неудачный. Слишком взволнована встречей с поклонником? — и, ехидно улыбнувшись, добавил:

— Завтра подъеду к галерее в шесть, как обычно. Будь там.

— Или что? — бросила я уже ему в спину.

— Или приду снова — в твоё отсутствие.

— Что ещё вам от меня нужно? — не выдержала я.

Джеймс обернулся от порога, смерил меня насмешливым взглядом и, не проронив больше ни слова, исчез за дверью. А я рухнула на диван. Хорошего настроения и радости от возвращения — как не бывало. Ирландский ублюдок мог бы подождать со своим появлением хотя бы до завтра! Но нет, заявился сегодня и всё отравил! Визит — явно не его личная прихоть, иначе сказал бы о его цели сейчас. И причина отсрочки — вовсе не в моей якобы неготовности слушать. Просто при разговоре должен присутствовать Чарльз. Неужели снова потребуют от меня «помощи»? Но кто «жертва» на этот раз? Я перебрала в уме всех знакомых — вроде бы ни один не подходит на эту роль... Звонок в дверь прервал мой «мозговой штурм». На этот раз действительно привезли багаж. Сунув посылному купюру, я закрыла за ним дверь и решила до поры оставить за порогом и мучительные догадки о мотивах моих недавних напарников. Наскоро разобрав чемодан и приготовив купленные для Эндрю подарки, я пошла в душ. Больше никаких мыслей о Джеймсе и его неожиданном визите — до завтрашнего вечера.

— Ты действительно не хочешь, чтобы я осталась, Сурэйя? — Бетти, которую я отпустила домой уже полчаса назад, неуверенно теребила в руках сумочку. — Может, помогу тебе разобраться с сегодняшними делами, а потом ненадолго зайдём в бар? Расскажешь об отпуске...

— Сегодня не могу — встречаюсь с Эндрю, — улыбнулась я. — Но идея мне нравится. Как насчёт завтра?

— Конечно, — обрадовалась Бетти и, пожелав мне приятного вечера, удалилась.

А я снова упала за стол и посмотрела на андроид. 17:21. Ненавижу ждать... До сих пор о предстоящей встрече удавалось не думать — ночью и утром отвлёк Эндрю, лично доставивший меня в галерею после завтрака, и уже отсюда отправившийся в свой офис. Потом радостная встреча с Бетти — ей тоже привезла подарки, обмен новостями и накопившиеся, как снежный ком, дела в галерее. Но теперь в тишине вечера я осталась с демоном ожидания один на один. 17:23. Время вообще не движется! Немного помедлив, я открыла «контакты» и, полистав их остановилась на последнем сохранённом: Льюис Тео. Могла позвонить ему в тот же день... или не звонить вовсе. Палец застыл над значком трубки. Что даст этот звонок? Ничего. Просто продление знакомства, у которого нет будущего. Но что я теряю? Тоже ничего. Палец опустил на значок, послышались гудки. Потом щелчок и голос Льюиса:

— Сурэйя? Наконец-то...

Не ожидала, что буду настолько рада его слышать. Вместе с голосом из мобильного словно повеяло беззаботностью волшебных дней и ночей на островах.

— Если хотела проучить меня за самонадеянность, тебе это удалось, — продолжал Льюис. — Был уверен, что позвонишь сразу. Но постепенно эта уверенность перешла в другую — что не позвонишь вовсе.

— До последнего сомневалась, стоит ли.

— Почему? — в голосе Льюиса — искреннее удивление.

— Теперь неважно. И с этого момента мой номер есть и у тебя.

— Попалась! — рассмеялся Льюис.

— Как вы долетели? — поспешила я сменить тему.

— Скучно! Возвращаться из удавшегося отпуска — невесело. А если ещё и смотришь на айфон каждые пять минут, а он всё молчит...

— Пытка да и только!

— Ужасная! А как ты? Как Изабелла? Где ты сейчас?

— Хорошо, хорошо, в галерее, — рассмеялась я. — Надеюсь, не перепутала порядок ответов?

— Отвечала бы так на все вопросы! — съехидничал Льюис.

Смеясь и поддразнивая друг друга, мы болтали, словно по-прежнему лежали в шезлонгах на пляже, покачивались на яхте или потягивали коктейли на террасе бунгало. И я с лёгкой досадой признала, что и мне не хватало общества этого *pinche chino*, вместе с которым провела не так уж много времени... И мысленно осеклась: время! Совсем о нём забыла! Глянула на часы и чуть не застонала: 18:06! Но как прервать разговор, чтобы не вызвать подозрений?

— Льюис, — перебила его на полуслове. — Только сейчас подумала: который у вас час?

— Неважно, — так и представила, как он махнул рукой.

— Вы ведь на несколько часов впереди? У вас уже ночь! Ещё не хватало, чтобы по моей вине ты бродил завтра с тёмными кругами под глазами и взглядом зомби!

— Сурэйя... — рассмеялся он. — Уверяю тебя, сон — последнее, о чём я сейчас думаю.

— Даже не буду спрашивать, о чём думаешь вместо сна! — поднявшись из-за стола, я захлопнула ноутбук.

— Не будешь, потому что наверняка и так догадываешься, — мечтательный вздох на другом конце. — Как бы хотел, чтобы сейчас ты была рядом.

— Я тоже! — бездумно поддакнула я. — То есть, будь мы на острове...

— Не вздумай брать эти слова обратно! — запротестовал Льюис. — Вырвалось то, что, о чём ты думала, но мне говорить не собиралась, да?

Слетев по лестнице, я остановилась посреди тёмного холла, на мгновение потеряв нить разговора. Съели бы крабы Джеймса! А заодно и меня за то, что позвонила Льюису, да ещё и так не вовремя!

— А, если это признаю, согласишься продолжить разговор завтра?

— Знаешь, что шантаж в большинстве стран считается правонарушением? — рассмеялся он.

— Вот истинный юрист! — подойдя к двери, я выглянула на улицу: блэк кэб уже на месте. — Общение с тобой становится опаснее с каждым словом.

— Вовсе нет! На самом деле, юриспруденция — не совсем то, чем я занимаюсь.

— Вот как? — на секунду я даже отвлеклась от созерцания кэба и фигуры за рулём.

— Что это? Неужели интерес ко мне? — оживился Льюис. — Тогда действительно стоит прерваться до завтра — может, до следующего звонка будешь думать обо мне чаще!

— Гадая о твоём роде занятий? Будь это что-то интересное, наверняка бы уже проговорился. Но, так и быть, сделаю вид, что заинтригована.

— Вот оса! — возмутился Льюис, но тут же мягко произнёс:

— Я очень рад, что ты позвонила, Сурэйя. И теперь, как ты и сказала, у меня тоже есть

твой номер. Спокойной ночи, gabacha.

— И тебе, chino, — не удержалась я.

Смех Льюиса на другом конце, и тишина — он отключился. А я, глубоко вздохнув, шагнула за порог. Задержалась почти на пятнадцать минут... Сев в кэб рядом с Джеймсом, даже собиралась извиниться, но он, на меня и не глянув, снисходительно проронил:

— Не могла наговориться с Рэем? — и извиняться я тотчас передумала.

— Мне кажется, или у тебя какой-то нездоровый интерес к моим отношениям с ним?

— Кажется, — хмыкнул Джеймс, и кэб сорвался с места.

Но приехали мы вовсе не в особняк, где встречались с Чарльзом обычно, а в уютный окружённый садом коттедж. Горничная провела в гостиную, где с одного из кресел навстречу нам поднялся Чарльз.

— Сурэйя, дорогая! Выглядишь, как всегда, обворожительно! Хорошо отдохнула?

Обняв, он собирался поцеловать меня в щёку, но я отстранилась.

— Почему я здесь?

Чарльз расцвёл совершенно обезоруживающей улыбкой.

— По моему приглашению. Надеюсь, не откажешься с нами поужинать?

— У меня планы на вечер, — соврала я.

По лицу Джеймса пробежала ехидная ухмылка, но Чарльз продолжал излучать доброжелательность.

— Я не настаиваю, Сурэйя, но буду благодарен, если останешься. Мой повар может сотворить из стейка или лосося настоящее чудо. И я приготовил лучшие вина...

— Для чего это всё? — прервала его я.

Улыбка Чарльза угасла, в голос вернулась жёсткость опытного дельца:

— Наше знакомство началось...

— С шантажа, — подсказала я.

— Да, — согласился Чарльз. — И мне жаль, что нам с Джеймсом пришлось прибегнуть к крайним мерам. Сейчас ты раздражена, и я это понимаю. Но разговор, ради которого я пригласил тебя, не должен проходить в такой враждебной обстановке. Поэтому надеюсь, ты останешься на ужин и хотя бы немного расслабишься. Тогда, возможно, выслушаешь меня с меньшей предубеждённостью.

Я поймала себя на мысли, что мне любопытно узнать, о чём будет разговор, и Чарльз это понял. Галантно подставил локоть и улыбнулся:

— Прошу. Стол уже накрыт.

Талант повара Чарльз не преувеличил, еда была изумительной, но атмосфера — напряжённой. Чарльз, как мог, поддерживал разговор, но сидевший напротив меня Джеймс за весь ужин не произнёс ни слова, а я отделялась односложными ответами. Наконец, после десерта — таявшего во рту чуда с поэтическим названием «Снежная орхидея», Чарльз сделал глоток виски и посмотрел на меня.

— Время для разговора? — догадалась я.

— Да, хотя я и надеялся, ужин приведёт тебя в лучшее расположения духа.

— Твой повар — действительно волшебник, — сдержанно проговорила я.

Чарльз снова отпил виски и, видимо решив идти до конца, начал:

— Я так и не выразил тебе моё восхищение, Сурэйя. Операцию ты провела блестяще и почти самостоятельно, хотя в нашем бизнесе — зелёный новичок. Наблюдая за тобой, я не мог не думать, что могло быть, стань ты профессионалкой. Внешность, манеры,

изобретательность, способность сохранять хладнокровие в критических ситуациях — все задатки, чтобы стать в нашей профессии непревзойдённой.

— В вашей профессии?

— Воровстве и продаже краденого, — подал голос Джеймс.

Я рассеянно посмотрела на него.

— Хотите, чтобы...

— ...ты работала с нами, — закончил фразу Чарльз. — Не торопись отвечать. Подумай. Это — мир гигантомахии: большие деньги, большие связи и большой риск. Он — не для всякого и, если поймёшь, что и не для тебя, уйдёшь в любой момент. Ни я, ни Джеймс не будем тебе мешать. Но, если останешься, мы обучим тебя всему, что знаем, а это немало. Все заработанные нами суммы делятся поровну. Мы никогда не рискуем понапрасну и проводим операцию, только когда уверены в её успехе. Конечно, опасность провала есть всегда, но я в этом бизнесе уже не один десяток лет, и подобного со мной не случилось.

Чарльз замолчал, и повисла тишина. Собираясь на эту встречу, я была готова к чему угодно, только не к тому, что мне предложат карьеру аферистки на постоянной основе. Но...

— Для чего это мне?

— Я ждал этого вопроса, — улыбнулся Чарльз. — Чаще всего в наш бизнес идут ради денег. Иногда — чтобы доказать всем, включая себя, что стоят бóльшего, чем в них привыкли видеть. Но есть и ещё одна категория людей. Они умны, любопытны и очень непостоянны. Им не нужны ни деньги, ни признание, а ужаснейший кошмар для них — рутина. Эти люди ввязываются в самые отчаянные авантюры просто из любви к приключениям.

— Хочешь сказать, я — одна из них?

— Я ничего не хочу сказать, Сурэйя. Никто не знает тебя лучше тебя самой. Я лишь предлагаю то, что предлагаю. Как к этому отнестись — твоё решение.

Улыбнувшись ничего не выражающей улыбкой, я поднялась из-за стола.

— Спасибо за ужин, Чарльз.

В кэбе царило молчание всю поездку обратно. Джеймс не отрывал глаз от пустой дороги и, казалось, вовсе забыл о моём присутствии. Но, когда затормозил возле подъезда, я не выдержала:

— Ты знал, что Чарльз собирается мне это предложить, и ничего не сказал?

— Кому? Тебе?

— Чарльзу. Ты считаешь меня изнеженной, был против моего участия во всём этом с самого начала и... Чарльз всё-таки приглашает меня в команду? Или ты в вашем дуэте совсем ничего не решаешь?

— Какая тебе разница? Если всё равно не собираешься принимать предложение.

— Кто сказал, что не собираюсь? — съязвила я.

— Кто сказал, что я был против?

— Ты сам, — я даже чуть подалась вперёд. — Ты ведь уверял, что не хотел вовлекать меня в аферу с картиной.

— Тогда не хотел, — уклончиво ответил Джеймс.

— Может, хватит этой игры в слова?

Джеймс, наконец, посмотрел на меня, в глазах — насмешливость.

— Что именно ты хочешь услышать, Сурэйя?

— То, что ты хочешь сказать, но не говоришь.

Его лицо стало неожиданно серьёзным, немигающий взгляд не отрывался от моих глаз.

— У тебя есть потенциал — в этом я согласен с Чарльзом. Очень вероятно, с тобой наши доходы возрастут, а операции станут более дерзкими и сложными — в этом мы с Чарльзом тоже едины. Но ты принесёшь нам проблемы — это не вызывает сомнений у меня и не хочет признавать Чарльз. Стоит ли игра свеч? Я не знаю. Но готов рискнуть, как готов и он.

— Ты говоришь так, будто я уже согласилась, — хотела сказать это просто, но получилось с ехидством.

Но Джеймс уже отвернулся и, включив зажигание, с едва заметной насмешливостью улыбнулся.

— Спокойной ночи, мисс Сурэйя.

Глава 9

— Что ты себе позволяешь, *sabrón!* — я хлестнула остановившегося рядом мужчину ладонью по мгновенно вытянувшемуся лицу. — Думала, это — приличное место, а не рассадник извращенцев!

— М-мадам, я не... — растерянно промямлил он с сильным французским акцентом, но я, топнув ногой, истерично выкрикнула:

— Теперь ещё и в вырез мне тарацишься! *Qué coño, pendejo?!* Где управляющий, менеджер... кто-нибудь, отвечающий за порядок в этом вертепе!

«Вертепом» был роскошный зал *Grand Lisboa*, одного из старейших казино Макао. А «рассадник» — выставка редких масок разных эпох и культур и по совместительству банкет в честь фестиваля Пьяного Дракона. Фестиваль проводят в память о буддийском монахе, по легенде спасшем жителей китайской деревни от злобного чудовища. Почему дракон «пьяный», легенда умалчивает, но фестиваль любят, и изображения драконов встречаются всюду. Разноцветные ящеры «летают» сейчас и по стенам зала — чудо световой инсталляции. Именно из-за этого «чуда» экспонаты выставки окружены лишь невидимыми инфракрасными лучами и чёрными бархатными шнурами-ограждениями вместо витрин, отражаясь в которых, световые драконы слепили бы посетителей. Один из самых редких и ценных экспонатов прямо передо мной — золотая маска с узором из драгоценных камней, ушами, как у Бэтмена, зубами, как у Дракулы, и глазами заболевшего бешенством Бэмби. Я — в вечернем платье и с бокалом шампанского в руке любовалась этим предметом искусства, когда рядом мелькнула фигура, оказавшаяся незадачливым французом.

— Прошу вас, мадам, — он успокаивающе поднял руки. — У меня и в мыслях не было...

— Значит, мне померещилось?! — я мотнула головой на другую маску с длинными выростами вместо волос. — Или, может, это были его щупальца на моей...

— Мэм, сэр, — к нам подскочил полноватый китаец в дорогом костюме. — Я — Бенджамин Лю, управляющий. Нужна помощь?

— Может, оградите гостей от сексуальных домогательств всяких проходимцев? — мой голос повысился ещё на несколько октав.

На нас уже глазели со всех сторон. А француз, поменяв цвет лица с бледно-зелёного на пунцовый, прерывающимся от возмущения голосом выпалил:

— Я не трогал эту ненормальную!

— Теперь я ещё и ненормальная?! — вскинулась я.

— Прошу вас, мэм, успокойтесь, — увещевал меня управляющий.

— Не смейте говорить, чтобы я успокоилась! Меня чуть не изнасиловали! — я угрожающе качнулась к нему, но оступилась и, пошатнувшись, опрокинула ограждение.

Бархатный шнур и моя рука попали в поле защитных лучей, и воздух взорвался от пронзительного воя сигнализации. Я, охнув, отскочила от постамента с маской, гости — кто растерянно заметался, кто испуганно замер, а в зал уже влетел охранник — высокий азиат с одутловатым лицом, небольшим саквояжем в одной руке и уоки-токи в другой.

— Что произошло? — резко спросил он управляющего.

— Случайность, — сокрушённо развёл руками тот. — Эта дама...

— Я ни в чём не виновата! — выпалила я.

Охранник раздражённо выдохнул и направился к постаменту, но внезапно погас свет. В кромешной темноте послышались испуганные возгласы. Я завизжала, выплеснула на кого-то шампанское, в кого-то вцепилась... и зажмурилась, когда свет вспыхнул снова.

— Мэм?..

Оказалось, я вцепилась в управляющего и, тут же отдёрнувшись, выкрикнула:

— Уберите от меня руки!

— Мэм, — он отряхнул пиджак. — Думаю, сейчас вам лучше отдохнуть. Я позову...

— Я провожу её из зала, — подошёл к нам охранник и, глянув на вбежавших в зал коллег, махнул им рукой:

— Всё хорошо, ложная тревога! Одна из посетительниц плохо переносит алкоголь.

— Как вы смеете! — прошипела я. — Требую немедленно вызвать полицию!

— Успокойтесь, — охранник собирался подхватить меня под руку, но я шарахнула его локтем, попыталась лягнуться и не удержалась на ногах.

Он подхватил меня на лету и передал в руки подоспевшим коллегам, которые, не церемонясь, выволокли меня из зала и, несмотря на мои вопли, выпустили только за его пределами.

— Que os chingan, pinche putos![29]

— Мэм, — обратился ко мне вышедший с нами управляющий. — Вам лучше уйти, иначе нам придётся вызвать полицию.

— Pendejos! — злобно процедила я и, вскинув голову, поплыла к выходу.

Такси доставило меня в отель Wynn Palace, похожий на изысканную коробку со сладостями. Я поднялась в свой номер-люкс с видом на поющие фонтаны и, закрыв дверь, неторопливо прошла в роскошную гостиную. В кресле со стаканом виски в руке в небрежной позе развалился охранник с одутловатым лицом.

— Долго же добиралась, — бросил он.

— Зато ты исчез, будто бесплотный гуй[30].

Усмехнувшись, он встал. А я, опустившись в соседнее кресло, с улыбкой смотрела, как он наливает виски и протягивает мне стакан.

— Спасибо, Джеки Чан.

— Salud, Фрида Кало, — он звякнул своим стаканом о край моего.

Я глянула на своё отражение в тёмном окне и рассмеялась. Действительно Фрида: монобровь, тёмно-карие глаза, ярко покрашенные и оттого кажущиеся более полными губы и грива чёрных волос. Отхлебнув виски, я сняла парик и пробежалась пальцами по моим природным золотисто-каштановым волосам. Потом вынула линзы и подняла глаза на наблюдавшего за мной «охранника».

— А ты? Теперь таким и останешься?

Он улыбнулся и, отставив стакан, направился в ванную. Я уже успела вновь наполнить наши стаканы и почти опустошить свой, когда из ванной появился слегка взъерошенный Джеймс.

— По-моему, форма глаз у тебя изменилась, — я сделала вид, что приглядываюсь. — Или привык щуриться, пока был «охранником»?

— Нет, пытаюсь рассмотреть, куда делась роскошная мексиканка и откуда вместо неё взялась изнеженная дочь дипломата, — парировал он.

— Как всё прошло? Маска уже в пути?

Джеймс кивнул. В этой операции мы повторили тот же «трюк», что и с картиной Эндрю: подменили оригинал на качественную фальшивку. Я спровоцировала срабатывание сигнализации, а Джеймс сделал так, чтобы в выставочном зале Grand Lisboa погас свет, и в секунды всеобщей паники подменил маски.

— Жаль, что так и не удалось подержать её в руках, — вздохнула я.

— Ещё подержишь, когда вернёмся. Заказчик заберёт её только через несколько дней — до того она будет у Чарльза.

— Я вернусь в Лондон позже.

— Вот как? — в голосе Джеймса — едва заметное напряжение.

— Да, хочу задержаться в Азии, — допив остатки виски, я встала. — Кстати, и на сегодня у меня планы.

— Затяжной звонок с Рэем?

— Ты неисправим, — покачала я головой. — Но в этот раз не угадал. «Дом танцующей воды» — одно из самых феерических шоу в мире. Составишь мне компанию?

— Предлагаешь пойти с тобой смотреть на водный цирк?

— Предпочитаешь остаться в номере и смотреть китайское ТВ?

Джеймс с лёгкой насмешливостью вскинул бровь.

— Что ж, твоё дело, — пожала я плечами.

Уже направилась в соседнюю комнату — переодеться, как вдруг Джеймс небрежно бросил мне в спину:

— Там есть дресс-код?

— Можешь пойти даже в форме охранника, — полуобернулась я. — Она тебе идёт!

Мы занимали соседние номера, и когда Джеймс спустя полчаса вернулся в мой, чтобы вместе отправиться на шоу, я не сдержала восхищённой улыбки. До сих пор видела напарника в костюме всего два раза. И всякий раз отмечала, насколько такой «дресс-код» ему к лицу. Я выбрала платье нежного мятного цвета с атласной юбкой чуть ниже колена и кружевным топом. И мне показалось, в глазах моего кавалера на вечер тоже мелькнуло восхищение, когда я возникла на пороге комнаты.

— Хорошо, что не послушал тебя и не остался в одежде охранника, — съязвил он.

— Почему? По цвету вполне бы подошла, — я подхватила его под локоть. — Такси уже ждёт.

Несколько месяцев прошло с того памятного ужина у Чарльза, когда мне предложили карьеру профессиональной аферистки. Я продержалась около двух недель, убеждая себя, что предложение мне абсолютно неинтересно, хотя в глубине души в тот же вечер знала, что в конечном итоге скажу «да». Этот неведомый мир действительно манил и будоражил. То, что обещал Чарльз, и что я сама испытала, пока планировала аферу с картиной Эндрю, так сильно отличалось от всего, с чем я выросла. Меня никогда не тяготили приличия и условности,

которые нужно было соблюдать сначала из-за положения отца, потом — уважаемого в Дели супруга. Но только теперь, примеряя маску за маской, бросая вызов законам и неразборчивым в средствах толстосумам — чванливым владельцам редких ценностей, я чувствовала себя по-настоящему свободной. Мой карнавал продолжался, и его безумная пляска затягивала меня всё больше. За эти месяцы Чарльз и Джеймс действительно научили меня многому — даже довольно сносно стрелять. Мы провели несколько доходных и весьма дерзких «операций». Я занималась галереей, встречалась с Эндрю, уже несколько раз заговаривавшим о переезде к нему, и с Льюисом, общение с которым становилось всё более близким и доверительным. Мы созванивались почти каждый день и виделись почти каждый месяц. Правда, пока на «нейтральной» территории — в Вашингтоне, где Льюис проводил много времени из-за работы, а также на Гавайях, Тенерифе и в Сеговии, где я встречалась с заказчиками. Сейчас Льюис был в Сингапуре — прилетел на празднование дня рождения своей бабушки, и, собираясь на «операцию» в Макао, я предложила вернуться и к нему на остров. Льюис откликнулся на предложение даже с бóльшим энтузиазмом, чем я ожидала, так что я планировала вылететь в Сингапур следующим вечером и остаться там дней на пять. Эндрю в эти же дни встречался с партнёрами в Нью Йорке — всё складывалось как нельзя лучше. Посещение «Дома танцующей воды» я тоже планировала заранее, и на всякий случай заказала два билета, хотя не была уверена, что Джеймс захочет пойти со мной. И уж совсем не ожидала, что ещё и приоденется ради такого случая!

— Шоу ведь не было спонтанной идеей? — сидевший рядом со мной в такси Джеймс словно прочитал мои мысли. — И ты ничуть не сомневалась, что я составлю тебе компанию.

— Разочарован, что оказался таким предсказуемым? — улыбнулась я. — Не печалься, всё равно ты — мой любимый кузен.

Он только закатил глаза. Прозвищем «кузен» я дразнила Джеймса довольно часто — после того, как в самом начале нашего сотрудничества предложила представить его в этом качестве моим коллегам и знакомым. Нас ведь могут увидеть вдвоём, так что лучше официально представить Джеймса моему окружению и предупредить все подозрения. Но это полусутоливое предложение вызвало у моего нового напарника нешуточное раздражение — он наотрез отказался быть моим родственником и встречаться с моими знакомыми. Вообще, отношения с Джеймсом складывались довольно странные. Иногда мне казалось, мы неплохо ладим, и он испытывает ко мне что-то вроде симпатии. А иногда не могла отделаться от чувства, что он едва меня терпит. И тогда очень хотелось уколоть его побольнее. Джеймс на все мои шпильки, отвечал неизменной усмешкой и... не менее острыми шпильками. Но в этот вечер его будто подменили.

Шоу проходит в комплексе «City of Dreams» («Город мечты») на острове Котай в специально построенном для этого театре с гигантской сценой-бассейном. Когда такси остановилось перед комплексом, Джеймс, выскочив первым, распахнул передо мною дверцу и протянул руку, чтобы помочь мне выбраться. Раньше он не раз делал нечто подобное издёвки ради. Но теперь на его лице не было и тени глумления, и я с улыбкой вложила свою ладонь в его. Когда мы вошли в немного вычурное фойе театра, он легко толкнул меня плечом.

— Всё ещё будешь утверждать, что одежда охранника пришлась бы здесь кстати?

— В ней ты в любом случае обратил бы на себя внимание, — возразила я. — Но как сейчас — тоже неплохо.

Джеймс уже отвернулся, но я успела заметить пробежавшую по его губам улыбку. Шоу

превзошло все мои ожидания, и, подозреваю, Джеймса тоже не оставило равнодушным. Выйдя из театра после окончания, он небрежно бросил:

— Как насчёт ужина?

— Есть место на примете? — прищурилась я. — Ресторан казино, где снимали фильм о твоём тёзке Бонде?

— Казино «Плавающий дракон» в «Скайфолл»? — усмехнулся Джеймс. — Его не существует. Есть что-то наподобие, называется «Плавающий дворец». Но это — не то, куда следует приглашать, если хочешь произвести впечатление.

— А ты хочешь произвести на меня впечатление? — вскинула я брови.

— Шоу оказалось интереснее китайского ТВ. А я не привык оставаться в долгу.

— Что ж, тогда — умираю от голода, — улыбнулась я.

Выбранный Джеймсом ресторан действительно оказался необычным. Обстановка и одежда официантов напоминали период Опиумных войн[31]. На небольшой сцене пела девушка в алом ципао и с красным цветком в волосах. Оглядевшись, я одобритительно кивнула.

— Квиты! Тебе удалось меня впечатлить.

— И это оказалось легче, чем я думал, — съехидничал Джеймс.

— Откуда тебе известно об этом месте? — проигнорировала я шпильку. — Уже был в Макао?

— Да.

— С Чарльзом?

Джеймс ухмыльнулся.

— Неужели с дамой? — не поверила я. — Кстати, мне показалось, или у дочери вашего клиента... Поппи, да? — были на тебя определённые виды?

— Не показалось, — во взгляде Джеймса мелькнула насмешка. — Но я не спешу отвечать тем же всем, у кого на меня виды.

— Если снова имеешь в виду Эндрю... — начала я, но Джеймс меня перебил:

— Это — не моё дело. Наверное, меня просто удивляет, что всё оказалось серьёзнее, чем можно было ожидать.

— Я больше не верю в «серьёзность», Джеймс, — возразила я и, сделав вид, что не замечаю его острого взгляда, раскрыла меню. — Если уж был здесь раньше, что посоветуешь?

Еда и вино оказались выше всяких похвал, а общество Джеймса... неожиданно приятным. До сих пор всё наше общение сводилось к обсуждению предстоящих операций и обмену колкостями. Сейчас же, просто разговаривая и беззлобно подшучивая друг над другом, мы впервые общались, как партнёры или даже друзья. После ужина я предложила немного прогуляться — не хотела, чтобы этот вечер уже закончился. Зябко поёжилась от налетевшего порыва ветра, и удивлённо воззрилась на Джеймса, накинувшего мне на плечи свой пиджак.

— Не ожидала, что «наследственный террорист» способен поделиться одеждой? — с лёгким ехидством спросил он.

— Что-то вроде.

Джеймс выдержал паузу и, как бы нехотя, признался:

— Мой дед никогда не был в ИРА.

— Зачем ты тогда... Хотел меня напугать?

— Просто подыграл сложившемуся об ирландцах стереотипу.

— Не об ирландцах, — поддразнила его я. — О тебе. Ассоциации с Ирландией — гиннес, рагу и «Lord of the Dance»[32]. Но ты...

— «Lord of the Dance»! — фыркнул Джеймс, пропустив шпильку мимо ушей. — Если хочешь увидеть настоящий ирландский танец, нужно идти в настоящий ирландский паб. Кстати, такая возможность скоро представится. Цель нашей следующей операции — Дублин.

— Хотите украсть золото у лепреконов?

— Что-то вроде, — передразнил меня Джеймс. — Когда вернёшься из своего путешествия по Азии, получишь все сведения.

— Я не против — побывать в настоящем пабе и посмотреть на настоящие ирландские танцы, — улыбнулась я. — Тогда выбор ресторана — за мной?

— Чтобы ирландец доверил одной из *finngenti* такой важный выбор! — хмыкнул Джеймс.

— *Finngenti*?

— Белокожие язычники, — перевёл он.

— Кто бы говорил, потомок богини Дану[33]! — фыркнула я, и Джеймс улыбнулся.

Уже прощаясь возле номера, я протянула ему пиджак.

— Спасибо, что поделился одеждой. И за приятный вечер. Буду рада повторить его в Дублине.

— До Дублина мы, наверное, увидимся в Лондоне, — как бы между прочим проронил он. — Или собираешься остаться здесь надолго?

— Дней на пять. И не «здесь». Отсюда полечу в Тайбэй, оттуда — в Гонконг, — не хотела, чтобы Джеймс знал, куда собираюсь на самом деле.

— Тогда время до Дублина ещё останется, — в необычных глазах Джеймса мелькнул едва заметный огонёк. — А если нас увидят вместе...

Настойчивое гудение моего мобильного — и Джеймс замолчал на полуслове, а лицо мгновенно приняло обычное отчуждённое выражение.

— Наверное, Рэй, — он кивнул на мою сумочку, из которой раздавался звук. — Спокойной ночи.

И, не оглядываясь, направился к своему номеру. Но звонил не Эндрю. Закрыв за собой дверь номера, я нажала на зелёную кнопку и улыбнулась появившемуся на экране мобильного Льюису.

— Неужели ещё не спишь?

— Конечно, нет! Надеюсь, позвонишь, — он скользнул восхищённым взглядом по моему платью. — Вот это да! Встречалась с главой Макао?

— С ним, королём Карлом и несколькими махараджами, — поддакнула я. — Уже начинаешь ревновать?

— Ревность и я — несовместимые вещи, — рассмеялся Льюис. — Доверие или есть или его нет.

Фраза заставила меня мысленно поморщиться, но внешне я сохранила улыбку.

— Жаль, нельзя ускорить время, чтобы завтра уже наступило, — вздохнул Льюис. — Я так соскучился. Поскорее бы тебя обнять.

— Самолёт приземлится в...

— ...шесть вечера, — подхватил Льюис. — Помню и буду в аэропорту. Расскажи, чем занималась сегодня.

Я улыбнулась шире.

— Была на выставке масок в казино Grand Lisboa. Потом на шоу «Дом танцующей воды». Ты знал, что Макао, показанного в Бондиане, на самом деле не существует?

Мы болтали ещё около часа. А, ложась в постель, я поймала себя на мысли, что, пожалуй, тоже соскучилась по «pinche chino» и с не меньшим нетерпением жду момента, когда он меня обнимет.

— Наш самолёт приступил к снижению и через двадцать минут совершит посадку в аэропорту Чанги города Сингапура.

Я слабо вздрогнула — несмотря на недолгий полёт успела задремать, и теперь, достав сумочку, начала приводить себя в порядок. Когда шасси коснулись земли, бросила контрольный взгляд в зеркальце и невольно улыбнулась. Не помню, чтобы, готовясь к встрече с Эндрю, замечала у себя такой сияющий взгляд. Осталось дожидаться, когда нас пригласят к выходу. Спрятав зеркальце, я вытащила мобильный, отключила режим полёта и нахмурилась — пропущенный звонок от Джеймса. Распрощайшись с ним вчера, больше его не видела. Утром хотела пригласить на завтрак, но Джеймса в номере не оказалось. До моего вылета он так и не появился, зато позвонил, пока я была в воздухе — словно подсознательно выбирал самый неподходящий момент! Но лучше перезвонить сейчас — потом будет не до него. Джеймс отозвался не сразу. Я уже собиралась отключиться, когда услышала его голос:

— Где ты?

— Здравствуй, Джеймс. Надеюсь, не побеспокоила? Можешь сейчас говорить? — с лёгким ехидством отозвалась я.

Но он не отреагировал на шпильку.

— В отеле сказали, ты уже выписалась. Мне не говорила, что улетаешь сегодня.

— Ты и не спрашивал. Просто исчез без предупреждения.

— Не ожидал, что будешь меня искать, — теперь и в его голосе — неприкрытое ехидство.

Но мне было не до взаимных шпилек — пассажиров уже пригласили к выходу, и я миролюбиво проговорила:

— Хотела позавтракать вместе, но в этот раз не случилось. Ты звонил. Что-то срочное?

Секундное молчание на другом конце, потом короткое:

— Нет. Сообщи, когда будешь в Лондоне, — и отключился.

Пожалуй, мы никогда по-настоящему не поладим. Только начинает казаться, в «железном Джеймсе» есть что-то человеческое, он тут же разбивает эти иллюзии. Раздражённо выдохнув, я поднялась с кресла. Всё, больше о нём не думаю! И, едва оказалась в здании аэропорта, действительно забыла не только о Джеймсе — обо всём.

Недаром Чанги называют самым красивым аэропортом в мире. Прогулявшись по нему, начинает казаться, что попала на другую планету — где ещё аэропорты могут похвастать бассейнами, кинотеатром и оранжереей с бабочками, гигантским падающим с потолка водопадом и многоярусными садами?

— Сурэйя!

Восхищённо оглядываясь по сторонам, не сразу заметила Льюиса, вылетевшего ко мне откуда-то сбоку.

— Лью... — начала я, но он уже притиснул меня к груди и тихо выдохнул:

— Наконец-то... Как долетела?

— Спала почти весь полёт.

Льюис чуть отодвинулся, заглядывая мне в глаза, по губам промелькнула лукавая улыбка.

— Значит, отдохнула и полна сил?

— Готов предложить что-то интересное? — вскинула я бровь.

Льюис рассмеялся и, обхватив ладонями моё лицо, прижался губами к моим.

— Как же я соскучился... А ты?

Я с улыбкой погладила его по щеке.

— Заедем в отель? Я зарезервировала номер в Марина Бэй...

— Номер?! — округлил глаза Льюис. — Я же говорил, у меня в Сингапуре — квартира. Как тебе пришло в голову? В Вашингтоне ведь всегда останавливалась у меня!

— Это — другое. Здесь — твой дом, ты приехал на семейное торжество. Просто не хочу лишний раз путаться...

— Нигде ты не путаешься, — подхватив одной рукой чемодан, другой — меня, Льюис поволок нас к выходу. — А на семейном торжестве будешь со мной, так что...

— С тобой? — ужаснулась я. — На праздновании дня рождения твоей бабушки? У меня и подарка нет! Твои родители хотя бы знают, что...

— Как раз всем тебя и представлю! — Льюис крепче стиснул мою талию. — Всё складывается просто чудесно!

Этого я не ожидала. По телефону Льюис даже вскользь не упоминал, что собирается представить меня семье, и я совершенно не была к этому готова. Да и зачем? Мы ведь просто проводим время вместе, без каких-либо обязательств. Льюис истолковал моё замешательство по-своему:

— Не волнуйся, они будут без ума от тебя, как и я. Вот увидишь!

Я лишь рассеянно улыбнулась. Льюис помог мне вскарабкаться на сидение Jeep Wrangler с откидным верхом, запрыгнул на другое и, ухнув мне на колени огромный букет из белых роз и розовых орхидей, завёл мотор.

— Голодна? Завезём вещи ко мне, а потом поужинаем в Китайском квартале. Весь квартал — один большой стол. Вечером зажигаются фонари, включают плитки и жаровни, на середину улицы выставляют столики и начинается пир! Ты знала, что Сингапур — единственное место на земле, где торговцы уличной едой получают мишленовские звёзды? Обязательно заглянем к одному-двум таким!

То и дело поглаживая меня по колену, он не замолкал ни на секунду, рассказывая о родном острове:

— Это — настоящий рай на земле, здесь столько парков и скверов! Хочешь, завтра возьмём велосипеды и поедem в Ботанический сад? А те два стеклянных купола видишь? Это — оранжереи: «Дом цветов» и «Облачный лес», там собраны растения и цветы со всего мира! А вон и «Супердеревья», — он ткнул пальцем на гигантские подсвеченные конструкции с мохнатыми стволами, сильно смахивавшие на растения с планеты Пандора в «Аватаре». — На самом деле это — солнечные батареи и резервуары для сбора дождевой воды. В один из вечеров сходим на «Садовую рапсодию» — световое шоу в деревьях, тебе понравится! А ещё есть шоу «Песни моря», но это уже с фонтанами.

— Кажется, дней моего пребывания здесь не хватит, чтобы всё увидеть, — улыбнулась я.

— Не хватит, — согласился Льюис. — Но тогда, может, захочешь вернуться как можно скорее?

— А когда праздник в честь дня рождения твоей бабушки?

— В субботу.

— Времени совсем мало, — вздохнула я. — Она любит живопись? Есть какие-то предпочтения?

— Собралась дарить ей картину? — Льюис потрепал меня по щеке. — Сурэйя, не беспокойся о подарке. Он совершенно не обязателен.

— У нас не принято приходить в чужой дом, тем более на день рождения, без подарка.

Льюис бросил на меня острый взгляд.

— У вас в семье? Или в Эмиратах? Ты ведь говорила, твои родители живут в Дубае?

Досадный прокол — упомянуть о русской традиции, выдавая себя за уроженку Дубая. Кажется, с Льюисом я начинаю терять чувство осторожности.

— Это — дурной тон, с какой стороны ни посмотри, — я тоже погладила его по колену. — Ну так что ей нравится?

Льюис начал рассказывать про бабушку, родителей, младшего брата — пока мы не въехали на подземную парковку одного из небоскрёбов. Лифт поднял нас сразу в занимаемый Льюисом пентхаус, и я одобрительно кивнула.

— Кристиан Грей сошёл бы с ума от зависти.

— Кто? — недоумённо нахмурился Льюис.

— Неужели не слышал об этой мечте всех недалёких женщин? — рассмеялась я. — Кажется, теперь нравишься мне ещё больше!

— Правда? — он тут же сплёл вокруг меня руки и горячо прошептал:

— Ты очень голодна?

Обняв за шею, я легко прикусила мочку его уха.

— Сам как думаешь?

И Льюис с готовностью впился губами в мои. А я, совсем как в нашу первую совместную ночь на Хейвлоке, обхватила ногами его торс и скользнула ладонями под рубашку.

Глава 10

Меня разбудили запах кофе и ощущение, что уже очень поздно. Рывком приподнявшись и полуобернувшись, я наткнулась взглядом на посапывавшего рядом Льюиса, уютно приобнявшего меня за плечи. Разбуженный моими движениями, он тоже зашевелился и, приоткрыв глаза, улыбнулся.

— У тебя такой вид, будто сейчас сюда войдёт твой ревнивый муж, — развернув к себе, он мягко прильнул губами к моим. — Не бойся, не отдам тебя никому.

— Льюис... — я чуть отодвинулась. — Мне кажется, или пахнет кофе?

Он раздосадованно выдохнул.

— Забыл сказать Керри, чтобы сегодня не приходила...

— Твоя ревнивая жена? — прищурилась я.

Льюис рассмеялся.

— Любовница. Жену отослал подальше от Сингапура на время твоего визита, — и, снова притянув к себе, заскользил губами по моей шее.

Керри — невысокая филиппинка, следившая за квартирой Льюиса в его отсутствие и

иногда готовившая ему завтраки, когда он присутствовал. За последнее я была особенно благодарна, несмотря на ворчание Льюиса, собиравшегося отвести меня на завтрак в «настоящему впечатляющее место».

— Так же, как вчера отвёл в Китайский квартал? — я толкнула его коленом под столом, и Льюис тут же стиснул мои колени своими.

— Что-то не помню, чтобы ты очень настаивала!

На самом деле, когда мы выбрались из спальни, ехать в Китайский квартал уже не имело смысла. Льюис, как образцовый хозяин, сделал «фирменные сэндвичи Льюиса» — уже пробовала этот «шедевр» кулинарного искусства, когда навещала его в Вашингтоне. Потом вывел меня на просторную террасу — показать ночной город... но оттуда мы опять очень быстро попали в спальню.

— Если так будет продолжаться, из всего великолепия расхваленного тобою «рая на земле» я увижу только его ночную панораму — с твоей террасы, — шутливо пожаловалась я.

Но после завтрака, мы всё же вышли в город, совершенно очаровавший меня с первых минут. Строения, похожие на декорации к фантастическому фильму о будущем, обилие зелени, невероятная для мегаполиса чистота и расслабленные никуда не спешащие люди.

— Ты прав, — улыбнулась я шедшему рядом Льюису. — Это действительно Эдем или что-то очень на него похожее.

Льюис чмокнул меня в висок.

— Сейчас посмотрим на Мерлиона, и — напрямик в Китайский квартал!

Мерлион, существо с телом рыбы и львиной головой, считается покровителем Сингапура. Почти десятиметровая скульптура этого чуда — главный символ города. Налюбовавшись статуей, смахивавшей на морского конька, мы отправились в Китайский квартал, поражающий обилием красок и аппетитных запахов. Я с любопытством оглядывалась по сторонам... и невольно замедлила шаг. Впереди пестрело разноцветными статуями необычное для китайского антуража здание, всколыхнувшее во мне самые противоречивые воспоминания. На статуях — чалмы, яркие сари, много украшений...

— Это Шри Мариамман — старейший индуистский храм, — Льюис потянул меня ко входу. — Заглянем внутрь? Такого ты точно не видела!

Но я поспешно отёрнулась, чувствуя, как кровь отливает от лица. Из храма вышел высокий мужчина в светлой одежде. Густые слегка вьющиеся волосы, уверенная походка, чуть приподнятый подбородок — будто он смотрит на весь мир свысока. Несколько бесконечных секунд я боролась с захлестнувшей меня паникой, прежде чем поняла: это — не Даярам, а просто незнакомый мужчина, до абсурда похожий на него фигурой и манерой держаться.

— Что с тобой? — с беспокойством спросил Льюис. — Ты будто призрак увидела.

Он оглянулся на мужчину, прошедшего мимо и даже не посмотревшего на нас, и опять перевёл взгляд на меня.

— Сама не знаю, — я выдавила улыбку. — Наверное, слишком много впечатлений. Может, зайдём куда-нибудь поедим? Как ты назвал то типичное для Сингапура блюдо?

— Сатэй, — в глазах Льюиса застыло напряжение, словно он пытался заглянуть в моё сознание. — Хорошо, идём. Я знаю, где его готовят лучше всего.

Но только мы оставили храм позади, Льюис резко остановился и раздражённо вздохнул.

— Ну что за... Просил же, чтобы подождали!

К нам довольно шустро двигалась группа, приветственно махавшая руками. Я узнала

Ника, Генри, Стивена — *pinche chinos* с Андаманских островов, с ними нескольких незнакомых парней и девушек.

— Сказал им, что встретимся позже — сначала хотел побыть с тобой, — раздосадованно пробурчал Льюис. — Но Генри разболтал всем любопытствующим, что мы собираемся в Китайский квартал — и пожалуйста! И как только нашли!

— Кружили вокруг всех туристических достопримечательностей, — подмигнул подоспевший Генри и раскрыл мне объятия. — Сурэйя, рад тебя видеть! А это — моя жена, Аманда.

— Так вот с кем ты спал в одной постели? Приятно познакомиться, Сурэйя! — миловидная китайка обняла меня вслед за супругом.

— Генри, наверное, умолчал, что в постели с нами был ещё и Чичо, — улыбнулась я.

— Его уже нет, — девушка брезгливо тряхнула пальчиками. — От него было столько шума, я его выпустила.

— А мне сказала, он открыл клетку клювом и улетел! — возмутился Генри.

Я по очереди обнялась с приятелями-андаманцами, познакомилась с остальными, посочувствовала Нику, что Изабелла так и не дала о себе знать, пообещала передать ей привет... и очень порадовалась, что шумная компания появилась так кстати.

К моменту, когда, заняв два столика в одной из улочек, мои старые и новые знакомые усадили столики тарелочками, мисочками, чашечками и подносиками с едой, Льюис уже весело смеялся, то и дело приобнимал меня и казался совершенно счастливым.

— У вас ведь всё серьёзно? — шепнула севшая рядом со мной Аманда. — Не помню, когда в последний раз видела Льюиса таким. Но его семья очень и очень влиятельная. На Льюиса здесь у многих виды. В общем, будь осторожна с Дженис, Беатрис и Камиллой, — она повела глазами в сторону трёх щебетавших, словно экзотические птицы, девиц. — Я сама — из Гонконга и не подозревала, в какую змеиную яму попаду, начав встречаться с Генри.

Час от часу не легче! Мало того, что вызвала подозрения Льюиса, оцепенев возле храма, так теперь ещё и вступать в дразги с местной элитой! От меня не укрылись взгляды, которые бросали сингапурские стервочки. Правда, из-за них я не переживала: выросла в окружении ос пострашнее — одни подружки моей матери и их дочери чего стоили! Беспокоило меня другое: «У вас ведь всё серьёзно?»... До сих пор мне и в голову не приходило рассматривать отношения с Льюисом, как нечто серьёзное. Но сейчас эта фраза жены его друга, намерение представить меня семье... Я посмотрела на Льюиса, опустившегося на стул рядом и подвинувшего мне тарелку с маленькими шашлычками на палочках.

— Это — сатэй, попробуй, — он поднёс один шашлычок к моему рту.

Улыбнувшись, я откусила кусочек, восхитилась вкусом. Рассмеялась, когда Льюис под общий хохот проглотил кусочек краба, который я подцепила палочками для себя... и вдруг поняла: кажется, мы с Льюисом оба «влипли», как это однажды назвал Джеймс. На мгновение открытие меня ошарашило, но я тут же себя успокоила. Взаимная привязанность ведь не делает нас супружеской парой! Льюис доволен своей жизнью в Вашингтоне, я своей — в Лондоне. Пока эти два мира не пересекаются, мы можем вполне счастливо сосуществовать и... время от времени встречаться в том же Сингапуре! Тем более, что город нравился мне всё больше.

Стараясь больше не поддаваться тревожным мыслям, я полностью сосредоточилась на приятных, связанных с Сингапуром и его достопримечательностями. Мы с Льюисом всё же

покатались на велосипедах в Ботаническом саду, погуляли по необычному «Мосту ДНК», вдоволь подурачились в музее Оптических Иллюзий на острове Сентоза, трижды обошли и окунули руки в Фонтан Богатства — по местной примете, после таких манипуляций достаток и благополучие обеспечены если и не на всю жизнь, то надолго. Льюис казался воплощением счастья и беспечности, но я не могла отделаться от ощущения, что, прилетев в Сингапур, пересекла какую-то грань в наших отношениях, пересечь которую была ещё не готова. Это ощущение усилилось, когда в назначенный вечер Льюис и я прибыли в семейный особняк Тео. Похожее на резиденцию китайских императоров строение утопало в зелени.

— Ты ведь здесь вырос? — повернулась я к Льюису. — И как вы друг друга находите в этом Запретном городе? По GPS?

Льюис рассмеялся и, стиснув мою ладонь, прижал её к губам.

— Я очень рад, что ты увидишь, где я вырос. И что все, кто меня вырастил, увидят тебя. И, если ещё не говорил, выглядишь ослепительно.

— Не говорил — последние минут пять, — улыбнулась я. — Но рада, что тебе нравится.

Льюис тоже выглядел очень эффектно в белом костюме. Мне ради «ослепительности» пришлось пробежаться по магазинам — в компании Аманды. Девушка без умолку болтала про семейство Тео и их влияние в Сингапуре, так что к выбору наряда я подошла со всей серьёзностью. А, увидев лицо Льюиса, когда, одевшись для вечеринки, вышла к нему, решила, что старания были не напрасны. Восхищённо выдохнув, он только развёл руками, и прошептал:

— Кажется, я ослеп... Но прежде успел влюбиться в тебя заново.

Для «очень и очень влиятельного» сингапурского общества я выбрала лёгкое золотистое платье в пол и с открытой спиной. Из украшений — бирюза, оттеняющая цвет моих глаз. И свободно падающие на плечи волосы. И с подарком всё сложилось удачно. Расспросив Льюиса о предпочтениях его бабушки, я позвонила Бетти, чтобы она оформила покупку и переслала экспресс-почтой картину молодого и очень талантливой экспрессиониста, работать с которым мы начали совсем недавно. Увидев её, Льюис недоверчиво покачал головой.

— Как ты сумела настолько угадать бабушкин вкус?

Я улыбнулась, немного жалея, что больше не увижу картину в галерее. Она очень нравилась и мне. Через всё полотно по диагонали бегут несколько обезьян. Вокруг них — зелень джунглей и яркие тропические цветы. Но обезьяны, тёмные пятна на фоне этой пестроты, всё равно притягивают взгляд необычайно осмысленным выражением изумительно прорисованных мордочек. При взгляде на картину, кажется, слышишь шелест ветра, шорохи тропического леса и пронзительные голоса обезьян. От всей композиции веет безмятежностью солнечного дня.

Сейчас картина лежала на заднем сидении машины, и, выбравшись в открытую Льюисом дверцу, я кивнула на лакея, тотчас подошедшего, чтобы отогнать машину в гараж.

— Попросишь его передать картину по назначению?

Льюис произнёс несколько слов на китайском и, улыбаясь, повернулся ко мне.

— Ну что, готова встретиться с моей семьёй?

Я подхватила его под локоть.

— Ну нет! — рассмеялся Льюис и обнял меня за талию. — Тогда уж так!

Внутри особняк оказался не менее впечатляющим, чем снаружи: своеобразная смесь викторианского стиля, азиатских традиций в виде шёлковой обивки стен и напольных

китайских ваз и современности — ультрамодной подсветки и мебели. А ещё множество гостей в вечерних туалетах и певица с мини-оркестром. Переступив порог, я поёжилась от невольных воспоминаний. Роскошный особняк, гости, музыка... сколько таких вечеров проходило в резиденции Варма, где я была сначала гостьей, потом хозяйкой...

— Тебе нравится? — ладонь Льюиса скользнула по моему бедру.

Я изобразила восхищённую улыбку, и Льюис, не убирая руки с моей талии, повёл меня мимо разодетых гостей в глубь дома.

— Начнём с родителей.

Мистера и миссис Тео можно было описать одним словом: аристократы. Стильные, сдержанные, с очень прямой осанкой. Я поздоровалась, как здоровалась с китайскими посланцами на приёмах отца, сказала несколько фраз на путунхуа, восхитилась домом и выразила радость от знакомства. И сделала вид, что не замечаю их старания не выдать растерянности и недовольства. Нечто подобное происходило и с родителями Даярама, когда он впервые представил меня им, как свою возлюбленную. Да что со мной? Опять вспоминаю бывшего супруга...

— А это мой младший брат Эллиот, — Льюис указал на миловидного парня. — Бабушка сейчас спустится.

— Чем занимаются твои родители, Сурэйя? — обратилась ко мне миссис Тео.

— Недвижимость, инвестиции, — я небрежно махнула рукой. — Ничего интересного.

— Льюис говорил, они живут в Дубае? — вмешался мистер Тео.

— Да. Но я переехала в Лондон.

— У неё своя галерея, — не без гордости вставил Льюис.

Вежливые улыбки на лицах и следующий вопрос:

— А где ты училась?

Легенду на вечер я продумала тщательно, но впервые с момента, как назвалась Сурэйей, меня очень угнетала невозможность сказать, кто я на самом деле. И всё из-за неверного мерзавца, от которого бежала, опасаясь насилия!

— Пока бабушка не появилась, пойдём, познакомлю тебя с остальными, — руки стоявшего за спиной Льюиса скользнули по моим плечам.

«Остальными» оказались его дяди, тётки, с полдюжины двоюродных братьев и столько же сестёр. Почти все реагировали на меня одинаково: любопытство и проскальзывающая снисходительность. Но я уже надела маску прохладной вежливости, как делала всегда на банкетах в посольстве, а потом на вечеринках, устраиваемых Даярамом. И сингапурская элита, будто признавая во мне равную, отступала, пряча коготки. Правда, без обмена колкостями всё же не обошлось. Особенно «колочим» получилось знакомство с Ванессой, дочерью старинных друзей семейства Тео.

— Какое... броское платье! — восхитилась она. — Слышала, в Эмиратах принято носить на себе много золота, чтобы показать достаток. Особенно, если он появился недавно.

— Да, — улыбнувшись, я смерила равнодушным взглядом её платье бледно-зелёного цвета. — Иначе есть опасность слиться со стенами. Особенно, если они — интереснее, чем твой наряд.

— Кажется, бабушка уже спустилась, — Льюис притянул меня к себе. — Извини, Вани.

— Твоя бывшая? — спросила я, когда Ванесса осталась позади.

Льюис потупился.

— Настолько очевидно? Прости, я не хотел, чтобы вы встретились. Но, наверное, в

Лондоне мне бы пришлось столкнуться с похожей ситуацией?

— Ты ведь говорил, ревность и ты — вещи несовместимые, — вскинула я брови.

— Это — не ревность. Просто... как никогда понимаю, насколько мало о тебе знаю.

— По-моему, твои родственники вытянули из меня и то, что я сама о себе не знала! — рассмеялась я.

Но Льюис даже не улыбнулся, не сводя с меня испытующего взгляда.

— Для тебя ведь всё это привычно, Сурэйя?

— Праздник в честь дня рождения? Да, уже не первый.

— Имею в виду общество, светские разговоры. И ты будто родилась в вечернем платье.

— Я веду галерею, Льюис. Общество, светские разговоры и вечерние платья у меня — на повестке дня.

— Нет, это не то... — Льюис замялся, подбирая слова. — Как ты держишься, как говоришь... Будто присутствовала на подобных вечерах чуть не с детства. Твоя семья тоже влиятельна и богата, да? Но почему ты никогда о них не говоришь? Почему живёшь в Лондоне, так далеко от них? Это всё... не даёт мне покоя, — взяв в ладони моё лицо, он очень легко коснулся губами моих губ и прошептал:

— Я просто хочу узнать тебя, Сурэйя. Впусти меня...

— Говоришь, как демон Террорблейд из сериала «Дота», — я попыталась обратить всё в шутку. — «Впусти меня» было его любимой фразой.

— И как часто ему уступали?

— Думаю, тебе не стоит равняться на демона.

Льюис улыбнулся, вздохнул и снова потянулся к моим губам. Но тут музыка прекратилась, разговоры смолкли, в воздухе почти физически почувствовалась атмосфера ожидания. И вот объект ожидания, заботливо поддерживаемый немолодой прислужницей, медленно спустился по лестнице.

— Ah Ma[34], — просветлел лицом Льюис и, подхватив меня, направился к подножию лестницы.

«Ah Ma» как раз преодолела оставшуюся ступеньку, и присутствующие устремились к ней, как к солнечному свету после пасмурного дня. Седовласая дама, одетая в красиво вышитое ципао, милостиво улыбалась окружившим её гостям, а, увидев Льюиса, и вовсе засияла. Тот, подскочив, обнял её, что-то бормоча на китайском. А та что-то ворковала ему в ответ. Но тут взгляд старческих глаз остановился на мне, и сияние вокруг лица имениницы начало меркнуть.

— Ah Ma, — Льюис подтянул меня к себе. — Это — моя Сурэйя.

Я с трудом сохранила приветливую улыбку, услышав собственническое «моя». Льюис и правда представляет меня, как свою возлюбленную, и не кому-то, а старейшему члену семьи...

— Спасибо, что приняли меня в своём доме, — произнесла это автоматически, вежливо склонив голову, и по-китайски добавила:

— В этот особенный день желаю вам удачи, бесконечной, как Восточное море, и жизни такой же долгой, как у гор Наньшань.

Льюис не стал скрывать улыбку и, наклонившись, шепнул:

— А ты подготовилась, gabacha. Но некоторые звуки всё же требуют шифровки.

Произнесённое мною — одно из самых распространенных в Китае пожеланий для пожилых людей, выучила его специально для этого вечера. Бабушка тоже улыбнулась моему

старанию быть учтивой и что-то проронила на китайском. Льюис ей ответил, а потом повернулся ко мне:

— Бабушка благодарит и хочет узнать о тебе больше. Она приглашает нас завтра на чай.

Я снова склонила голову, но беспечность, которую старательно в себе поддерживала все эти дни, теперь испарялась, как роса на рассвете. Всё это слишком походило на начало отношений с Даярамом...

Но свою роль я выдержала до конца, и Льюис, открывший передо мною дверцу машины по окончании празднования, светился ничуть не меньше, чем до него.

— Ты им понравилась! — объявил он, сев за руль. — Как я и говорил!

— Мне так не показалось, — осторожно возразила я. — Твои родные просто хорошо воспитаны. Но это нормально. Они ведь совсем меня не знают и не обязаны тут же испытывать симпатию.

— Ты ошибаешься, Сурэйя, — он ласково прошёлся ладонью по моему колену. — Ты им понравилась, поверь. А, когда узнают лучше...

— ...заставят тебя на мне жениться? — я попыталась перевести неловкий разговор в шутку и на том его закончить. На Льюиса это не подействовало.

— Почему «заставят»? — рассмеялся он. — Но, думаю, прежде нам всё же стоило бы съехаться.

— Сюда, в Сингапур? — вместо того, чтобы закончиться, разговор перешёл на следующий уровень неловкости. — А как же твоя работа в Вашингтоне?

Льюис только лукаво прищурился.

— Что? — насторожилась я.

Но *pinche chino* лишь невинно пожал плечами и, как ни в чём не бывало, заявил:

— Пойдём завтра на «Садовую рапсодию» — после визита к бабушке? А потом покажу тебе один бар — такого ты точно ещё не видела!

Когда вошли в квартиру, Льюис обвил вокруг меня руки и с улыбкой наклонился к моему лицу.

— Очень устала?

— Хочешь «отшлифовать» моё произношение?

Он легко провёл языком по моим губам и едва слышно прошептал:

— Этим можем заняться позже... когда навещу тебя в Лондоне...

Его ладони скользнули под тонкую ткань моего платья, губы спустились к шее... а я в очередной раз подумала, что визит в Сингапур был ошибкой.

— Вот это да!

Восхищённый возглас Льюиса предназначался для красовавшегося на столе пирога с персиками. Собираясь в гости к бабушке, *chino*, решивший меня поддразнить, предложил прихватить свой чай — чтобы не идти с пустыми руками. А я, «оскорбившись», заявила, что испеку пирог. Льюис усомнился, что мне это по силам, и я приняла вызов. На самом деле пирог с фруктами — единственное, что могу приготовить — научилась во время учебы в Бостоне от соседки по общежитию. И сейчас это оказалось как нельзя кстати. Может, убедившись, что умею печь, как обычные люди, Льюис перестанет подозревать, что я родом из какой-то «особенной» семьи?

— И что скажешь теперь? — я небрежно кивнула на пирог.

— Скажу, что хочу побыстрее оказаться у бабушки и попробовать это кулинарное творение! Никогда бы не подумал, что ты такое умеешь!

— Все женщины в нашей семье это умеют, — не моргнув глазом заявила я.

Слышала бы меня мама, никогда не приближавшаяся к кухонной плите ближе, чем на несколько метров, и считавшая один её вид личным оскорблением! Но Льюис меня снова ошарашил:

— Бабушке очень понравится. Она любит готовить и, когда я был ребёнком, делала это довольно часто. И всегда говорила, что какое бы высокое положение ни занимал человек, он всегда должен уметь приготовить себе еду.

— Твоя бабушка очень разумна, — похвалила я.

— Твоя семья, очевидно, тоже, — подмигнул Льюис. — Расскажешь о них?

— Как они учили меня печь? — попыталась отшутиться я.

— Нет, кто они, чем... твой сотовый, — прервавшись на полуслове, Льюис кивнул на завибрировавший мобильный, лежавший рядом на столе.

Я подхватила его, едва сдержав вздох облегчения, но посмотрела на экран, и облегчение мгновенно улетучилось.

— Не ответишь? — снова кивнув на мобильный, Льюис направился из кухни. — В Лондоне сейчас ранний час — наверное, что-то срочное.

Я опустила глаза на высветившееся на экране «Галерея» и вздохнула. Этой хитрости научилась у моего изобретательного супруга, скрывавшего имя любовницы под невинным «Офис доб. номер». Настоящий номер галереи числился среди моих контактов, как «Стриж». А «Галереей» на самом деле был... Нажав на зелёную кнопку, я поднесла мобильный к уху.

— Чего тебе не спится?

— Думаю о тебе, — раздался из мобильного ехидный голос Джеймса. — Где ты?

— Не в Лондоне.

— В самом деле? А кто тогда живёт в твоей квартире?

— Живёт в моей... — начала я, но, тут же осознав, что это издёвка, фыркнула. —

Почему ты звонишь?

— Когда возвращаешься?

— Во вторник.

— Хорошо. Мы выезжаем в Дублин в эту пятницу.

— Только вернусь и снова в дорогу? — ужаснулась я. — Даже в галерею толком заглянуть не успею!

— Тогда не следовало тратить столько времени на незапланированный отпуск, — заявил Джеймс. — Могла бы...

— Сурэйя, всё нормально? — голос Льюиса из коридора. — Я — в душ. Присоединишься ко мне, как освободишься?

— Ты не... Это — Рэй? — раздражение Джеймса ощущалось даже через сотовую связь.

— А кто тогда живёт в его особняке? — вернула я издёвку. — Позвоню, когда буду в Лондоне, — и отключилась.

На самом деле Эндрю всё ещё в Нью-Йорке — звонила ему, улучив момент, когда бродила с Аmandой по магазинам. А я изначально собиралась вернуться в Лондон в воскресенье, но из-за субботнего празднования дня рождения перебронировала вылет на утро вторника.

— Ну так что насчёт душа? — в приоткрывшуюся дверь просунулся Льюис.

— Иду! — я отложила сотовый.

— Всё нормально?

Я вздохнула и, стараясь скрыть озабоченность после разговора с Джеймсом, улыбнулась:

— Лучше не бывает.

На чай к Ah Ma собралось чуть ли не всё семейство. Хозяйка, в кремовом ципао, расшитом узором в виде цветков хризантем, приветствовала Льюиса — сердечно, меня — любезно, улыбнулась, когда я вручила ей пирог, а Льюис на китайском добавил, что испекла его я, и мы сели за стол. Обстановка была более непринуждённой, чем на банкете. Гости потягивали чай из фарфоровых чашечек и беседовали, переходя с английского на кантонский и с кантонского на синглиш — сингапурский вариант английского. Одна из кузин Льюиса, учившая когда-то арабский, расспрашивала меня о Дубае и моём детстве в Эмиратах, вставляя арабские слова. Её муж, тоже часто летавший в Дубай, начал рассказывать про какой-то особенно понравившийся ему ресторан и арабскую кухню. Миссис Тео, как бы между прочим, спросила, соблюдаю ли я Рамадан, и, мне показалось, переглянулась с тётёй Льюиса, когда я сказала, что очень далека от религии.

— Мама религиозна, — поясняюще шепнул мне Льюис. — По воскресеньям они с тётями даже читают Библию.

— И теперь она разочарована, что не религиозна я?

— Совсем нет. Скорее опасалась, ты слишком чтить ислам, а она всегда хотела для меня жену, воспитанную в христианской вере.

Я чуть не поперхнулась чаем: «жену»?!

— Вообще, я удивлён, — продолжал рассуждать Льюис. — Разве в Эмиратах Рамадан не обязателен?

— Я ведь не сказала, что никогда его не отмечала, — уклончиво ответила я.

Но Льюис и на этом не успокоился:

— Тебе уже говорили, что арабского в тебе... пожалуй, только имя?

— Это хорошо или плохо? — вскинула я брови.

И только что благодарно не поклонилась хозяйке дома, когда та, посмотрев на меня, залопотала что-то на путунхуа. Отвлёкшийся от своих «каверзных» вопросов Льюис глянул на бабушку и перевёл:

— Ah Ma благодарит тебя за подарок — картина ей очень понравилась, и спрашивает, какие стили живописи представлены в твоей галерее?

Наконец-то безопасная тема! И я заговорила о галерее и выставках, о Боггартти, Клоузе и Тейлоре Брауне, создавшем полотно с обезьянками... Потом Ah Ma попробовала мой пирог и одобрительно качнула головой, а я удостоилась очередного не-одобрительного взгляда миссис Тео. Никак не могла избавиться от чувства, что всё семейство продолжает наблюдать за мной — кто из любопытства, кто в попытках найти непоправимый изъян. Но Льюис после каждого произнесённого мною слова, казалось, светился всё лучистее, то и дело поглаживал меня по колену или ласково касался плеча.

После чаепития мы отправились на расхваленное им световое шоу в «роще» Супер-деревьев. И, лёжа на специальной скамеечке у подножия массивных стволов, глядя на причудливую игру света на футуристических кронах, я снова ощутила умиротворение.

Чудесная музыка, завораживающая феерия света, рука Льюиса на моём бедре... всё же путешествие получилось незабываемым! Что до незапланированного знакомства с семьёй Льюиса — он ведь не тянет меня под венец! Повернув голову к *pinche chino*, я поймала на себе его сияющий взгляд и улыбнулась:

— Спасибо.

— За что? — прищурился он.

Но я лишь сжала его ладонь, поглаживавшую моё бедро, и он, стиснув мою руку, поднёс её к губам.

— Тогда и тебе спасибо, Сурэйя.

Последний день перед моим отлётом ещё больше походил на сказку. Решив провести его спокойно, мы просто полюбовались видами Сингапура со знаменитого колеса обозрения Флайер, до недавнего времени самого высокого в мире, побывали на шоу фонтанов и заглянули в упомянутый Льюисом бар с очень необычными коктейлями. Их настаивают на разных ингредиентах или смешивают на молекулярном уровне в небольшой лаборатории в том же баре наверху. После распития предлагают угадать состав коктейля, а потом показывают в миниатюре, что в него вошло. Потрогав крошечный подносик с вделанными в него пластиковыми чашечкой кофе, печеньем и яичницей, я посмотрела на свой опустевший стакан и подняла недоверчивый взгляд на Льюиса.

— То есть, это я сейчас пила? Кофе, печенье и яичницу?

— Заодно и позавтракала! — рассмеялся Льюис.

— Что ж, сэкономит время завтра, — согласилась я, и он вздохнул.

Мой вылет — очень рано, в аэропорту нужно быть в пять утра, и Льюис заявил, что ложиться спать этой ночью вообще не имеет смысла. Я не возражала. После бара мы прогулялись по живописной набережной Клар Ки, мерцающей тысячами огней от витрин магазинов, вывесок ресторанов и ночных клубов. И, подставив лицо ночному ветерку, я призналась:

— Ты прав, это действительно Рай на земле. И мне искренне жаль его покидать.

— И мне жаль, что ты улетаешь, — приобнял меня Льюис. — Но расстаёмся мы ненадолго. А в Сингапур всегда можем вернуться.

— Ненадолго? — я вопросительно покосилась на него. — Уже знаешь, когда будет следующий раз?

— Может быть, — уклончиво отозвался он.

О сне в ту ночь никто из нас действительно и не вспомнил — уже в аэропорту я всё ещё ощущала на коже жгучие поцелуи Льюиса, а тело всё ещё горело от его ласк. Все наши совместные ночи были запоминающимися, но эта... Хотелось просто закрыть глаза и переживать её снова, и снова...

— Сурэйя, — легко тронув за плечо, Льюис качнул головой на столики уютного на вид кафе неподалёку. — Время ещё есть, выпьем кофе?

— Кофе — всегда хорошая идея, — улыбнулась я.

Но, не успели мы подойти к столикам, послышалось гудение сотового, и Льюис выхватил его из заднего кармана джинсов, будто ждал звонка, как дождя после сильной засухи.

— Извини, нужно ответить, — он торопливо подкатил мой чемодан к столику. — Это не займёт много времени!

Заказав для нас кофе, я лениво наблюдала за Льюисом, мерявшим шагами пол в

нескольких метрах от столика. Звонок явно привёл его в волнение, но новости хорошие — лицо так и светится. Вот раз или два он глянул на меня и, кажется, воодушевился ещё больше. Девушка принесла кофе и, едва удалилась, за столик бухнулся Льюис. На губах — улыбка, в глазах — сдерживаемое ликование.

— Звонили из Вашингтона, — пояснил он, даже не глянув на стоявшую перед ним чашку.

— С работы? Всё хорошо?

— Лучше не бывает! — он накрыл мою ладонь своей и восторженно посмотрел мне в глаза. — Меня переводят в Лондон.

Наверное, объяви он, что под островом обнаружили дремлющий вулкан, который сейчас пробудится, новость ошарашила бы меня меньше.

— П-почему? — только и выдавила я.

Льюис рассмеялся.

— Как почему? Я попросил.

Я растерянно отхлебнула из чашки больше, чем собиралась, обожгла язык горячим кофе и закашлялась.

— Осторожно, кофе горячий, — Льюис с улыбкой погладил меня по волосам. — Всё хорошо?

— Ты попросил... — я с трудом отдышалась. — Но... Ты ведь... не из-за меня же?!

Будто светившееся изнутри лицо Льюиса помрачнело.

— Нет, из-за чудесного климата! — съязвил он. — Разумеется, из-за тебя, Сурэйя. Ты... совсем этому не рада?

Чувство, которое я испытывала, было скорее паникой. Льюис в Лондоне. Там же, где Эндрю, Джеймс, Чарльз, моя полная приключений нелегальная жизнь и тень прошлого в виде не расторгнутого брака с Даярамом. Эндрю никогда ни о чём не спрашивал, и с ним умалчивать о сомнительных аспектах моей жизни не составляло труда. Но Льюис с его пытливym умом и коварными вопросами... От него долго таиться не удастся. А я... просто не готова отказаться от моей теперешней жизни, которую слепила с таким трудом из осколков прошлой. Не готова отречься от Сурэйи Шейх и снова стать «изнеженной дочерью дипломата». Не готова признаться, что до сих пор замужем за неверным мерзавцем, от которого бежала ночью, словно воришка...

— Это как раз та реакция, на которую я рассчитывал.

Полный горечи голос Льюиса вернул меня в действительность, я рассеянно подняла на него глаза. Только что светившееся счастьем, теперь его лицо казалось заострившимся, чужим.

— В Лондоне тебя кто-то ждёт? — тихо спросил он.

— Нет, не в этом дело...

— Значит, да?

— Нет! — решительно соврала я. — Просто... я не думаю, что уже к этому готова.

— К чему «к этому»? Впустить меня в твою жизнь по-настоящему?

— Льюис... — с горечью пробормотала я. — Зачем нужно было... У нас ведь всё хорошо и так...

— Не просто «хорошо», — стиснув мои ладони, он попытался заглянуть мне в глаза. — Замечательно, потрясающе, непередаваемо! Сурэйя, я люблю тебя и... — но я уже подскочила со стула, выдернувшись из его ладоней.

Пробормотала «Мне пора...», но тут же остановилась. Нельзя просто развернуться и уйти. Нужно объяснить, расставить все точки над «и», даже если сейчас трудно подобрать нужные слова. Решение уже принято, и, чем дольше Льюис о нём не знает, тем несправедливее по отношению к нему. И я снова опустила на стул. Льюис молча смотрел на меня. Губы сжаты, в глазах — боль.

— Прости меня... — тихо проговорила я. — Ты действительно знаешь обо мне не всё. Мне пришлось пережить предательство, очень болезненное. Оно меня изменило. Не думаю, что когда-нибудь снова смогу впустить кого-то в мою жизнь «по-настоящему». Я ошиблась, предположив, что мы с тобой хотим одного. Если бы поняла, что...

— ...мы всё больше сближаемся и всё больше теряем голову рядом друг с другом? — перебил меня Льюис. — Теперь вижу, каким был идиотом, подготовив переезд в Лондон и при этом ни словом не обмолвившись тебе. Но что ожидала ты от этих отношений? Годами встречаться только по выходным и праздникам?

— Нет... — начала я, но Льюис меня будто не слышал:

— Я пытаюсь понять тебя и не могу. Вижу, что тоже значу для тебя много, но...

— Мне пора, поговорим позже, — я снова поднялась, но Льюис подскочил следом.

— Сурэйя, не уходи так. Всё это будто дурной сон... Ты не... мы больше не увидимся?

— Скорее всего, нет, — я до боли сжала ручку чемодана.

— Сурэйя... — Льюис наклонился, пытаясь поймать мой взгляд. — Я просто не понимаю, почему ты это делаешь...

— Потому что действительно «влипла», как и предрекала Изабелла, хотя клялась себе, что больше со мной этого не произойдёт! — неожиданно призналась я. — От этих отношений я не ждала ничего, и меньше всего подобия брака, к которому, очевидно, стремишься ты. Но я не верю, что брак или совместная жизнь могут быть без обмана. Рано или поздно обман случится, и всё рухнет. Я не готова снова проходить через ту же боль. Прости... нам в самом деле лучше не видеться и друг другу не звонить. Мне очень, очень жаль.

Подхватив чемодан, чуть не бегом понеслась к выходам на посадку, мысленно заклиная, чтобы Льюис за мной не последовал. Но моя исповедь привела его в смятение, и он упустил момент — я смешалась с толпой. Подходя к контролю безопасности, всё же услышала его голос, зовущий меня по имени, но только ускорила шаг и поспешно проскочила в раздвинувшиеся створки. Льюис подлетел следом, но пройти за мной уже не мог. Замерев за стеклянной перегородкой, я несколько секунд просто смотрела на него, прощаясь. А он, видимо, тоже прощаясь, смотрел на меня. Потом я молча развернулась и направилась к контролю. И, только оказавшись в кресле самолёта, отвернулась к иллюминатору и разревелась.

Глава 11

Лондон встретил проливным дождём — весьма символично. Но хотя бы Эндрю ещё в Нью-Йорке, и я могу отправиться напрямик к себе, принять ванну, забиться в угол и... Боролась со слезами весь длинный перелёт и теперь, измотанная этим «противостоянием», готова уступить. Сев в такси, вывела сотовый из режима полёта и с трудом удержалась, чтобы не дать себе волю прямо сейчас. Сообщение от Льюиса: «Кажется, я всё испортил сюрпризом, который, был уверен, приведёт тебя в восторг. Мне жаль. Надеюсь, ты хорошо долетела.». Убрав сотовый в сумочку, я откинулась на спинку сидения и закрыла глаза.

Когда доберусь домой, открою вино и позвоню Изабелле, выслушаю её «я же тебе говорила» и нарыдаюсь вдоволь.

Но план удалось осуществить лишь наполовину. Ванна, вино, слёзы — всё, кроме Изабеллы. Подруга не ответила, и, вздохнув, я послала ей сообщение с просьбой перезвонить при первой возможности. А потом наполнила бокал до краёв и забралась на диван, поджав ноги и размазывая слёзы.

Раздражающее гудение... снова и снова... Подняв голову, я попыталась сфокусировать взгляд... на чём-нибудь. Два светлых окна — уже день, два пустых бокала на двух столах и четыре пустых бутылки из-под вина. Я растерянно поморгала, и окна слились в одно, то же сделали столы и бокалы. Только бутылок — две, сколько бы ни моргала. А на столе между ними разрывается сотовый. Изабелла! Скатившись с дивана, я торопливо подхватила телефон и, не поднимаясь с пола, выпалила:

— Иза! Я вчера звонила... кое-что произошло...

— Да? И что же? — спросили голосом, принадлежавшим совсем не Изабелле.

— Джеймс... — простонала я.

— Тоже рад тебя слышать, — съехидничал он. — Ты вернулась?

— Ещё не знаю... — я мученически потёрла лоб, голова гудела. — Что случилось?

— Скажи ты мне.

— Имею в виду тебя... и Чарльза.

— Ты собиралась позвонить, когда вернёшься.

— О-ох... — только и выдохнула я.

Попыталась встать, но комната закачалась, будто вулкан пробудился под ней, и, налетев на стол, я «уронила» на пол бокал и бутылки.

— Что за шум? — поинтересовался Джеймс и тут же, будто не веря в собственное предположение, уточнил:

— Ты... пьяна?

— Не твоё дело, — огрызнулась я. — Говори, что хотел, мне пора в галерею.

— А ты ещё не там? Уже полдень.

— Ау, *chi*... — начала я мексиканское ругательство, но передумала, и закончила его, как изобретательница одноимённого слова и блюда:

— ...*michanga!*[35] Перезвоню тебе позже, Джеймс, — и отключилась.

Обвела взглядом разгромленный стол, валявшиеся вокруг него бутылки и осколки бокала. Залила же я вчера тоску... Но почему Изабелла до сих пор не перезвонила? Покачиваясь, я снова набрала номер подруги — безрезультатно. Может, опять неприятности с закон предержажими? Несколько месяцев назад в штате Дуранго сменился начальник полиции. «Новенький» оказался рьяным, относительно молодым человеком, доставившим картелю Хуаресов немало хлопот. Потом проблему вроде бы решили. Но, может, возникла новая, и Изабелле попросту не до меня и моих сердечных переживаний? Отправив ещё одно сообщение, я побрела в ванную. Посмотрела в зеркало и совсем пала духом: никакой косметики не хватит, чтобы скрыть мой плачевный вид. Может, остаться дома? Но тут же потрянула головой: один на один с мыслями о Льюисе сойду с ума — и повернула кран.

Остаток дня и весь следующий я отгоняла воспоминания, как могла, но они проникали в сознание, словно вода в прохудившуюся лодку. Льюис больше не давал о себе знать, и, с одной стороны, этому радуясь, с другой, я... просто по нему скучала. Именно этого хотела

избежать, когда решила больше никого к себе не подпускать... и так глупо попалась. Пятницы и поездки в Дублин я ждала, как откровения — сосредоточившись на очередной афере, точно удастся отвлечься от произошедшего. И вот пятница, наконец, наступила.

Из Лондона в Дублин — около восьми часов езды, и Чарльз решил отправиться в столицу соседнего государства именно на машине. К его дому я подъехала к шести. Буркнула приветствие ему и Джеймсу и, закинув в багажник сумку и чехол с вечерними платьями, забралась на заднее сидение новенького Nissan.

— Всё хорошо, Сурэйя? — сев за руль, Чарльз полуобернулся ко мне. — Выглядишь... уставшей.

— Поссорилась с Рэем? — съязвил Джеймс.

Я молча отвернулась к окну. Эндрю будет в Лондоне на следующей неделе — к тому времени и я уже, вероятно, вернусь из Дублина. Мы встретимся, и я скажу, что больше не могу быть его «парии». Нужно было сделать это давно. Но только сейчас с моих глаз будто спала пелена, и я поняла: осуждая Даярама и спасаясь от боли, которую он мне причинил, я сама начала превращаться в того, кого осуждала. Встречаясь с Эндрю и Льюисом, убеждала себя, что грань, когда третий становится лишним, ещё не пройдена. Я ведь не ожидаю от них откровенности и верности, а значит и они не должны ожидать этого от меня. Но они ожидали — как когда-то я от Даярама. А я лукавила с обоими — как Даярам со мной...

— Сурэйя, приехали.

Джеймс тряхнул меня за плечо, и я открыла глаза. Сонно моргая, выбралась из машины и покачала головой при виде приземистого подслеповатого домика, окружённого диковатым садом.

— Здесь и правда водятся лепреконы, — повернулась к открывшему багажник Джеймсу. — Думала, ты пошутил насчёт их золота.

— Ни один ирландец не решится шутить о таких вещах.

— Сначала — дело, шутки — потом, — подойдя к багажнику, Чарльз вытащил мои вещи и протянул их мне. — Успеешь привести себя в порядок к вечеринке?

— Сразу видно, ты не знаком с чудесами, которые творит макияж, — усмехнулась я.

— До сих пор макияж был нужен тебе для маскировки, а не чтобы придать живой вид, — не упустил возможности съехидничать Джеймс.

— Наверное, ты хотел сделать комплимент, но вышло... что вышло, — я качнула головой, как делают в Индии. — Могу дать несколько уроков, найдёшь себе пассию и перестанешь упоминать имя Эндрю чаще, чем я.

— С чего ты взяла, что у меня нет пассии? — хмыкнул Джеймс и двинулся к дому.

— Ну, тогда даже не знаю, чем тебе помочь! — бросила я ему в спину.

— Так уж и не знаешь? — тонко улыбнулся Чарльз, проходя мимо. — Поторопись, времени осталось немного, а вид у тебя и правда неживой.

Упомянутая Чарльзом вечеринка намечалась в ирландской резиденции одного бразильского оригинала, разбогатевшего на изобретении какой-то замысловатой программы для обеспечения... чего-то. Именно во время пространной «лекции» Чарльза об этом изобретении я заснула, убаюканная его голосом и покачиванием машины. Но, кроме изобретений, у оригинала была и другая страсть: искусство. И, так случилось, что в его коллекцию, в которую он скупал всё без разбора, попала одна статуэтка из загадочного Мохенджо-Даро. Национальный музей Ирландии даже попросил её у хозяина на время выставки экспонатов древних культур, которая скоро будет проходить в музее. Элиаш Соуза

согласился на время расстаться с сокровищем, но, будучи оригиналом, решил отметить это, а заодно и свой отлёт в Бразилию великолепным банкетом. Статуэтка будет выставлена на всеобщее обозрение, чтобы гости могли вдоволь налюбоваться ею «в обрамлении» особняка, прежде чем она украсит собой витрину музея. Цена статуэтки баснословна, но не все желающие обладать ею готовы платить полную стоимость. Легче нанять команду профессионалов, которые достанут её за сравнительно умеренную плату...

— На самом деле не думал, что тебе это удастся!

От зеркала, в котором критически рассматривала свой макияж, добавляя последние штрихи, я перевела взгляд на возникшего на пороге Джеймса и вскинула брови.

— Придать себе «живой вид»? Никогда не сомневайся в женщине, умеющей наносить макияж.

— Этому учат в специальной школе для дочерей дипломатов?

— Да. Говорят, это помогает найти хорошего мужа. А где обучаются искатели приключений и аферисты?

В глазах Джеймса мелькнул насмешливый огонёк.

— Их учат другие искатели приключений и аферисты.

— Чтобы цепочка никогда не прерывалась?

Джеймс едва заметно улыбнулся, направился было ко мне, но тут послышался голос Чарльза:

— Сурэйя, Джеймс, вы готовы? Спускайтесь в гостиную.

Увидев нас, он одобрительно кивнул. На мне было тёмно-красное облегающее платье до пола с открытой спиной и длинным разрезом, сквозь который проглядывали чёрные с серебром кружева. На Джеймсе — смокинг, который очень ему шёл.

— Красивая пара! Даже жаль, что отправитесь на банкет порознь и весь вечер будете делать вид, что друг друга не знаете.

— Издержки профессии, — дёрнула я плечом. — Будут ещё инструкции?

— Только те, что уже обсудили.

Кивнув, я направилась к двери, Чарльз — следом. Этим вечером он исполнял роль шофёра, который доставит меня к особняку Соузы. Через какое-то время туда же прибудет Джеймс, на другой машине, а потом... начнётся «шоу».

— Мне не нравится, как ты выглядишь, Сурэйя, — оторвавшись от дороги, Чарльз скосил глаза в зеркальце заднего вида.

— Только что говорил, Джеймс и я — красивая пара. Или без него и я не смотрюсь?

— Ты же понимаешь, что я имел в виду. Что-то случилось во время твоего отпуска в Азии?

— Нет, — я отвернулась к окну. — Всё хорошо.

Чарльз помолчал несколько секунд и наконец произнёс:

— Я никогда не вмешиваюсь в жизнь моих подопечных, Сурэйя. Но эта операция очень важна для нашего клиента. Она не должна сорваться.

— Она и не сорвётся, — заверила я. — Не волнуйся.

Качнув шофёрской фуражкой, Чарльз снова устремил взгляд на дорогу, а я подавила вздох. Вечеринка, пустые улыбки, не менее пустые разговоры, а больше всего сейчас хочется... тишины. И поговорить с Изабеллой. Подруга так и не отозвалась, и я начала не на шутку за неё беспокоиться. Даже позвонила Энрике — кузену, с которым она надеялась нас свести и дала его номер. Но Энрике тоже не ответил...

— На месте, — выскочив из машины, Чарльз открыл передо мною дверцу. — Хотя бы улыбнись...

— Встретимся в доме лепреконов, как договаривались, — проигнорировала я его реплику и поплыла ко входу.

Подъезжающие и отъезжающие машины, выходящие из них гости... Чем-то напоминает вечер в особняке Тео... но тут же себя одёрнула — никаких посторонних мыслей. Я здесь — по делу.

— Ваше имя, мэм?

Я перевела взгляд на задавшего вопрос охранника, но ответить не успела.

— Мисс Сурэйя Шейх, — произнесли за моей спиной.

И, с удивлением обернувшись, я увидела американского миллионера, партнёра Эндрю, с которым познакомилась на том памятном ужине, когда пыталась устроить скандал и уличила в невежестве миссис Транс.

— Мистер... — я запнулась.

— Люк, прошу вас! — махнул он рукой.

Точно, Люк Уильямс — не видела его после того ужина и имени уже не помнила. Но как он помнит моё?

— Прошу, — он галантно махнул рукой, и я вошла в зал.

Миллионер был не один, рядом дефилировала очень высокая и очень худая девушка с ярким макияжем и волной волос карамельного оттенка.

— Это — Пётрушка, — представил её американец.

Девушка что-то жеманно пропищала.

— А это — Сурэйя, подруга одного из самых ценимых мною партнёров, — он огляделся. — Кстати, где Эндрю?

— У него дела, — улыбнулась я. — Рада встрече, Люк, было приятно повидаться.

Хотела побыстрее от него отделаться, но американец оказался назойливым.

— Ну, конечно — ты знакома с Элиашем, поэтому здесь, — он махнул рукой, будто поражаясь собственной недогадливости. — Мир искусства не так уж велик, а его почитатели — одна большая семья, не так ли?

— Нет, — возразила я. — И с сеньором Соуза я не знакома.

— А это уже упущение, — «посетовал» американец. — Которое должно быть немедленно исправлено!

Подхватив девушку с именем огородной травы за несуществующую талию, он двинулся в глубь зала, поманив за собой и меня.

— Мы с Элиашем — хорошие друзья, и мне крайне приятно представить ему не просто ценительницу искусства, а владелицу одной из самых изысканных галерей Лондона! И должен сказать, прости мою дерзость, ты выглядишь просто умопомрачительно, Сурэйя!

Слово больно кольнуло — именно его использовал Льюис в ночь «улётной вечеринки» на яхте. Но я лишь вежливо улыбнулась:

— Благодарю, Люк.

— Только Эндрю не говори, кажется, он ревнив, — подмигнул тот и расхохотался.

Продолжая сыпать шутками и кивать знакомым направо и налево, американец легко скользил сквозь разряженную толпу гостей. Я следовала за ним, раз или два поймав на себе заинтересованные взгляды. На этой стадии знакомство с хозяином вечеринки в мои планы не входило, но так даже лучше, и я ещё больше выпрямилась, подходя к невысокому

мужчине, стоявшему спиной к нам.

— Элиаш, дружище! — выпустив талию подруги, Люк только что не раскрыл объятия повернувшемуся к нам бразильцу.

— Oi, companheiro! — сверкнул тот улыбкой. — Como está?

Бразильский изобретатель был не только невысоким, но и весьма щуплым. Лет тридцати пяти, тёмные зачёсанные назад волосы, тонкие губы и бархатистые карие глаза — пожалуй, самое притягательное в его внешности, в остальном сильно напоминавшей недокормленного бельчонка.

— Позволь тебе кое-кого представить. Петрушка, моя амог — модель из Чехии, — представил Люк подругу.

И она, и бразилец расплылись в улыбках. Последний скользнул по девице оценивающим взглядом.

— А эта завораживающая леди, — повернулся ко мне Люк. — Сурэя Шейх, знакомая моего партнёра по бизнесу и владелица самой очаровательной галереи в Лондоне.

Я выдала улыбку, которая в некоторых религиозных семьях Дубая запросто сошла бы за сексуальное домогательство, и кокетливо протянула бразильцу руку. В его тёмных глазах промелькнул слабый огонёк любопытства — реакция так себе, но Чарльз предупредил, что бразильский machão[36] предпочитает блондинок.

— Элиаш Соуза, — представился он, поднося мою руку к губам. — Галерея? Я о ней слышал?

— Вероятно, нет, — снова улыбнулась я. — Но ещё каких-то пять лет назад мир не слышал и об Элиаше Соузе, а теперь... — повела плечом. — Уверена, вы — вдохновение для многих.

Бразилец улыбнулся с чуть большей заинтересованностью.

— Ещё увидимся, amigo, — Люк похлопал его по плечу. — Вечеринка — выше всех похвал! И обязательно познакомлюсь с самой почётной «гостьей»!

— Она — скорее хозяйка, — возразил бразилец.

Люк рассмеялся и, подхватив бокал шампанского с подноса подошедшего к нам официанта, отсалютовал:

— Тогда мой первый тост за неё!

Подождав, пока Люк отойдёт, я вопросительно посмотрела на хозяина, делая вид, что не понимаю, о чём шла речь.

— О ком он говорил?

— О моём tesouro[37], — патетично выдал бразилец.

— Ах, о той самой статуэтке? — воодушевилась я.

— Хотите её увидеть?

— Можно сказать, я здесь для этого.

— Вот как? — он сделал жест рукой, как бы пропуская меня вперёд. — А я думал, вы здесь ради вдохновения, которое внушаю я!

«Элегантное» заигрывание — но уже что-то. словно в смущении, я взмахнула ресницами.

— Неужели это так очевидно?

«Tesouro» красовалось в противоположном конце зала на витрине, окружённой современными глиняными творениями, изображавшими... что-то вроде взорвавшихся снеговиков. В эпицентре этого «великолепия» статуэтка смотрелась приблизительно, как

чайка среди грачей.

— Что скажете? — горделиво поинтересовался бразилец.

— Что антураж для этого сокровища не нужен, — я пренебрежительно посмотрела на «снеговиков». — Тем более такой.

— Это — мои работы, — в голосе «ваятеля» проскользнули ледяные нотки.

Похоже, разрыв с Льюисом всё же сказался на моём восприятии. В нормальном состоянии я бы точно обратила внимание на отсутствие табличек с именем скульптора, на впечатанные в глину вензеля ЕС и точно не допустила бы такой осечки. Но, что сделано, то сделано. Никак не отреагировав на тон оскорблённого творца, я подошла к статуэтке. Небольшая, сантиметров тридцать в высоту, из песчаника. Стройная обнажённая девушка с затейливой причёской, подняла согнутую в колене ногу, обхватив щиколотку одной рукой, в то время, как другая поднята над головой. Ценная находка, вероятно, не вызвавшая бы такого ажиотажа, если б не осколок зелёного стекла, торчавший из руки девушки, будто та держит бубен. И, если бы правый бок статуэтke не был оплавлен, словно её бросали в топку.

— Истинное «дитя» Холма Мёртвых[38], — негромко проговорила я. — Она прекрасна.

— Вы знаете о Мохенджо-Даро? — уже другим тоном спросил Элиаш.

— Один из центров Хараппской цивилизации, внезапно превратившийся в город-призрак с разрушениями, похожими на те, что оставила американская атомная бомба в Хиросиме. Оплавленные кирпичи, металл и глина, осколки зелёного стекла — в такое превращается песок под воздействием очень высоких температур, — я кивнула на осколок в руке танцовщицы. — Но человеческих останков почти нет, значит, жители покинули город до катастрофы. Одна из неразрешимых загадок прошлого. Можно предполагать, что жители ушли, спасаясь от разлившегося Инда, неурожая или скуки. Можно объяснить следы якобы атомного взрыва вмешательством пришельцев или тем, что Шива спустился с горы Кайлас и ударил по городу своим трезубцем. Но что произошло на самом деле, мы не узнаем никогда.

— А вы подготовились к встрече, мисс Шейх, — в голосе хозяина — одобрение. — Можно называть вас Сурэйя?

— Разумеется, Элиаш, — повернувшись к собеседнику, я подняла глаза и увидела Джеймса.

Бегло оглядевшись, он тоже заметил меня, но даже не задержался на мне взглядом. Подхватил с подноса порхавшей поблизости девушки сразу два бокала и двинулся напрямик к бару.

— Спасибо, что показал мне это сокровище, Элиаш, — мило улыбнулась я бразильцу. — Как долго оно будет находиться в твоём доме?

— До среды, — вздохнул он. — Но с каждым днём мысль о расставании всё невыносимее.

— Тем радостнее встреча по окончании выставки.

— К тому времени я буду в Бразилии. Но, вероятно, распорядюсь, чтобы мне её переслали.

— Мудрое решение, — похвалила я. — Извини, я на минутку.

И заторопилась прочь. Шоу начинается.

Завернув в дамскую комнату, я поправила макияж и, выждав несколько минут, направилась к бару. Джеймс развалился на стуле, небрежно облокотившись на стойку одной рукой, а в другой сжимая стакан с виски. Остановившись перед стойкой, я попросила стакан воды. Джеймс смерил меня липковатым взглядом и громко фыркнул:

— Воды? На такой вечеринке? Эй, парень, налей-ка этой леди виски!

— Спасибо, — вежливо проговорила я. — Но виски я не пью.

— А что пьёшь?

— Ничего, что вы можете предложить, — я взяла свой стакан и, найдя глазами Элиаша, направилась к нему.

Но Джеймс, слегка покачиваясь, отправился следом.

— Почему ты уходишь?

Я даже не обернулась.

— Как тебя зовут?

Ускорила шаг.

— Нечего строить из себя недотрогу! — расвирепел Джеймс и грубо обхватил меня сзади за талию.

Я попыталась высвободиться, но он только сильнее притиснул меня к себе и прошипел в ухо:

— Сопrotивляйся сильнее, иначе решу, что тебе нравится.

Возмущённо вскрикнув, я ткнула его локтем и, вырвавшись, плеснула водой ему в лицо.

— Что здесь происходит? — тут же подскочил Элиаш. — Сурэйя, ты знаешь этого...

— Он увязался за мной от бара! — я обвиняюще ткнула в обидчика пальцем. — Вижу его первый раз и, надеюсь, в последний!

— Увязался? — фыркнул Джеймс. — Как пёс? И кем это тогда делает тебя?

— Негодяй! — возмутился Элиаш и махнул двум подбежавшим охранникам. — Вывести его немедленно!

— Может, стоит вызвать полицию? — предложил подоспевший Люк.

— Да, вызывайте, это будет весело! — Джеймс попытался ударить охранника, но промахнулся, и его тотчас скрутили.

А я жалобно всхлипнула и разрыдалась:

— Не нужно полиции... Это всё так... унижительно...

— Нужно увести девушку, чтобы немного успокоилась, — шепнул Люк бразильцу.

— Конечно, я так и собирался, — Элиаш утешающе меня приобнял. — Идём со мной, Сурэйя, ни о чём не беспокойся.

Всхлипывая и вздыхая, я позволила усадить себя на диван в какой-то комнате и, смахнув слезинку, пробормотала:

— Я так благодарна, что ты увёл меня оттуда, Элиаш. Мне очень неловко за то, что там произошло...

Элиаш показал себя настоящим cavalheiro[39]: присел рядом и утешающе погладил по плечу.

— Твоей вины в этом нет, Сурэйя. Не представляю, как этот тип попал в особняк! В моём доме в Сан-Паулу такого бы не произошло, но здесь... — он развёл руками.

— Почему? — удивилась я.

— Из-за персонала. В Сан-Паулу они работают на мою семью поколениями, мы хорошо с ними общаемся, и они нам верны. А здесь... Пока я в Бразилии, отпускаю почти всех, а потом нанимаю других — это сказывается на их работе. Они меня не знают, но знают, что через несколько месяцев я их уволю, и им всё равно, как работать и кого пропускать в особняк.

— Это досадно, — вздохнула я.

— Да, особенно, когда такой вечер омрачён подобными происшествиями.

— «Омрачён» — слишком сильное слово, — мягко возразила я. — Даже самый досадный инцидент не может испортить впечатления от знакомства с твоим сокровищем и... с тобой. Ты действительно вдохновляешь людей.

Глаза бразильца заблестели и слегка увлажнились — наконец шаг вперёд. И я продолжила «наступление». Мы говорили о других сокровищах его коллекции, о моей галерее и о его работе. Бразилец оказался неожиданно интересным собеседником, но моя миссия на вечер была выполнена. Чарльз и Джеймс уже осмотрели охранную систему особняка. А я познакомилась с хозяином достаточно близко, чтобы найти повод встретиться с ним ещё раз, и, изобразив сокрушённую, «вспомнила» о гостях, которые уже, наверное, потеряли хозяина. Извинилась, что после всего чувствую себя разбитой и хотела бы отправиться домой, но продолжила бы наш необычайно интересный разговор в более неформальной обстановке, скажем... за чашечкой кофе? Бразилец с готовностью согласился. Мы обменялись номерами, он галантно проводил меня к машине, и Чарльз распахнул передо мною дверцу. А, когда мы выехали на дорогу, полуобернулся.

— Вижу, всё прошло хорошо? Твоя власть над мужчинами просто невероятна, Сурэйя.

— Умение многих обманутых женщин, — дёрнула я плечом. — Отсутствие доверия порождает отсутствие интереса, а вместе с этим и способность трезво смотреть на вещи. Для мужчины же отсутствие интереса женщины — нечто недопустимое, против чего стоит бороться, не щадя собственного лба.

— Ты ведь не страдаешь до сих пор из-за этого недоумка, твоего мужа? — в голосе Чарльза проскользнули покровительственные нотки.

— Мои «страдания» закончились, когда за спиной захлопнулась дверь его дома, — холодно бросила я. — И он — не недоумок. Просто мужчина.

— Дорогая моя Сурэйя, — улыбнулся Чарльз. — В мире около восьми миллиардов человек, около четырёх миллиардов из них — мужчины. И ты думаешь, среди них нет ни одного, думающего и поступающего иначе, чем Даярам?

— Почему же, есть, — невозмутимо согласилась я. — С возрастом силы и возможности «поступать, как Даярам» уходят.

Чарльз рассмеялся и покрутил головой.

— Надеюсь, рано или поздно ты поймёшь, насколько не права, и не оттолкнёшь из-за подобной глупости человека, способного сделать тебя счастливой.

— Уже оттолкнула... — беззвучно прошептала я и уже громче спросила:

— Так что удалось узнать об охранной системе?

Но Чарльз, чтобы не повторять дважды, отказался обсуждать дело без присутствия Джеймса, и за остаток пути мы перекинулись от силы полудюжиной слов.

Джеймс уже был на месте и переоделся в свитер и джинсы. А, когда повернулся, я, не сдержавшись, прыснула от смеха. Вокруг левого глаза напарника красовался багровый кровоподтёк.

— Очень рад, что смог тебя развеселить, — съязвил Джеймс.

— Как же тогда выглядят те, другие? — я неопределённо мотнула головой.

— Как и раньше.

— Джеймс — профессионал, — вступился за протеже Чарльз. — Он мог бы расшвырять тех амбалов, как солому, но это бы вызвало подозрение. А он никогда не поставит успех операции под угрозу из-за пустого тщеславия.

— ...и «целого» лица, — съехидичала я. — Хотя тебе так идёт, кузен. Синяк выгодно оттеняет цвет глаз... прости, глаза, — и снова засмеялась.

Но вместо ответной шпильки Джеймс едва заметно улыбнулся и обратился к Чарльзу:

— Обсудим всё сейчас?

— За стаканом виски, — кивнул Чарльз. — Ты не против, Сурэйя?

— Ничуть, — улыбнулась я. — Полностью поддерживаю и обсуждение, и виски. Только переоденусь.

— Зачем? Тебе так идёт, — передразнил меня Джеймс.

— Не сомневаюсь, — парировала я и, покачивая бёдрами, направилась к лестнице.

Когда спустилась, мои напарники уже расположились за столом с бутылкой любимого Чарльзом Macallan 1964. Один из самых завораживающих моментов нашей «профессии», когда сумбурная информация и спонтанные идеи эволюционируют в хорошо продуманную стратегию.

Чарльз и Джеймс выяснили, что особняк бразильца охраняется ещё лучше, чем сокровищница Эндрю. И это, вероятно, настолько убедило хозяина в полной безопасности всего находящегося внутри, что часть хранящейся в особняке коллекции, включая статуэтку, защищена лишь средней сложности системой, с которой или Чарльз, или Джеймс справятся без труда. Эта особенность, а также не слишком удобное для ограбления «в лоб» местоположение особняка заставило моих партнёров отказаться от несанкционированного проникновения. Войти в особняк, не вызвав шквал полицейских сирен, можно только через главный вход. В назначенный день я приглашу поклонника искусства Мохенджо-Даро на свидание, а Чарльз и Джеймс «поколдуют» над подстанцией, подающей электричество в его резиденцию, и заявятся ко входу под видом электриков. Остальное — дело нескольких минут, но... на этом этапе легче всего «засыпаться». В особняке нужен «свой человек», который бы изнутри посодействовал «электрикам» в выполнении задачи. К ни го ед . нет

— Может, следует не уводить Соузу из особняка, а, наоборот, в нём оставить? — задумчиво протянул Чарльз. — Романтический ужин, разговоры полушёпотом, взгляды, как умеешь смотреть только ты, Сурэйя. Он расслабится, может выпить лишнего и уснуть — особенно, если в бокале будет способствующее этому средство. А у тебя появится возможность позаботиться о том, чтобы нам никто не помешал и...

— Мне это не нравится, — перебил его Джеймс. — Когда об исчезновении статуэтки станет известно, Сурэйя первая окажется под подозрением.

— Почему? — вскинул брови Чарльз. — Из-за того, что на момент ограбления была в особняке вместе с хозяином?

— Это неизбежно привлечёт к ней внимание, — упрямо настаивал Джеймс.

— Привлекать к себе внимание — её задача. И она прекрасно с нею справляется. Может, тебе не нравится именно это?

— Вообще-то, «она» всё ещё здесь и не в восторге от того, что о ней говорят, будто её здесь нет, — вмешалась я в перепалку. — И она согласна с Джеймсом. Для того, чтобы по-настоящему помочь вам «изнутри», нужно знать особняк лучше, чем успею узнать я за время романтического ужина.

Чарльз покрутил пальцами стакан с виски.

— Ты ведь можешь встретиться с Соузой и раньше?

— И потребовать у него подробную экскурсию по особняку? — усмехнулся Джеймс.

— Могу, — согласилась я. — Но «экскурсия» всё равно не даст обзора, каким обеспечат

несколько месяцев работы.

— Что ты имеешь в виду? — не понял Чарльз.

— Слуг.

Мои напарники переглянулись.

— Мы не работаем со слугами, — проговорил Чарльз. — Обычно они слишком дорожат своим местом, слишком пугливы или неподкупны. Если подобное содействие необходимо, привлекаем кого-то со стороны. Он нанимается, какое-то время работает, как все, а после окончания операции увольняется. Но сейчас для этого нет времени.

— Всех слуг, работающих на Элиаша, и так уволят, — пожалала я плечами. — Он возвращается в Бразилию в конце недели. Большинство, работающих сегодня на вечеринке, распустят завтра. Остальных — после отлёта хозяина. Останутся лишь мажордом и его жена.

Джеймс и Чарльз снова переглянулись.

— Элиаш жаловался на безответственность слуг, знающих, что их скоро уволят, — добавила я. — Дорожить им нечем. А неподкупность...

— Можно проверить всех и выбрать наиболее нуждающегося в деньгах, — подхватил Джеймс. — Изменим внешность, чтобы он не смог узнать нас после. Это может сработать.

Чарльз покачал головой и улыбнулся.

— Думаешь, Сурэйе не придётся смотреть Соузе в глаза и шептать нежности, когда они будут ужинать вне дома? Ну что ж, я всегда готов принять план, предложенный другими, если он лучше моего. Завтра утром перейдём к его воплощению. А сейчас всем нужно отдохнуть, день выдался нелёгким. Отличная работа, Сурэйя. Джеймс, — поднявшись из-за стола, он кивнул нам обоим и направился к лестнице.

— Я — тоже спать, валюсь с ног, — подскочила я следом. — Спокойной ночи!

Но перед лестницей остановилась и повернулась к всё ещё сидевшему за столом Джеймсу.

— Почему ты был против предложенного Чарльзом плана на самом деле?

— Ты ведь меня слышала, — хмыкнул он.

— Да, — улыбнулась я. — Спасибо.

И начала подниматься по лестнице.

Глава 12

На подготовку, которая обычно занимала недели, сейчас было четыре дня, и мы, не мешкая, принялись за дело. К понедельнику всё было готово, включая и «своего человека» в особняке — одного из лакеев, остро нуждавшегося в деньгах. Операцию назначили на вторник — последний день перед тем, как статуэтку заберут в музей, где для нас она будет всё равно что потеряна. Элиашу я позвонила на следующий же день после вечеринки, и все дни мы перезванивались регулярно. Подвести наше знакомство к ужину в намеченный день не составило труда — столик уже заказан в одном из самых изысканных ресторанов Дублина. А в понедельник Элиаш неожиданно пригласил меня в национальный музей — показать где будет храниться его «tesouro». В музей я особенно не стремилась, но разочаровывать нового знакомого накануне важного дня не хотела и приняла приглашение. После музея бразилец предложил «завернуть» к нему, но я отказалась, сославшись на дела, и, обещающе улыбнувшись, напомнила об ужине завтра. Кабальеро вздохнул, но согласился, а я, распрощавшись с ним, отправилась гулять по городу. Эти суматошные дни, в какой-то мере, были для меня спасением. Отвлекаясь на подготовку, я почти не думала ни о Льюисе,

ни об Изабелле, так и не давшей о себе знать. Молчание подружки беспокоило меня всё больше, и по окончании операции я решила отправиться в Мексику и на месте узнать, что с ней... Настойчивое гудение отвлекло от мысленного составления маршрута, я поднесла мобильник к уху.

— Освободилась? — голос Джеймса.

— Да.

— Хорошо, сейчас подъеду.

— Скинуть адрес?

— Нет, найду тебя по GPS, — и отключился.

После спора с Чарльзом и без того лаконичный Джеймс стал ещё немногословнее, и я с удивлением вспоминала ужин в Макао, когда мы весь вечер общались без малейшего напряжения. На ужин мы собирались и в Дублине, но вряд ли теперь до этого дойдёт. И ещё маловероятнее, что я из-за этого расстроюсь. Джеймс подъехал, когда я брела по набережной Лиффи, подумывая свернуть на мост Полпенни. Коротко посигналил с противоположной стороны улицы, а, когда я села рядом, провёл ладонью по своему затылку, взъерошив волосы, и предложил:

— Мы ведь собирались заглянуть в настоящий ирландский паб, когда будем в Дублине. Здесь неподалёку как раз есть подходящий.

Я вопросительно покосилась на него.

— Уже не помнишь. Ладно, в другой раз, — усмехнулся он и завёл мотор.

— Конечно, помню, — возразила я. — Просто... увеселения до окончания операции как-то неуместны.

— Это — не увеселение. Для ирландца нет ничего серьёзнее, чем посещение паба, — заявил Джеймс.

— Тогда как можно отказаться от такого предложения? — улыбнулась я.

По губам Джеймса тоже тенью промелькнула улыбка, и он выключил зажигание.

— Здесь недалеко, можно пройти пешком.

Начал накрапывать дождь, и прогулка получилась не слишком приятной. Но, войдя в паб, я тут же забыла об этой неприятности. Переступив порог, будто шагнула во время действия фильма «Далеко-далеко». Грубые деревянные столы, бочонки из-под пива в качестве стульев, небольшая сцена и несколько немолодых музыкантов, старательно дующих в волынки. Повернувшись к наблюдавшему за мной Джеймсу, я развела руками.

— Именно так я себе и представляла настоящий ирландский паб.

— Слишком убого для привыкшей к роскоши дочери дипломата? — беззлобно поддразнил он.

— Да, — согласилась я. — Но мне нравится.

Джеймс едва заметно улыбнулся и махнул рукой на ближайшее скопление бочонков за слегка кривобоким столом.

— Сейчас ещё рано, и людей почти нет. Но где-то через час посетителей прибавится и тогда начнутся танцы, — он посмотрел на сцену.

— Через час? Чарльз сойдёт с ума.

Но Джеймс только заговорщицки наклонился ко мне и мотнул головой в сторону бара.

— Доверишь мне заказ?

— Доверю? — вскинула я брови. — Я на этом настаиваю!

Ещё одна полуулыбка — и Джеймс направился к бару. Принесённое им пиво

оказалось... своеобразным, но очень неплохим. Сделав несколько глотков, я одобрительно кивнула.

— Тебе снова удалось впечатлить меня, кузен.

— Союза о таких местах не знает? — как бы в шутку бросил Джеймс.

— Зато знает о других, — невинно проронила я. — И о культуре Маражоара.

— Теперь и мне захотелось с ним встретиться, — съехидничал Джеймс, и я рассмеялась... но тут же оборвала смех.

— Сколько, ты сказал, градусов в этом напитке богов?

— Я не говорил, — Джеймс отхлебнул из своего стакана. — И скажу лишь, что оно поможет тебе немного расслабиться.

— Не думаю, что это — хорошая идея накануне операции.

— На самом деле я удивлён, что ты в состоянии в ней участвовать, — возразил Джеймс. — И Чарльз тоже. Увидев тебя в пятницу, он был готов отозвать операцию, но наш клиент настоял на её проведении.

— Почему я его не знаю? — попыталась я сменить тему. — И не только его — ни одного из наших клиентов. Так задумано?

— Да, — кивнул Джеймс. — Так безопаснее для тебя. Так что с тобой произошло?

— Для этого позвал меня сюда?

— Нет, — Джеймс снова отпил пиво. — Но не исключал, что ты поделишься горестями — как кузина с кузеном.

Я снова рассмеялась и подняла свой стакан.

— Поделиться горестями — вряд ли. Но готова выпить, как кузина с кузеном. За родство!

В баре мы оставались долго. Пили мало, просто разговаривали, как тогда в Макао, посмотрели выступление танцовщиц — стройных рыжеволосых девушек в коротеньких чёрных платьицах. Зачарованно наблюдая за порхающими движениями их ножек, я улыбнулась:

— Это и правда завораживающее зрелище! Lord of the Dance до него действительно далеко. Не представляю, как им удаётся так точно выдерживать ритм!

— Хочешь попробовать? — оживился Джеймс и, подхватив за плечи, поволок меня к небольшой группке танцующих перед сценой.

Смеясь, я постаралась попасть в ритм, но выходило не очень. Не сказать, чтобы и Джеймс был прирождённым танцором, но у него получалось лучше. Переплетя руки с моими, он то притискивал меня к себе, то немного отодвигался, но поблёскивающие глаза почти не отрывались от моих, а лицо круг за кругом склонялось к моему всё ближе и ближе... и вдруг музыка смолкла. Танцующие, смеясь, разжимали танцевальные объятия, хлопали девушкам... но лицо Джеймса по-прежнему оставалось рядом с моим — я чувствовала его разгорячённое дыхание, учащённое сердцебиение... заглянула в горящие, словно под действием лихорадки, глаза... и резко отёрнулась.

— Вот это танец! — избегая на него смотреть, смахнула со лба несуществующий пот. — Ещё один такой — и на завтра вам с Чарльзом придётся искать замену! По-моему, самое время вернуться в дом и отдохнуть.

— Да, — согласился Джеймс. — Самое время.

По дороге, пытаясь отогнать так и не отпустившую меня неловкость, я спросила, откуда он родом, остались ли у него родственники в Ирландии и не собирается ли он когда-нибудь

вернуться на родную землю, ведь для ирландца «земля — единственное на свете, что имеет ценность». Джеймс с лёгкой насмешливостью скосил на меня глаза.

— Кто тебе сказал эту глупость?

— Не мне, Скарлетт О'Хара. Её отец, — невозмутимо отозвалась я.

— А я думал, бурый медведь, — парировал он. — Не стоит верить стереотипам, тем более созданным Голливудом.

— Туше, — улыбнулась я.

Джеймс ответил своей привычной полуулыбкой и сбавил скорость перед входом в наш «лепреконский» приют. Войдя внутрь, я прислушалась.

— Чарльз уже спит?

— Или ещё не вернулся. У него были дела, — уклончиво ответил Джеймс.

— Тем лучше, — я посмотрела в сторону лестницы. — Спасибо за вечер, Джеймс. Это — как раз то, что мне было нужно.

Он кивнул, качнулся ко мне, явно собираясь что-то сказать, но моя сумочка завибрировала от ожившего мобильного, и Джеймс тут же отступил. Буркнув «До завтра!», направился к лестнице, а я, вытащив мобильный, только что не разрыдалась от облегчения.

— Иза, наконец-то! Уже не знала, что...

— Gabacha... мне нужна... твоя помощь...

— Конечно, всё что угодно, — пробормотала я, чувствуя, как внутри всё сжимается в холодный тугий ком.

— Можешь поехать... в одно место и кое-что мне... привезти? — хрипловато выговорила подруга. — Адрес пришлю... прямо сейчас. Это в Мексике...

— Изабелла... — я чувствовала, как дрожит голос, но никак не могла это побороть. — Ты ранена?

— Это неважно, — выдохнула она. — Важно, чтобы ты привезла мне... ту вещь... пожалуйста... Мне больше некому довериться...

Казалось, она слабеет, пока со мной говорит, и только железная воля, позволившая ей, совсем ещё молодой девушке, занять положение второго по значимости человека одного из самых влиятельных картелей Мексики, ещё удерживает её в сознании.

— Вылечу немедленно, — я, наконец, справилась с дрожью. — Высылай адрес.

— Спасибо, gabacha... — прошелестела она. — С этим долгом я не рассчитаюсь никогда... Спасибо... — и отключилась.

— Вылетишь немедленно? Куда?

Я слегка вздрогнула — уже и забыла о начавшем подниматься по лестнице Джеймсе, так и оставшемся на первой ступеньке.

— Ещё не знаю. Она вышлет...

Звук полученного сообщения, я глянула на экран.

— В Синалоа.

— Ты с ума сошла? — Джеймс пронизал меня свирепым взглядом. — Это — безумие! Не говоря о том, что завтра — операция, которая...

— Не стоит жизни моей подруги, — отрезала я. — Отойди, мне нужно подняться наверх и собраться.

— На тот свет? — громыхнул он. — Или ты этого не понимаешь?

— У тебя ведь есть пистолет? — не слушая, пробормотала я. — Хотя... меня с ним не пропустят... Обойдусь...

— Сурэйя! — подскочив, он встряхнул меня за плечи. — Посмотри на меня!

Я подняла на него глаза.

— Ты не можешь лететь сейчас в Синалоа. Не можешь лететь туда вообще! Таких, как ты, там убивают по сотне в день одним взглядом! Поверь мне, я знаю, что...

— Таких, как я? — я выдернулась из его ладоней. — Изнеженных, ни на что не способных, выживающих в жестоком мире только благодаря деньгам своих родителей? Может, ты и прав! Может, я не продержусь дальше аэропорта! Но не буду спокойно наблюдать, как умирает моя подруга, которой я стольким обязана. Отойди в сторону.

— Нет, — Джеймс дёрнул желваками. — Ты никуда не полетишь. Если понадобится, удержу силой.

— Не посмеешь!

Он угрожающе двинулся ко мне, я попятилась к двери и запальчиво пообещала:

— Сделаешь это — завалю всю операцию.

— Это и так произойдёт, если уйдёшь сейчас.

— Необязательно. Сотовый со мной, если Элиаш позвонит, подтвержу, что всё в силе. Он покинет дом всё равно. Через какое-то время позвоню ещё раз и скажу, что задерживаюсь — вы успеете всё сделать. Но, если попытаешься меня удержать...

— Сурэйя, — голос Джеймса снизился почти до шёпота. — Прошу тебя, не делай этого. Ты подставляешь нас и убиваешь себя — ради чего? Она может быть мертва, когда ты...

Но я уже понеслась к двери. Джеймс попытался догнать меня, но, увернувшись от его рук возле самой двери, я вылетела за порог. Ещё мгновение — и дверь захлопнулась перед его носом, а я истерично повернула ключ в замке несколько раз.

— Сурэйя! Остановись! Это — самоубийство! — выкрикнул он, шарахнув в дверь.

Бросившись к машине, я слышала, как разлетелось окно и два глухих удара — когда Джеймс выскочил из окна вслед за выбившим стёкла стулом. Но я уже запрыгнула в машину и повернула в зажигании ключ — хорошо, что Чарльз распорядился сделать дубликаты для всех.

— Сурэйя!!

Я нажала на газ, и автомобиль, заревев, сорвался с места.

Больше книг на сайте - Knigoed.net